

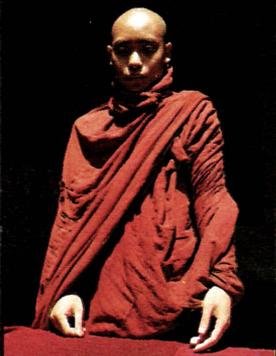
10

1992

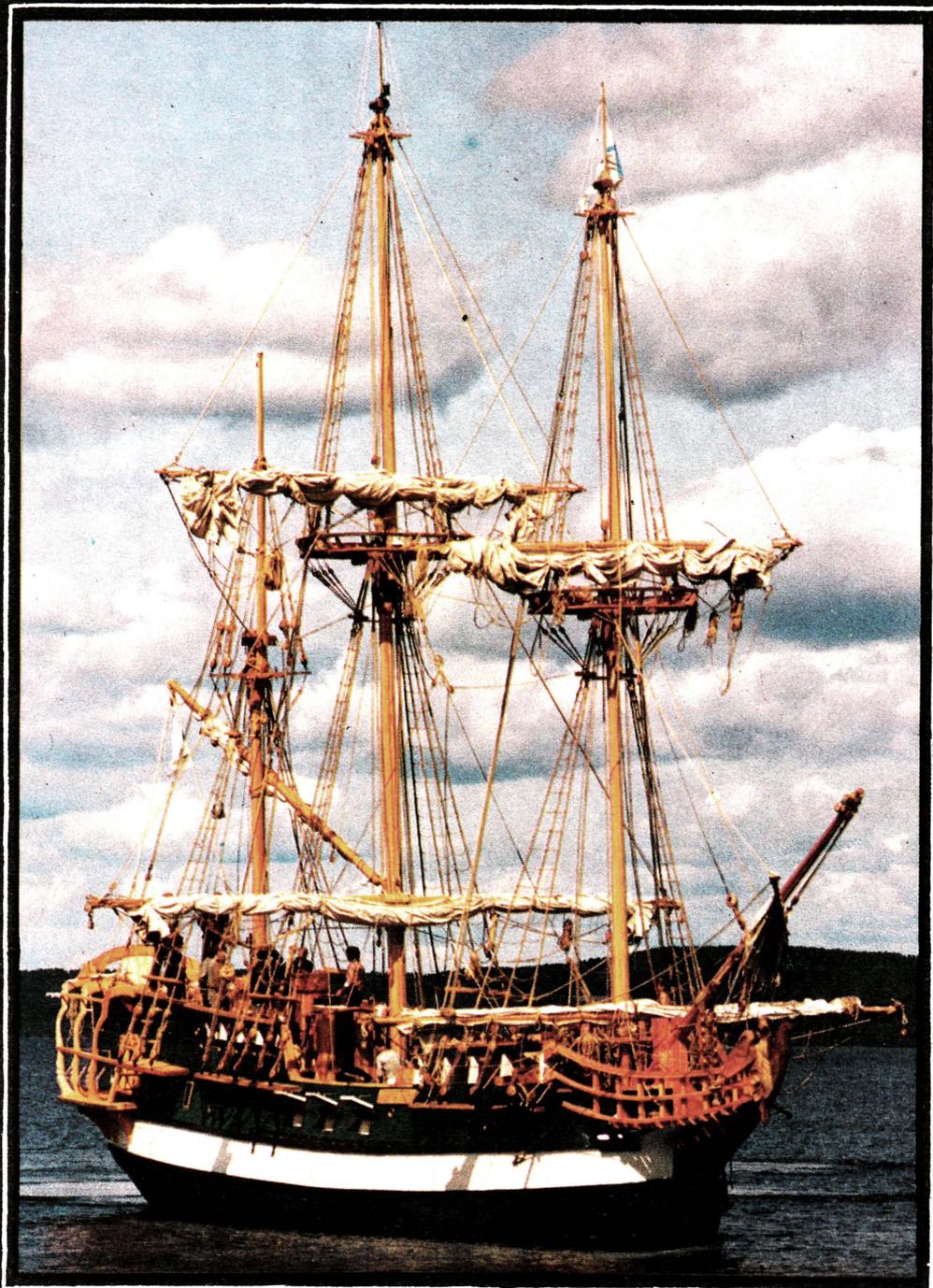
**ЗАГАДКА
АДМИРАЛА
КОЛУМБА**

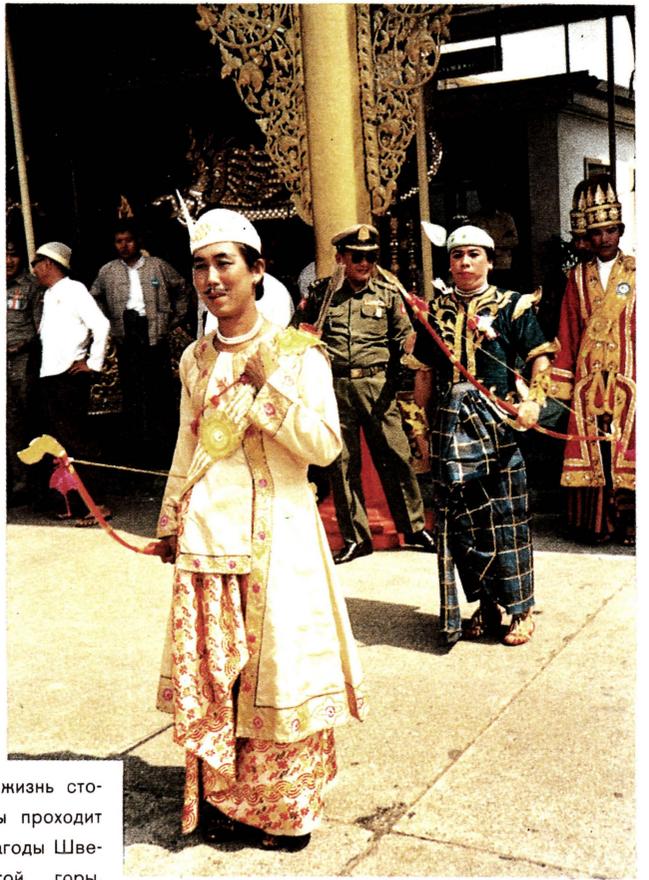
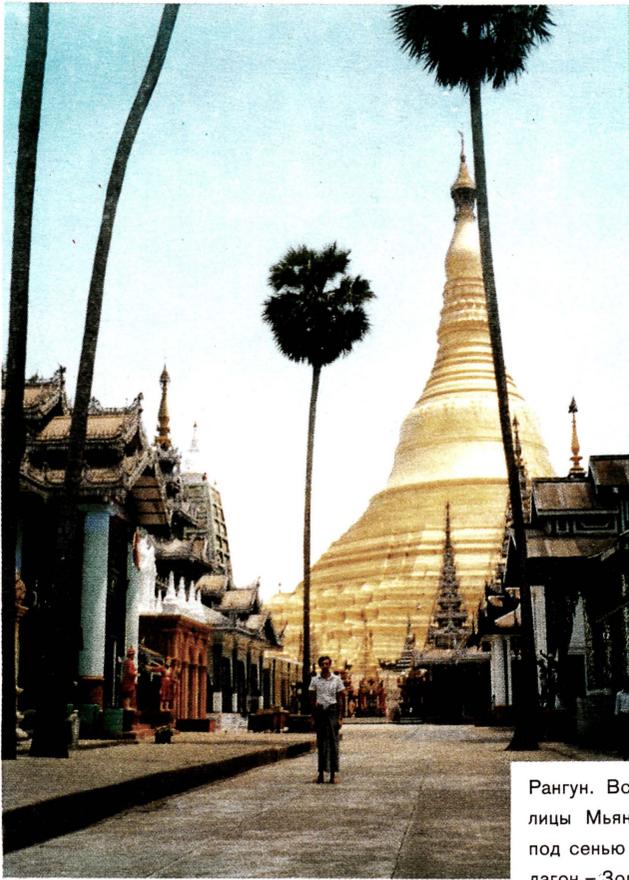
**ПРИХОДИТЕ
ПОСЛЕ УЖИНА**

**ПОД СЕНЬЮ
ЗОЛОТОЙ СТУПЫ**

ВОКРУГ СВЕТА

Рангун. Вся жизнь столицы Мьянмы проходит под сенью пагоды Шведгагон – Золотой горы, как называют ее в бирманском фольклоре. Фото Н. Листопадова. См. стр. 32.

© «Вокруг света», 1992 г.

10/1992
ОКТАБРЬ

VIA EST VITA

В. ЛЕБЕДЕВ, А. СТРЕЛЕЦКИЙ
«Пивное море» у красных скал **2**

К 500-летию открытия Америки

Ю. СУПРУНЕНКО
Заглянувший за горизонт **8**

Ю. ПАВЛОВ
Блеск и нищета Изабеллы **14**

В. ГАЛЕНКО
В Америку, к Колумбу... 100 лет назад **17**

ДЕЛО ВКУСА

Лев МИНЦ
Приходите после ужина **20**

На первой странице обложки:

ФИНЛЯНДИЯ. У причала города Котки фрегат «Святой Дух» — копия корабля петровских времен, построенная петрозаводской фирмой «Карелия — ТАМП». Деревянные суда, копии парусников далекого прошлого, принадлежащие этой фирме, можно встретить у берегов Франции, Канарских островов, Аляски. Новенький фрегат впервые пересекает Балтику для участия в выставке парусных деревянных судов. Репортаж с «Бот-шоу» читайте на стр. 32.

В оформлении номера использованы иллюстрации из журналов «National geographic», «Geo».

О СТРАНАХ И НАРОДАХ

Н. ВЫШИНСКИЙ
Поезд, где вас могут съесть... **24**

Глеб ГОРЫШИН
Вернемся к нашим фазанам **26**

Николай ЛИСТОПАДОВ
Собственный город Будды **32**

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ

Ю. КУРАСОВ
Золотой лев свободы **30**

АВАНТЮРНЫЙ РОМАН

А. ШАРЬЕР
Папийон **43**

ПЕСТРЫЙ МИР **40**

Главный редактор
А.А.ПОЛЕЩУК

Зам.главного редактора
В.А.ЛЕБЕДЕВ

Ответственный секретарь
Н.Н.НЕПОМНЯЩИЙ

Редакция:

М.Э.АДЖИЕВ
Л.В.БОБРОВА
А.К.ГЛАЗУНОВ
Л.В.КОСТЮКОВА
Н.В.КРИВЦОВ
Е.Ф.КУЗЬМИН
В.И.КУХАРУК
Н.Г.МАЛИНИЧЕВА

Н.А.МАЛИНОВСКАЯ
Л.М.МИНЦ
В.К.ОРЛОВ
Н.А.САФИЕВ
В.В.СЕМЕНОВА
А.П.СТРЕЛЕЦКИЙ
В.Г.УСТИНЮК
Л.Н.ЦЫГУЛЕВА
Л.А.ЧЕШКОВА
Г.П.ШТУЛЬ

Главный художник
В.И.НЕВОЛИН

Художественный редактор
О.И.БОЙКО

Макет
Н.А.МАЛИНОВСКОЙ

Операторы ЭВМ
Ю.А.ВЕРШИНСКАЯ
М.В.НИКУЗАЙЛО

Учредители журнала: коллектив редакции и АО «Молодая гвардия».
Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых в журнале материалов.
За содержание рекламы отвечают рекламодатели.

125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., 5а. Телефоны:
для справок — 285-88-83, отдел писем и
рекламы — 285-88-68, «Искатель» —
285-80-10. Редакторы: 285-89-83,
285-89-85. Телефакс /095/ 972-05-82

Редакция знакомится с
письмами читателей, не вступая,
как правило, в переписку.
Рукописи не рецензируются,
редакция лишь сообщает авторам
свое решение.

5«А» Novodmitrovskaya str.
Moscow 125015
Fones: 285-88-83
285-88-68
Fax /095/ 972-05-82

Сдано в набор 16.10.92. Подп. к печ. 03.11.92. Формат 84x108 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Условн. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 28,56. Учетно-изд. л. 11,9. Тираж 135 700 экз. Заказ 2099. Цена номера 19 руб. (по подписке).
Типография АО «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Н-30, Суцеская, 21.
«Вокруг света», 1992, 1-64, АО «Молодая гвардия», 70142

В. ЛЕБЕДЕВ, А. СТРЕЛЕЦКИЙ (фото),
наши специальные корреспонденты

«ПИВНОЕ МОРЕ» У КРАСНЫХ СКАЛ

Что может быть лучше упругих парусов в синем небе и стремительно летящей шхуны в брызге морских волн? Первое «Бот-шоу», а точнее — первая Международная выставка деревянных парусных судов, состоялось нынешним летом в финском городе Котка. Выездная бригада журналистов «Вокруг света» побывала там по приглашению петрозаводской фирмы «Карелия — ТАМП», подготовила выставку по истории нашего старейшего российского журнала, которому исполнилось уже 130 лет, и оформила стенд, посвященный деятельности известного карельского клуба «Полярный Одиссей». В этом номере публикуется очерк о «морских днях» в Котке, а в ближайших номерах будут помещены материал и рисунки нашего художника Владимира Неволина, участвовавшего в плавании на фрегате «Святой Дух» по Балтийскому морю.

Эти скалы — заметная достопримечательность Котки — отвесной стеной возвышаются над набережной города в районе порта.

Мимо них мы дефилировали дважды в день, отправляясь из городского портового склада, принявшего выставку, в местный лицей, где нас кормили обедом. Талонами участников выставки снабдил Лео Скогстрём, глава фирмы «Лебак Чартерс», побывавший в гостях в Петрозаводске и пригласивший участвовать в выставке деревянный флот «адмирала» Виктора Дмитриева, то бишь президента клуба «Полярный Одиссей» и фирмы «Карелия-ТАМП», давнишнего друга журнала «Вокруг света».

Вся эскадра Дмитриева, конечно, не могла почтить визитом дружественный порт Котку, так как ее суда были разбросаны к июлю месяцу по всем морям и океанам. Лодьи «Вера», «Надежда», «Любовь» шли в Средиземном море вдоль испанских берегов, чтобы принять участие в Колумбовом юбилейном плавании; трехмачтовый «Святитель Николай» направлялся к берегам Франции в город Брест — на

морской праздник; у берегов Аляски «открывал» Русскую Америку коч «Помор»...

Мы каждый день упорно взбирались на скалы, ожидая только что сошедшие со стапелей в Петрозаводске новые корабли — «Святой Дух» и «Пилигрим». С Красных скал горизонт отодвигался далеко, однако на переливающей под горячим солнцем морской голубизне виднелись лишь черные силуэты сухогрузов да мелькали косые паруса легких яхт.

Проходил первый, второй день выставки, на отведенном «Карелии — ТАМП» месте красовались лишь стенды с фотографиями, да шла вялая торговля сувенирами («а-ля русс»), а на горизонте все не показывались квадратные серые паруса фрегата «Святой Дух».

За это время мы облазили все скалы, узнав, кстати, от аборигенов, почему они стали красными. Обычные в этих местах гранитные выступы, по замыслу одной шведской художницы, окрашены в красный цвет местной фирмой — в городе появилось яркое пятно. С Красных скал было заметно небывалое оживление на улицах и

площадях Котки, городка в общем-то небольшого и малолюдного.

Дело в том, что «Бот-шоу» приурочили к дням ежегодного морского праздника. Во дворах домов, особенно старых особняков, устраивались детские праздники с музыкой, песнями, играми и угощениями. Маршировали оркестры, а на набережной выстраивались команды многочисленных яхт и шхун (их было свыше восьмидесяти), ошвартовавшихся у причалов.

На парусниках у нас уже завелись знакомые. Вон сходят ребята с яхты «Альбатрос» Балтийского морского пароходства, которая участвовала в гонках учебных парусных судов, названных в честь знаменитого клипера «Катти Сарк». Эмблемы с его изображением полощутся на мачтах многих судов, в том числе и на английской шхуне «Малькольм Миллер», привлекающей взгляды публики своей основательной морской оснасткой и дисциплинированной командой. Подроски в одинаковой форме уже выстроились у своей шхуны, где мы побывали накануне в гостях у Майкла Бэлэнса, бывшего морского офицера, а ныне инструктора по парусному

спорту. Около двадцати лет он обучает ребят морскому делу на этой шхуне-школе, где за двухнедельное плавание пятьдесят подростков проходят нелегкие испытания корабельной жизнью. Они учатся вязать узлы и драить палубу, стоять у штурвала и поднимать паруса.

— Мы плаваем в любую погоду, наша шхуна выдерживает в шторм и ветер, и волны, — рассказывал нам Майкл. — Конечно, ребята с непривычки страдали от морской болезни, их укачивало, но никто не падал с матчи, никого не смывало волной с палубы — словом, несчастных случаев не было. На шхуну приходят и наркоманы, и хулиганы — всякие ребята, но многие меняют свою жизнь, некоторые становятся моряками. Одна негритянка из лондонского приюта, прошедшая курсы на шхуне, пришла потом к нам работать коком. Так что морская школа дает совсем неплохую выучку для дальнейшей жизни...

Пока мы наблюдали за построением команд парусных судов, вокруг нас стало гораздо оживленнее. На все более или менее уютные площадки скал стали вползать теплые компании, но не из-за прелестей открывающихся отсюда пейзажей, а скорее по причине переполненности города приезжими из разных районов Финляндии. Гости собираются на «морские дни» в Котку не только со всего Суоми: под крышей гимназии, которая нас приютила, мы слышали и немецкую, и шведскую, и французскую речь бравых любителей

морских приключений. И все они прибыли на мотоциклах, машинах и автобусах. Авто всевозможных марок заполнили улицу, налезали на тротуары, чуть не въезжая бамперами в витрины. Они, поражая многоцветьем окраски и эпатирующими надписями, как диковинные насекомые, расположились в скверах и парках, даже около православного собора святого Николая.

В один из этих буйных дней, как-то по-тропически душным вечером, мы рискнули заглянуть в местный парк, который даже издали смотрелся заманчиво и фантастически. В ночи вырисовывался огненный контур скалы, а под нею в тени деревьев, освещенных разноцветными столбами огня, двигались машинные полчища, ослепляя фарами, вспыхивая сигналами, оглашая окрестности резкими sireнами. Словно автороботы или инопланетные создания с небес возвещали конец мира...

Все огромное пространство парка кишело техникой: по дорожкам не пройти, кусты не обогнуть — казалось, и в кронах деревьев угнездились велосипеды и мотороллеры.

А вокруг копошились их владельцы. Целый божий день они слонялись толпами по улицам, вливаясь потоками в море площадей и базаров. Тысячи молодых, здоровых парней и девиц заполнили городок, чтобы себя показать и на других посмотреть. И зрелище было поистине красочное: идут-бредут толстые и тощие, наголо бритые и волосатые, раскрашенные, как попу-

гаи, расхристанные, в цветастых штанах до колен, над которыми свисают бурдюками животы, раздутые от пива.

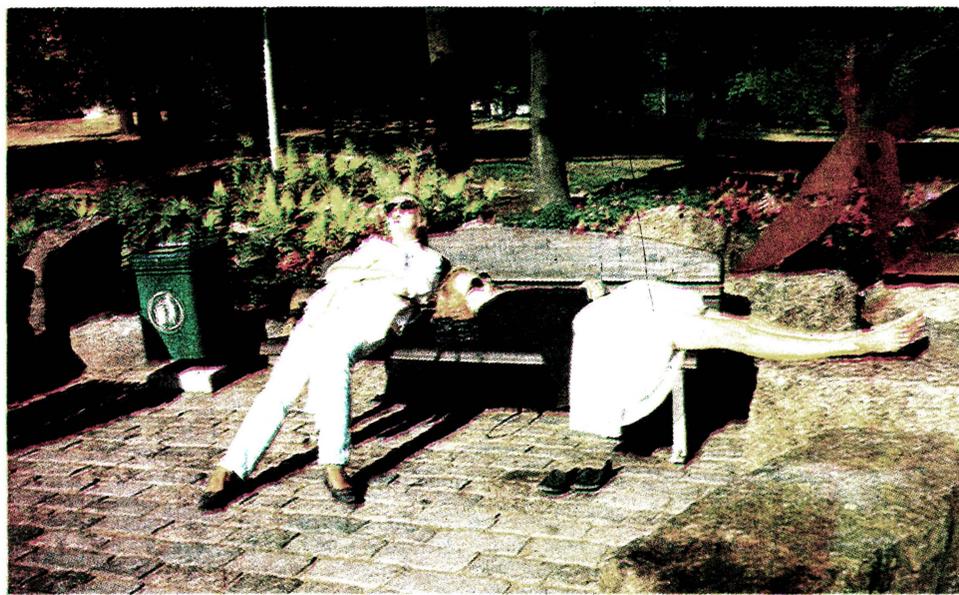
Вот уж чего было море разливанное, так это пива — сотни сортов, из банок, кружек, бутылок, прохладное, пенное, обжигающее, — светлое, желтое, черное, белое, — оно вливалось сверкающими струями в тысячи жаждущих, воспаленных глоток. И веселящий напиток заставлял прыгать и орать песни, кувиркаться и бесноваться, обниматься и, взявшись за руки, кружиться в хмельном убойном веселье. И верные подруги скакали рядом, будто козы, и, как к рогу с пьянящим напитком на древних вакханалиях, прикладывались к горлышку пивной бутылки. А когда иссякали силы даже у этих отменно здоровых молодых людей с бритыми розовыми затылками, они падали наземь и успокаивались в объятиях Бахуса и Амура.

Апогеем этих сатурналий был порыв к всеобщей любви, когда под звездным пологом все толпы сливались в едином объятии и поцелуе.

И наступило утро. Удивительное утро, когда с первыми лучами солнца маленький городок, превращенный за разгульную ночь в помойку и сортир, моментально начинал чистить перышки. С асфальта сметался весь мусор прошедшей веселой ночи: от упаковок с хрустящим картофелем — чипсом до помятых пивных банок, пробок и разбитых бутылок. Мыльной рекой смывались желтые следы пивных ручьев и остатки закусок. Город, как

Парад парусников, броские прилавки с сувенирами, пестрая толчея в центре города и тяжелое утреннее похмелье — все это Котка в незабываемый миг праздника.

птица феникс, вновь блистал чистотой под струями поливальных машин.

Словно ничего и не произошло, только трудно, просто невозможно было спрятать самих героев торжества, то бишь морского праздника. Ими, как таинственными знаками, было усеяно все городское пространство. Они лежали в самых неподходящих местах в удобных и чрезвычайно неудобных позах: на тротуарах и под скамейками, на причалах и на скалах, под машинами и внутри их, с закрытыми стеклами и включенными моторами. Полураздетые, привольно раскинувшись под солнцем на зелени газонов — они упали там, где сразил их хмельной и любовный угар. Великий дух Сна и Покоя витал над их распростертыми телами...

Пройдя по этому неописуемому «полю брани» через весь город от нашего ночлега в гимназии до причалов, обдуваемых соленым ветром, мы неожиданно встретились у здания «Ботшоу» с моим давнишним знакомым Тимо Ялканеном, с которым несколько лет назад плавали на заповедные острова, разбросанные вдоль побережья.

Мы с Тимо ахаем, охаем, улыбаемся, с удовольствием осматриваем друг друга и признаем, что мы еще «ничего себе» и «мало изменились».

— Тимо, объясни ради бога, что случилось с вашей благонравной Коткой? Почему она так разгулялась?

С Тимо можно говорить откровенно: он изучал русский в Ленинграде, в университете, где стал биологом. У него там много друзей, он не уклоняется от острых вопросов и любит сам задавать их.

Сейчас Тимо только прищурил ярко-голубые глаза загоревшем, как у настоящего моряка, лице и, лукаво улыбаясь, ответил:

— Неужели здесь пьют и хулиганят больше, чем у вас?

Естественно, этот вопрос нам стоило пропустить мимо ушей и терпеливо подождать дальнейшего объяснения.

— Дело в том, что «морские дни» в Котке — традиция. Этот праздник отмечают здесь уже четверть века. Сколько было протестов, недовольства, когда всего лишь раз его отменили. И знаешь почему? У городских властей не хватило денег на выпивку. За эти «морские дни» выпивается неизмеримое количество пива — недаром здешние жители зовут праздник «пивным морем». Конечно, он приносит большой доход городу.

Тимо на минуту умолкает, а затем спрашивает:

— Ты помнишь, как мой друг капитан Кейо Юрьёля сетовал, что его сыновей и внуков нелегко заманить на остров Хаапасаари, где их родной дом, где похоронены их предки. Молодых больше тянет к комфортной жизни, к городским развлечениям. А море — это не только романтика, но и тяжелая работа. Мы здесь тоже думаем, как

сделать праздник разнообразнее, чтобы он не был пьяным разгулом. Вот, вспомнил, в русском языке есть точное слово, которое выражает то, чего не хватает празднику — «содержательности». Поэтому именно в «морские дни» проводится в Котке «Ботшоу».

Мы входим на выставку по пропуску (входной билет дорогой — двадцать марок), и Тимо останавливается у красавца катера с изящнейшими обводами. От его владельца — нашего соседа по выставке — дизайнера Пауля Суомина из города Ловиса мы уже знаем, что на этом катере, обладающем хорошими мореходными качествами, можно совершить кругосветное плавание, что он и хочет сделать вдвоем с сыном Питером, совладельцем фирмы, на карточке которой значатся слова: «архитектура, театр, выставки, корабли». Отец и сын усовершенствовали популярную в 30-е годы модель, внесли новый дизайн, применили эпоксидные смолы, и хочется постучать по корпусу катера, чтобы проверить, из дерева ли он, — таким современным, «пластиковым» смотрится судно.

Пауль — театровед, профессор, любитель русской словесности (цитировал нам Горького, Бунина, Паустовского) — одобряет традиции морских праздников, ритуалы, шествия, маскирады, даже напел нам настоящую моряцкую песню «Моряк и звезда», победившую на прошлогоднем конкурсе.

— А как тебе нравится «пивное море», когда оно разгуляется, вот гости интересуются? — спрашивает его Тимо.

— Ну что ж, как разгуляется, так и успокоится. Это забота властей, — отвечает Пауль. — Конечно, мне не очень нравятся натуралистические картинки на празднике, но я надеюсь на человеческий самоконтроль. Ну а потом, зачем существует полиция, которую содержат на марки налогоплательщиков, — вот она и должна следить за порядком. Пусть люди пар из себя выпускают...

— Да, это так, — поддерживает его Тимо, — но не вся же молодежь участвует в попойках. Нашу выставку посещает в день более двадцати тысяч человек. Вы посмотрите, как ребята влюбленно смотрят на паруса, осматривают деревянные катера, лодки. Пойдемте, я познакомлю вас с потомственным лодочником...

И Тимо увлекает нас в глубь выставки, где у строящейся лодки сгрудились зрители. Они слушают объяснения Иорма Кузела и смотрят, как на их глазах руки мастера буквально валяют рыбацкую лодку.

Иорма, как себя помнит, всегда вертелся около отца — лодочного мастера. В городке Куопио все знают дом Кузелов — там жители заказывают лодки. Прадед еще мастерил лодки, потом — дед, а отец, Вьяйнэ в свои шестьдесят с хвостиком лет и сейчас не

отстает от поджарого, быстрого в движениях сына. В год они «выдают» по 60 лодок, типа «саво» (по названию района в Финляндии), на которых ловят рыбу, перевозят островных жителей в город, заготавливают корма.

И озеро от дома недалеко — там сараи, причалы, лодки и лес поблизости. Каждый год Кузелы валят около гектара леса: на лодки идут старые ели. Можно использовать и сосну, но она дороже, ее труднее найти. Выбирают участок весной, когда стоит снег. Спиленные деревья хранят целое лето на улице, а потом, чтобы лучше просохли, два-три года — в сарае.

Пока мы с Тимо слушали Кузелу, подошел петрозаводский судосборщик Анатолий Носков и, любовно хлопывая широкой ладонью по борту лодки, стал сравнивать, как «у них» и как «у нас».

— Мы строим из сосны — она мягче, легче в обработке, а финны выбирают ель. У сосны чаще сучья выпадают, а у ели они мельче, теснее расположены — она крепче, — рассуждает Носков. — Для форштевня мы выбираем корень сосны, а финнам надо найти подходящий по форме ствол дерева. Так-то все делаем примерно одинаково, но их инструмент не идет ни в какое сравнение с нашим. У них удобные, легкие, «под руку» и фуганок, и дрель. Даже гвозди здесь другие — у нас только «конские», а тут квадратные, медные — не ржавеют и клепать можно.

Носков вздыхает, Кузела улыбается, и все сходится в одном: «Дерево превосходит пластмассу, оно более надежно, безопасно, лучше идет по воде».

Когда мы уже завершали разговор и сын Кузелы — Антти заворачивал нам как сувенир образцы «фирменной» смолы в бутылочках, за открытыми воротами выставочного склада раздается шум и слышится какая-то пальба.

— Наши пришли! — кричит Носков. И мы опрометью бросаемся на набережную.

... В клубах порохового дыма от залпа бронзовых пушек величаво, словно участвуя в съемках фильма, приближается изумрудный корабль с высокими резными бортами, а на мачте развевается Андреевский флаг. Наконец-то прибыли «Святой Дух» и «Пилигрим»! Корабли швартуются, и я вижу, как Кузела помогает сгружать с палубы лодку-кежанку, заботливо ошупывая у нее поврежденный нос.

Под вечер, когда лодку занесли уже в выставочный зал, я видел, как Иорма Кузела вместе с нашими судостроителями ремонтировал кежанку.

«Если так дело пойдет, — подумалось мне, — то толк от выставки будет. И в следующем году в «пивное море» Котки снова прибудет деревянная флотилия «адмирала» Дмитриева из Карелии».

Котка

Если вы не смогли оформить подписку на журнал
«ВОКРУГ СВЕТА»,
мы можем выслать очередной номер
ПО ПОЧТЕ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ.

Для этого вам необходимо перевести на счет редакции
20 руб. (19 руб.+ 1 руб. за обслуживание), вложить в
конверт квитанцию и направить в адрес редакции «ВС».

На почте при получении бандероли вам необходимо
будет оплатить стоимость пересылки.

Чтобы удешевить почтовые расходы, делайте заказ сразу
на несколько номеров, но имейте в виду, что в одну
ценную бандероль входит не более 4 экземпляров.

Расчетный счет редакции **608583 в Тихвинском
отделении Мосбизнесбанка г.Москвы, МФО 201553.
Почтовый индекс банка 103055.**

Очередные номера журнала и приложения «Искатель»
можно купить также непосредственно в редакции.

*Справки по телефонам: 285-88-83, 285-88-58
с 11 до 17 часов.*

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА» ЗАКЛЮЧАЕТ ДОГОВОРЫ

на реализацию журнала, приложения «Искатель» и других
изданий с юридическими и частными лицами.
Готовы рассмотреть вопрос предоставления эксклюзивного
права на распространение издательской продукции.
Контактные телефоны: 285-80-58, 285-88-68.

ЕСЛИ ВЫ МОСКВИЧ ИЛИ ЧАСТО БЫВАЕТЕ В СТОЛИЦЕ, у вас есть шанс УВЕЛИЧИТЬ СВОИ ДОХОДЫ

Вы можете прийти в нашу редакцию и приобрести
журналы «Вокруг света», приложение «Искатель»,
специальные выпуски журнала мелкооптовыми партиями
по минимальной отпускной цене. Продажа этих
популярных изданий будет выгодна вам и редакции.
Контактные телефоны: 285-88-85, 285-80-58, 285-88-68.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА ВЫРАЖАЕТ ИСКРЕННЮЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПОМОЩЬ «ВОКРУГ СВЕТА» И ПУБЛИКУЕТ СПИСОК ДАРИТЕЛЕЙ

Добошинский С.В., г.Навои; Шимончик И., пгт Гусятин Тернопольской обл.; Руди-
чев В.К., Волгоград; Черепанов М.В., п.Ильинка, Бурятия; Чередниченко Н.Ф.,
г.Владивосток; Захарова В.С., г.Таллинн; Киблер Н.И., г.Прокопьевск; Преснякова
Н.С., Горки-2 Московской обл.; Трошина М.В., п.Хомутовка Курской обл.; Жукова
Т.А., Камчатская обл.; Нашкарова Р.П., Ильменский с/з Воронежской обл.; Тихо-
нова Н.С., Калининград; Серегина В.К., с.Новоселовка Донецкой обл.; Толкачева
Р.А., г.Челябинск; Коротич В.Г., г.Керчь; Висенко В.М. г.Сумы.

ПОПРАВКА

В номере 8 журнала в объявлении
об издании 10-томного собрания
сочинений Р.Сабатини допущена
ошибка: неправильно указан но-
мер расчетного счета, на который
следует перечислять 200 рублей.
Правильный номер расчетного
счета МП «Всемирный следопыт»:
468324 в коммерческом банке «Кол-
лосс», МФО 201092, почтовый ин-
декс 107150. Редакция приносит
читателям извинения и сообщает,
что жителям Москвы и Москов-
ской области деньги будут возвра-
щены из банка, и им придется от-
править перевод еще раз — на счет
468324. Жители других регионов
могут не беспокоиться: их деньги
попадут на нужный счет. Это свя-
зано с разными способами обра-
ботки денежных поступлений в
банке «Колосс».

Журнал «Вокруг света» принимает к публикации **ЧАСТНЫЕ КОММЕРЧЕСКИЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ.**

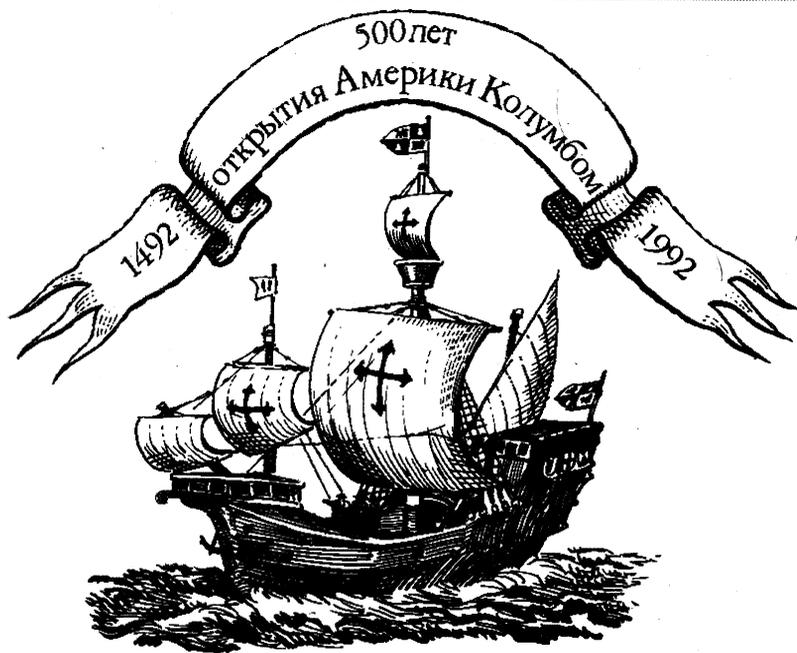
Стоимость этого вида услуг
500 руб., с учетом НДС, за модуль
(5 x 1,5 см). Текст должен быть
написан печатными буквами
или отпечатан на машинке и не
может содержать более 200 знаков,
включая знаки препинания
и пробелы (приблизительно 20
слов). Просим также сообщить
свои Ф.И.О., телефон или адрес,
которые не будут публиковаться,
а могут понадобиться для уточ-
нения содержания. Объявление
может быть опубликовано через
3,5 месяца после получения ре-
дакцией текста и документа об
оплате.

Редакция осуществляет редак-
торскую доработку. Объявления
неэтичного характера в печать
не принимаются.

Частные ОБЪЯВЛЕНИЯ НЕ-
КОММЕРЧЕСКОГО ХАРАК-
ТЕРА редакция публикует БЕС-
ПЛАТНО, по своему выбору.

Благотворительные взносы для
поддержки старейшего россий-
ского журнала «Вокруг света» и
проводимых им конкурсов, экспе-
диций, а также для оформления
льготной подписки инвалидам
можно перечислить на расчетный
счет журнала **608583 в Тихвинском
отделении Мосбизнесбанка, МФО
201553, почтовый индекс 103055.**

О переводе денег просим сооб-
щать в редакцию.

Современники Колумба не смогли по достоинству оценить важность сделанного им открытия. Он умер в нищете и забвении в Испании 20 мая 1506 года, до конца своих дней не ведая, что же он в действительности открыл. Лишь после экспедиции Бальбоа, Магеллана и Веспуччи европейцы поняли, что за просторами Атлантики лежит совершенно новая земля. И только новые поколения авантюристов оказались более благодарными к памяти Колумба. Уже в XVI веке то, что искал Колумб в «Западных Индиях», нескончаемым потоком хлынуло в Европу — ацтекское и инкское золото и серебро, драгоценные камни, пряности. И вновь взмолился на высокий пьедестал истории великий мореплаватель. Одна из самых северных стран Южноамериканского континента была названа в его честь — Колумбией. Не меньше чтут Колумба и в Испании, и в его родной Генуе. Но лишь в США отмечают День Колумба — 12 октября — как национальный праздник. В честь мореплавателя названы здесь города, округ, гора, река, университет, городские улицы.

Это — признание не столько первенства открытия континента, сколько того, что своим плаванием Колумб положил начало новой эпохе в обживании и исследовании планеты, эпохе Великих географических открытий. Ну а споры вокруг открытия Америки продолжают до сих пор. Самыми популярными среди претендентов оказались викинги. Их авторитет особенно поднялся после того, как в 60-е годы норвежец Х. Ингстад обнаружил остатки норманнского поселения X—XI веков на северной оконечности острова Ньюфаундленд. Доказательства первенства скандинавов в открытии северо-восточного побережья Америки были настолько весомыми, что в 1964 году президент Линдон Джонсон подписал законопроект о ежегодном праздновании 9 октября Дня Лейфа Эйриксона. Так официально норманны, а не Колумб, были признаны первооткрывателями Нового Света.

Но сторонники Колумба, особенно американцы итальянского происхождения, не могли успокоиться.

Их никак не устраивало, что праздник викинга на три дня опережает праздник генуэзца. 12 октября 1965 года во многих городах США даже прошли демонстрации тех, кто не желал уступить приоритет Колумба.

Вопрос, конечно же, во многом надуман. Тут больше игры страстей, чем желания выяснить достоверную историческую правду. Дают о себе знать и национальные амбиции американского «правильного котла». И если уж устанавливать документально подтвержденного первооткрывателя Северной Америки, то им был Джон Кэбот из Англии. Правда, был он не англичанином, а итальянским моряком на английской службе — Джованни Кабото. 24 июня 1497 года он высадился на мысе Больд острова Ньюфаундленд, а позже обследовал мыс Рейс на том же острове. В его честь назван пролив между островами Ньюфаундленд и Новая Шотландия.

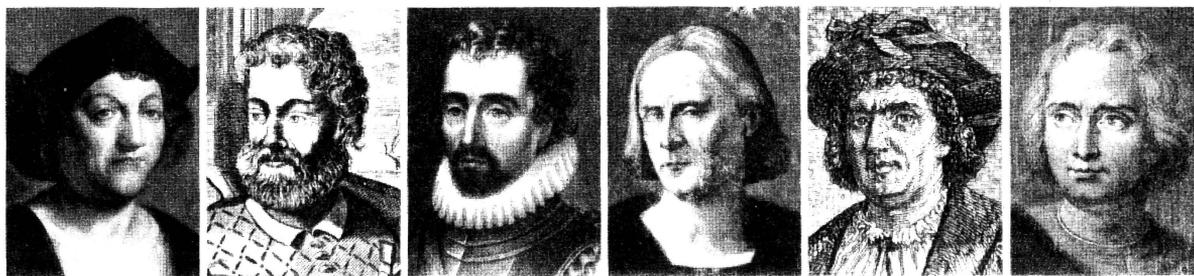
Ввиду спорности самого понятия «открытие Америки» организаторы празднества в честь 500-летия плавания Колумба вопрос о приоритете решили просто опустить. К тому же это принижает коренных жителей Америки — индейцев, носителей богатой материальной и духовной культуры. «Встреча двух миров» — таково нейтральное название юбилейного события, отмечаемого в этом году.

Против чествования Колумба выступили латиноамериканские страны, напомнившие о том, что приход европейцев принес неисчислимые бедствия их народам, стал началом геноцида индейского населения, разрушил своеобразное общественное устройство. В результате дискуссий мировое сообщество решило не «праздновать», а «отмечать» 500-летие плавания генуэзца. И все же у большинства на устах остается именно Колумб — как символ дерзновенного поиска, прорыва в Неведомое.

В предлагаемой подборке «Встреча двух миров» мы касаемся лишь некоторых, но мало известных читателю сторон этой страницы истории человечества.

ЗАГЛЯНУВШИЙ ЗА ГОРИЗОНТ

...Тучи ласточек, потревоженные звоном колоколов, беспокойно кружатся над величественным кафедральным собором в Севилье. В полумраке яркие лучи солнца рельефно высвечивают задрапированный саркофаг Христофора Колумба, на деревянной крышке которого вырезаны фигуры четырех королей. Испания стала второй родиной великого мореплавателя, и колумбоведы не могли обойти ее своим вниманием.

ДУХ ГЕНУИ

Трудная задача — распутать все перипетии жизни Адмирала. Как через пять столетий воссоздать образ этого замечательного человека, в деталях восстановить подробности его плаваний? Как найти ключ к мятежной душе беспокойного, ищущего человека, который, плывя на запад, пытался достичь востока?

До нас дошло немало документов того времени, принадлежащих лично Колумбу. Это прежде всего более 2500 записей, сделанных им на полях книг. Сохранились также около 80 писем, различные записки, хроники, копии судебных журналов из его первого плавания, сделанные им выписки из фолиантов. Большинство рукописей и архивных материалов, составляющих ныне своеобразный фонд Христофора Колумба, сосредоточено в Испании, но многие из оригиналов осели в Италии, Франции и Соединенных Штатах.

Большинство ученых согласны, что Христофор Колумб родился в Генуе. Но и этот, казалось бы, несомненный факт иногда вызывает жаркие споры.

Художники создали множество образов Колумба, однако его подлинное лицо по-прежнему остается загадкой.

Некоторые графологи угадывают в его неразборчивой подписи португальские корни. Другие считают его скандинавом («испано-еврейско-норвежский принц», как сказал один сторонник этой точки зрения). Кое-кто склонен выводить его род с Ибицы, что на Балеарских островах. Но и это не все. Оспаривают родство Колумба греки, галисийцы, швейцарцы, жители Каталонии, даже армяне и китаицы.

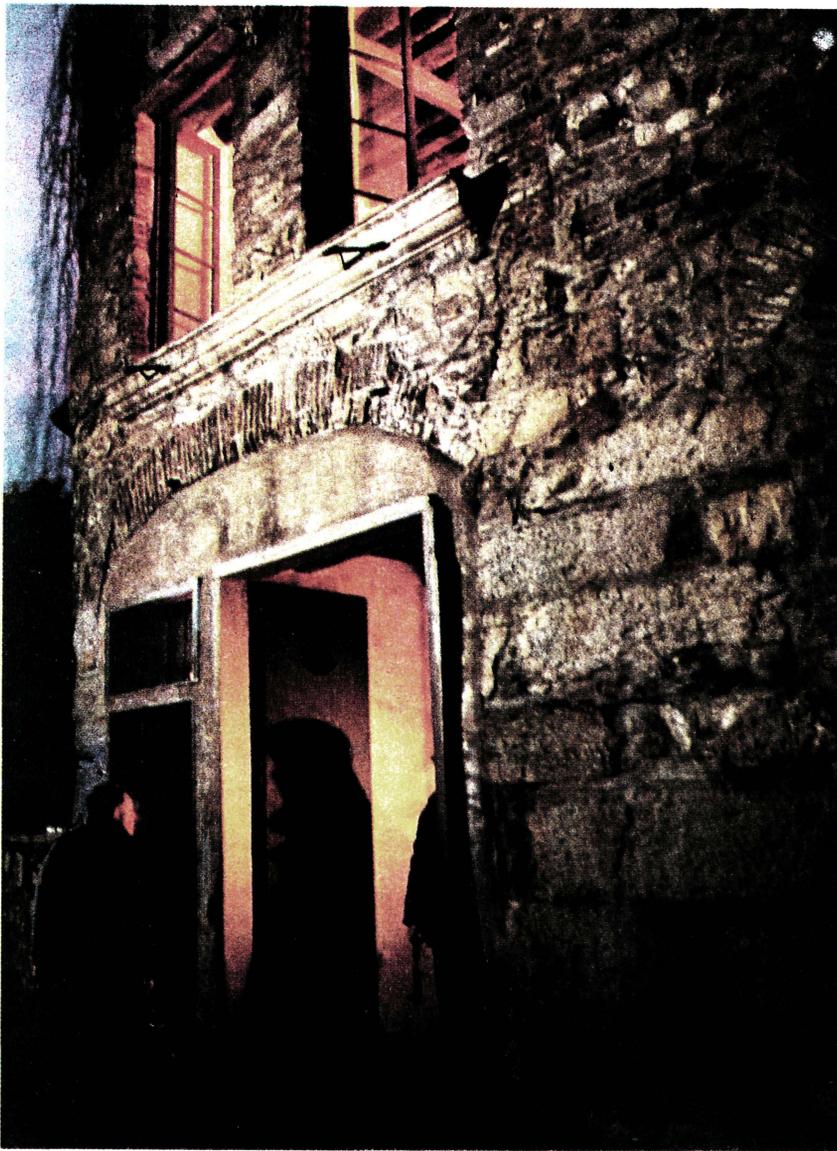
Чтобы установить его национальность, нужно было со всей определенностью выяснить хотя бы место и время его рождения. В этом помог архив герцога Инфантадо в Мадридском дворце. В одной из папок, на сморщенном и изогнутом складками переплете, перехваченном узловой тесьмой, значилась надпись: «Genealogia de Colon» — «Генеалогия Колумбов». Внутри была помещена карта с изображением поместья Колумбов, являвшимся предметом тяжбы в течение более чем 200 лет.

Внимание исследователей привлек кружок со словами: «Кристобаль Колон, первый Адмирал». Это был один из многих титулов великого мореплавателя. В кружке выше стоял Доминго Коломбо, отец Христофора, известный в официальных документах Ге-

нуи как Доменико Колумб. Это уже было кое-что — звено в родословной, связывающее семью Колумба с Генуей. Для дальнейших розысков исследователям нужно было отправляться в Италию.

В Генуе всем интересующимся судьбой Колумба нельзя обойти Альдо Агосто, директора местного архива, видного ученого, посвятившего себя истории Великих географических открытий.

Более 60 документов позволили восстановить историю семейства Колумбов, начиная с юности отца Христофора — Доменико. С 11 лет он начал работать подмастерьем фламандского ткача, а потом и сам дорос до наставника. В бурной атмосфере предпринимательства, царившей в Генуе, он поработал и сыроделом, и содержателем таверны, и производителем шерсти и вина. Числился в сторонниках мощного клана Фрегозо, глава которого, войдя во власть, назначил его своим привратником. Доменико Коломбо, как свидетельствуют документы, женился на Сузанне Фонтанаросса, и их первенцем стал в 1451 году Христофор. Хотя и не имеется достоверных сведений о доме, где прошли его детские годы, по всей вероятности, семейство проживало в это время близ

По предположениям биографов, Колумб жил в этом доме вблизи Porta Soprano, у городских ворот Генуи.

башен Porta Soprano, ворот в Геную. Позже появились сыновья Джованни, Пелегрино, Бартоломео, Джакомо и дочь Бианченетта.

С детства Христофор принимал участие в делах отца. Первое упоминание о нем в нотариальных записях появляется в сентябре 1470 года. Оно гласит, что к этому времени, в свои 19 лет, он занимается виноделием. Два года спустя обучается другому отцовскому ремеслу и становится ланайоло — чесьальщиком. Но очень скоро Христофор оставил это семейное дело.

Соленый воздух и морские корабли пленяли Колумба с детства. Еще в 70-х годах XV века он неоднократно плывал вдоль Европы по путям торговых судов, работая коммерческим агентом на кораблях, подобных «Санта-Марии». Он фрахтовал суда, нанимал матросов и зарабатывал деньги. Один

из документов отражает тягбу по поводу перевозки сахара с атлантического острова Мадейра. Из него следует, что 27-летний генуэзец Христофор проживает в Португалии и нанят, чтобы представлять интересы купцов Генуи в этих перевозках. Но как же он попал сюда?

По одной из версий, потерпев кораблекрушение у португальских берегов в 1476 году, Колумб с трудом выбрался на берег. Девять лет он прожил среди моряков и авантюристов. Всех их объединил принц Генрих, по прозвищу Мореплаватель, создавший на скалах Сагреша своеобразную школу для обучения искусству мореплавания.

Еще одна небезынтересная бумага представляла Колону из Генуи как морского Адмирала, принятого на службу Испанией. В 1496 году трое из его генуэзских кузенов согласились разделить расходы по отправке Джованни на службу к «господину Христофору Колумбу, Адмиралу испанского

короля». Джованни стал капитаном одного из судов в Третьем плавании Колумба, а позже был произведен в его адъютанты.

Следующие записи Колумба проливают свет на место его рождения. В 1502 году, находясь в Испании, он передал пожертвования в генуэзский банк Сан-Джорджи, желая облегчить для бедноты бремя налогов на пищу и вино. Сопроводительная записка включала его признание: «Даже если тело мое находится здесь, все же сердцем я всегда там». Существует еще ряд документов, относящихся к его происхождению. И все они свидетельствуют: куда бы потом ни забрасывала его судьба, Христофор Колумб, сын ткача Доменико Коломбо, начал свою жизнь в Генуе XV столетия.

А какое образование получил Колумб, что сформировало его личность и кругозор? Мало что известно об этом. Один из писателей считал даже, что он был неграмотным до 1494 года. Адмиральский же сын Фернандо утверждал совсем обратное: «Мой отец знал все буквы еще в раннем детстве и учился в университете Падуи». Правда, в списках учащихся этого известного на всю Европу учебно-просветительского заведения не значится такой студент. И ученые высказывают предположение, что, возможно, Колумб посещал монастырскую школу в одном из районов Генуи с названием, созвучным знаменитому университету. Как бы там ни было, имеются свидетельства близко знавших Колумбов о том, что мальчики в их семье были знакомы с грамотой с самого детства. Обнаружены и вещественные доказательства этого: в 1509 году один из братьев, Бартоломео, вручил своему племяннику Фернандо книгу-наставление по «рукописанию», или как бы мы сейчас сказали — «правописанию». Скорее всего его пользовались в свое время дети Колумбов.

Остается загадочной и его подпись. Сверху латинских букв «Христофeренс» («носящий имя Христа») пирамидой расположены греческие буквы, составляющие то же имя. Что это, тайное христианское заклинание или начало иудейской молитвы? Вопрос остается открытым. Но нам известно другое. Пустые поля книг Колумб часто использовал для переписки. Так сохранились во множестве подлинники его почерка. Анализируя их, специалисты-графологи подтверждают, что он научился писать еще в ранней юности.

Христофор был знаком и с латынью — языком, которым он широко пользовался в Генуе. И все же не оставляют сомнения, что он был полуграмотным: в рукописях встречается множество ошибок.

Прижатая горами к Лигурийскому морю Генуя имела мало свободной земли. Всегда соперничая с такими мощными городами, как Милан и Флоренция, ее жители видели свое спасение в Средиземном море. Они становились прекрасными мореплавателями, купцами, банкирами, торго-

выми агентами. Со всеми этими профессиями, по всей видимости, был хорошо знаком Колумб.

Колумбу были присущи те же черты характера, что и его землякам. Они отличались упорством, страстью к богатству, благосостояние добывалось тяжелым трудом и бережливостью. Во всем они проявляли усердие, и им постоянно не хватало времени. Генуэзцы создали коммерческие предприятия далеко за пределами своего города. В хорошем смысле слова жители Генуи считались космополитами, здесь царило смешение языков и национальная принадлежность не выпячивалась. Этот дух «всемирности» питал в себя и Колумб.

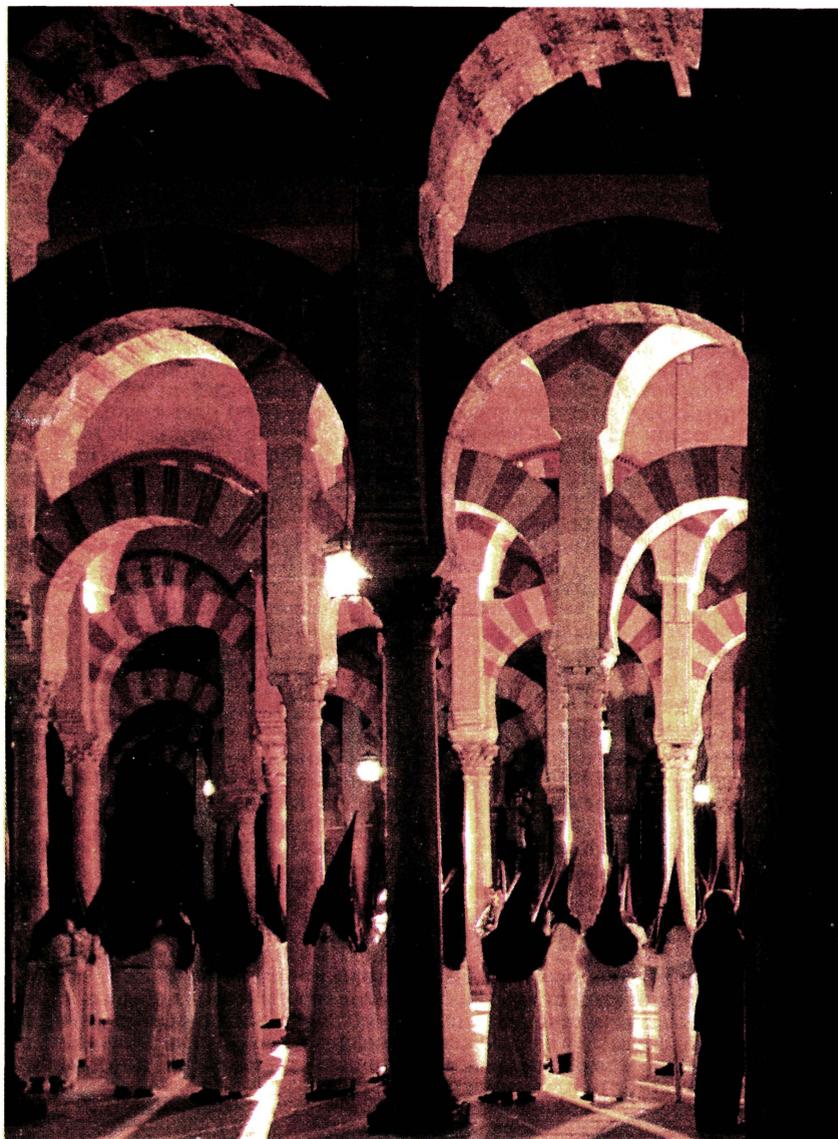
Их торговые пути пролегали по всей Западной Европе и странам Леванта*, они основали торговые центры близ Константинополя, на Черном море, на греческом острове Хиос. Заключали торговые сделки на Дунае и в Киеве. Многие семейства Генуи оказались связанными с Колумбом, с его плаваниями в Средиземное море, а позже в Атлантику. Один из кланов, Ди Негро, упоминающийся в хрониках наиболее часто, помог ему начать карьеру мореплавателя. До 1470 года Колумб скорее всего уже выходил в море неоднократно. Но весь его опыт мореплавателя нельзя понять без первых средиземноморских путешествий. Его письма, судовые журналы, записи показывают хорошее знание этой части Ойкумены. Ему прекрасно был знаком Марсель, где он осуществлял сделки, имея дело с вином и шерстью. Он знал арагонское побережье, проплывал вблизи Сицилии, Сардинии, Корсики, Балеарских островов. Вероятно, в 1475 году посетил остров Хиос у берегов Малой Азии, за которыми, как не мог он не отметить, лежал неведомый Восток...

В письме, направленном королю Фердинанду Арагонскому и королеве Изабелле Кастильской, Колумб детально описывает зимние и летние плавания между Кадисом и Неаполем. В нем он как будто характеризует и самого себя: «Для таких плаваний имеются известные люди, которые прекрасно знают путь и которым не страшен шторм в любое время года».

Имеется много свидетельств о глубоком знании Колумбом погодных условий и господствующих ветров на море. Он правильно предсказывал шторма, широко пользовался морским компасом, умело читал карту и мог вычислить расстояние по скорости корабля. Этому и еще многому он научился, несомненно, в Средиземном море.

Годы, проведенные в водах Средиземноморья, обострили природную наблюдательность Колумба. Именно здесь он впервые поднял глаза к небесам с мириадами звезд и планет. Еще не появилось новое учение Коперника, и он не мог не верить, что Земля

* Общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря.— *Прим.ред.*

жестко закреплена в космосе и окружена тяжелыми телами, вращающимися вокруг нее. Колумб изучал созвездия, а также отмечал ход солнца по знакам Зодиака. Молодой мореплаватель писал о следах блуждающих по небу метеоров и наблюдал особые скопления планет, видимых невооруженным глазом.

Эти феномены развивали присущую Христофору с детства любознательность. Как он признался позже, «занятие мореплаванием вдохновляет к разгадкам тайн мира, правда, того, кто сам к этому стремится».

МОРЕ ТЬМЫ

Наконец произошло событие, заставившее Христофора Колумба бесповоротно оставить Средиземноморье и связать свою судьбу с Атлантикой. В 1476 году семейства Спинолы и Ди Негро организовали плавание в Англию с торговыми целями. Пять кораблей вышли из Генуи и миновали

Колумб бывал здесь, под мусульманскими арнами Месниты, христианизированной мечети в Кордове. В этом городе у Колумба родился сын Фердинанд.

Гибралтарский пролив, и тут, близ самой юго-западной оконечности Европы — мыса Сан-Висент, на них напали французские пираты.

После отчаянной схватки корабли обеих сторон пошли ко дну. Многие моряки утонули, но Колумбу удалось спастись и достичь берега у португальского городка Лагос. Оттуда молодой моряк направился в Лиссабон, где начался новый и важный этап его жизни.

В португальской столице Колумб, естественно, обосновался среди генуэзцев. Он попал в возбуждающую атмосферу океанических исследований. Португалия и Испания продолжали соперничать у африканского побережья и в Атлантике. На картах были запечатлены недавно открытые острова: Мадейра, Порту-Санту, Азорские, Канары. О других землях —

Антилах, Святом Брендане, Бразиле — ходили лишь фантастические слухи. Вслед за арабами европейцы называли Атлантику Морем Тьмы. Но, несмотря на эти страхи, воодушевленные Генрихом-Мореплавателем, португальцы совершенствовали свое мореходное искусство.

В это время Колумб начинал свою карьеру. Он ухаживал за Флиппой Моис Перестрелло, чей отец до самой смерти осваивал атлантические острова. Когда они поженились в 1479 году, простолоудин Колумб вошел в знатную семью и получил доступ к королевскому двору.

Молодой человек из Генуи был поражен советом дождей и семейством Ди Негро на Мадейру, чтобы управлять там их делами. Имеются неопровержимые доказательства, что Колумб и его жена прожили там какое-то время — но не в Порту-Санту, как обычно считалось, а в Руншале.

К 1480 году супруги вернулись в Лиссабон, где у них родился сын Диего. Здесь Колумб приобрел у своей овдовевшей тещи карты и документы, относящиеся к атлантическим плаваниям ее супруга. Они вдохновили его, еще больше заглили интерес к исследованиям океана.

Возможно, среди этих бумаг он обнаружил и копию письма Паоло дель Поццо Тосканелли, известного флорентийского географа и математика, датированного 25 июня 1474 года и посланного португальскому королю. Другая его копия была обнаружена в XIX столетии на обороте одной из книг Колумба и содержала ошибки в латыни, характерные для мореплавателя. Графологи твердо убеждены, что текст переписан рукой Колумба.

Письмо говорит о том, что Тосканелли знал о восточных странствиях Марко Поло и других путешественников, а также подсказывает, как можно достичь Востока по морю, плывя на запад от Европы. Тот, кто отважится на это, писал он, прежде всего попадет на легендарные Антильские острова, а затем на богатый остров Сипангу. Затем предстоит совсем короткое плавание к Азиатскому материка с его пряностями и драгоценными камнями. Далее в письме говорится, что Великий Хан отправил своих посланников к папе с просьбой выделить христианских проповедников. Эта тема неоднократно поднимается в более поздних записках Колумба.

К этому письму была приложена карта, связанная с предположениями Тосканелли. Скорее всего Колумб обладал ее копией. Письмо и карта Тосканелли заронили у Колумба мысль, а может быть, она уже была, и они только еще более упрочили ее, о плавании на запад через сравнительно узкий Атлантический океан — прямо к Азии.

И Колумб начал собирать свидетельства о том, что может находиться за горизонтом на западе. Он искал моряков и островных жителей, которые могли бы дополнить его растущее собрание слухов, предположений, свидетельств.

Все говорит о том, что Колумб долго

и тщательно готовился к своему главному плаванию. Ему было известно о западных землях многое, и он знал точно, куда ему плыть. Но тайна его открытия, кажется, остается и по сей день. Приводятся новые доказательства, строятся новые версии, более-менее достоверные. Но ни одна из них не может дать окончательного ответа.

Непосредственное отношение к Колумбу имеют средневековые португальские, навигационные карты, оставившие множество загадок нашему времени. В частности, на одном из самых известных — португальской карте адмирала Пири Рейса — изображен весь Американский континент и Антарктида, причем без ледников. По уровню развития картографии XV — XVI столетий и знанию окружающих Европу земель трудно предположить, что эта карта могла быть составлена самим Пири Рейсом. Многие ученые, в частности американский профессор Чарльз Хэлпуд в своей книге-исследовании «Карты морских царей», приходят к выводу, что некоторые из этих португальских карт уходят корнями в глубь веков и даже тысячелетий, к какой-то цивилизации, достигшей небывалого уровня развития.

Сказанное о Пири Рейсе относится и к Колумбу. Он также не смог бы вычертить любую часть карты, включая и фрагменты со специфической проекцией, потому что всегда имел дело с единственным направлением — на север, как и Пири Рейс. Но, возможно, необычная сетка координат на этом португальском дает ключ к одной из загадок Первого плавания Колумба.

Предположим, что у Колумба была копия Карибской карты, которую произвел Пири Рейс на своем португальском. Возможно, карта показывала Азорские острова или даже некоторые части европейского побережья, и Колумб простыми измерениями мог расшифровать масштаб и установить расстояние через океан до Карибских островов.

Сейчас многие склонны считать, что какая-то карта у Колумба все же была, потому что он знал, когда покажется земля. Но у нас также имеются сведения, что он не обнаружил суши там, где рассчитывал. Вместо этого ему пришлось плыть еще около 1000 миль и столкнуться с угрозой бунта команды. Наконец он высадился на острове Сан-Сальвадор или на каком-то другом острове поблизости. Его ошибка состояла в том, что он не понимал: карта может привести к искажению направления примерно в 14 градусов, к отклонению от истинного расстояния через Атлантику в 840 миль, что едва не повлекло за собой провал всей экспедиции.

Справедливо допустить, что Колумб взял с собой из Испании копию этой карты Карибского бассейна. Ему не нужна была вся карта-первоисточник, которой, вероятно, пользовался Пири Рейс, карта, включавшая Южную Америку. Это доказано его полнейшим неведением континента, лежащего к югу от Карибского моря. Колумб узнал о нем, лишь наткнувшись на пресную воду Ориноко в открытом океане.

Многие верили в эту карту, даже допуская ее крайнее несовершенство, и считали ее именно той, которую Колумб обнаружил в послании итальянского ученого Тосканелли (правда, один из советских исследователей, алмаатинец Давид Цукерник выдвинул серьезные доводы против этого, в том числе и обоснованное утверждение, что письмо Тосканелли, сопровождавшее посланную карту, было поддельным).

ПУТЬ В ИНДИЮ

Итак, наконец Колумб почувствовал себя подготовленным к трансатлантическому плаванию. В конце 1483-го или в начале 1484 года он обратился к португальскому королю Жуану II с предложением отправиться на поиски острова Сипангу и Индий. Король созвал совет, включая астрономов и математиков, чтобы обсудить проект. Но они отвергли его, полагая, что расстояние через Атлантику намного больше того, которое вычислил Колумб. Тем не менее Жуан II тайне от всех все же послал корабль для проверки этих теоретических предположений, но он вернулся обратно, так и не достигнув какого-либо берега.

Тут открывается новая страница в жизни Колумба. После того как в начале 80-х годов умерла его жена, а проект был отвергнут, он оставляет службу купца-мореплавателя, чтобы полностью отдаться своему плану, ставшему к тому времени уже маниакальной идеей. Он стал искать поддержки у правителей Кастилии и Арагона.

Весной 1485 года вместе со своим сыном Диего Христофор Колумб прибыл по морю в небольшой андалузский порт Палос-де-ла-Фронтера.

Что касается внешности Колумба в то время, то многие сходятся в одном: одевался просто, был высокого роста и плотного телосложения; вытянутое лицо с кожей красноватого оттенка, орлиный нос; серо-голубые глаза излучали живой блеск. Хотя вдовцу стукнуло всего 34 года, волосы у него были седыми. Правда, прижизненные портретов Колумба не сохранилось, а может, их и не было вовсе. Помертвые же полотна, где художники полагались на словесные описания и собственное воображение, существенно различаются. Набирается до десятка совершенно несхожих обликов Колумба — еще одна тайна великого мореплавателя...

В Кастилии произношение сразу же выдавало в нем иностранца, но он мог быть красноречивым, и его энтузиазм преодолевал языковой барьер. За открытыми сердечными манерами скрывались гордость и яростный нрав. Он достаточно освоил испанский за время своих плаваний в Кадис и Барселону. И писал он на этом языке, а не на итальянском. Многие же португальцы вели с ним переписку на своем родном языке — Колумб хорошо изучил и его, живя в Лиссабоне и общаясь с мореплавателями.

...Вместе с Диего он преодолел короткое расстояние от Палоса до местного монастыря, куда они направи-

лись в поисках пристанища до той поры, как он сможет поселить сына у родственников своей жены. Годы спустя он будет считать свой приезд в обитель Санта-Мария-де-ла-Рабида провидением. Она располагалась в уютном месте, на возвышении, поросшем соснами, у слияния рек Тинто и Одиль, текущих к Атлантическому океану. Это было братство францисканских монахов. Их глава, Антонио де Марчена, оказал существенное влияние на карьеру и миссию Христофора Колумба. Его сторонники ожидали времен, когда весь мир станет христианским, и жаждали освободить святой Иерусалим от мусульман. Примечательно, что эти догматы стали движущей силой и в жизни самого Колумба.

Генуэзский мореплаватель и францисканец быстро подружились. Колумб получал духовные наставления и приобретал разнообразные познания от Марчены, ведь тот был образованным человеком, посвятившим себя космографии. Но более важно другое — монах имел доступ к верховной власти при королевском дворе.

Антонио де Марчена от своего имени написал письмо духовнику королевы. В нем он просил о разрешении обратиться в королевский совет, который давал рекомендации на прием к королю. И Колумб отправился в Кордову, где в то время находился королевский двор, и нашел этот город шумным, похожим на военный лагерь, готовящийся к войне за возвращение Гренады. Подав свою петицию, он начал семилетнюю борьбу за одобрение проекта. Он периодически появлялся перед Изабеллой и Фердинандом, перед королевским советом и комиссией образованных мужей.

Пытаясь открыть монархам путь к богатствам Индии, Колумб столкнулся со скептицизмом, если не сказать — с ненавистью. Советники оспаривали его веру в сравнительно неширокий Атлантический океан, так же как в свое время и португальцы. Наконец в 1487 году Колумб был отлучен от двора.

С горечью он поклялся, что найдет покровителей, которые срывают его врагов. Поддерживало в этом положении и присущее ему упорство. Он писал: «И все же я буду продвигаться вперед, несмотря ни на какие встречные ветры».

В Кордове, ставшей его домом, Беатрис Энрикес де Арана, крестьянская дочь, приглянулась вдовцу. Они стали любовниками, и в августе 1488 года у них родился сын Фернандо.

Как жид Колумб в Кордове? Что читал?

До дюжины книг сохранилось в нынешней библиотеке «Коломбина» в кафедральном соборе Севильи. Трепет охватывает человека, когда он еще только держит в руках книги в кожаных переплетах, принадлежавшие самому Колумбу. Одна, наиболее примечательная из них — «О вещах и поступках» Энея Сильвия, ставшего позже папой Пием II, изданная в 1477 году в Венеции. Это была заветная книга великого мореплавателя и он изучал ее многие годы. На полях оста-

лось много его записей. В конце печатного текста помещены пять страниц, написанных от руки, включая сделанную Колумбом копию письма Тосканелли. На последней странице была тщательно нарисована так называемая планисфера, с экватором и другими линиями, пролегающими по поверхности земного шара.

Некоторые исследователи убеждены, что в этой книге Колумб вкратце изложил суть своего проекта. Его маргиналии — пометки на правых полях страниц — имеют отношение к Востоку. Соотнося их с написанным на левой стороне, приходишь к убеждению, что для него Дальний Восток и Дальний Запад соединялись. Шарообразность Земли к тому времени уже не вызывала сомнения у авторитетов.

Впрочем, ряд ученых склонны считать, что эти пять страниц когда-то существовали отдельно от книги. Это, по их мнению, отстки важной рукописи Колумба, написанные ранее рукой мореплавателя и переплетенные с одной из его любимых книг. В листках он ссылается на древних авторов, утверждавших, что сокровища царя Соломона привезены из «страны Офир, называемой теперь Страной Золота, в Индии». В тексте описано, как из этого королевства на море Тарсис Соломон получил серебро, «слонов, павлинов, обезьян». Один из колумбоведов замечает, что слово в слово об этом же говорится и в отчетах Четвертого плавания в Новый Свет, а также в письме Колумба перед кончиной. До конца своих дней Колумб будет искать эти сокровища...

Многие маргиналии говорят о том, что он интересовался разнообразными и удивительными вещами: Колоссом Родосским, смертью Аттилы, медициной и болезнями, Пуническими войнами, амазонками, Икарсом, Св. Павлом, Александром Великим, одноплазыми скифами, птицами Египта, драгоценными камнями и металлами Востока. Везде видна и его стойкая вера в загробную жизнь. Подчеркивая скептическое утверждение Плиния о том, что смертные не могут получить бессмертия, он замечает на полях: «Это неправда».

Великий мореплаватель был склонен приукрашивать географию фантастическими домыслами и легендами. В одной из книг он пишет о дикарях на краю земли, которые «едят человечину и имеют грязные и ужасные лица». Возможно, он ожидал найти то, что видел на средневековых пергаментных картах. Он надеялся встретить Великого Хана, монгольского правителя Китая, не зная, что эта династия закончила свое правление более чем сто лет до него.

В 1488 году Колумб нанес очередной визит в Португалию в поисках поддержки от Жуана II. Время было неподходящее. Двор праздновал возвращение Бартоломео Диаса с двумя каравеллами из плавания вокруг Африки, открывшего, таким образом, восточный путь в Индию.

Ясно, что нужно было предпринять какие-то срочные меры. Генуэзский мореплаватель вынужден был искать того, кто бы оплатил задуман-

ное им путешествие, в Кастилии или где-то еще. Он послал своего брата Бартоломео в Англию, к Генриху VII, а также стал обдумывать обращение к королю Франции.

Поворотный момент пришелся на 1492 год, когда пал Боабдиль, последний оплот мавританских правителей. Длинная война с мусульманами была завершена, и у Фердинанда с Изабеллой высвободились средства для финансирования плавания Колумба. В это критическое время заявила о себе уязвленная гордость мореплавателя: он выставил столь необычные требования, что это чуть не разрушило все его шансы на согласие короля. Он просил о наследственном звании Адмирала всех морей и вице-короля тех земель, которые откроет, и заявлял о своем праве на часть доходов от новых территорий.

И снова его проект был отвергнут, затем пересмотрен и, наконец, одобрен. 17 апреля 1492 года он подписал договор с кастильскими правителями, по которому ему присваивались требуемые им титулы и давалось согласие на десятую часть доходов с открытых им земель. Но Колумб никогда не забывал о христианской миссии своего плавания и намеревался большую часть доходов от индийских земель потратить на избавление Иерусалима от мусульманского ига.

Годы спустя он вспоминал начало: «Я покинул Гренаду 12 мая, в субботу, и прибыл в порт Палос, где снарядил три хороших корабля». 3 августа, в пятницу, перед рассветом «Нинья», «Пинта» и «Санта-Мария» поплыли вниз по реке к морю. Когда лучи восходящего солнца коснулись их парусов, они уже были на пути к Канарским островам, чтобы поймать ветры, которые, как верил, без всякого сомнения, Христофор Колумб, выведут их на путь к Японии и Индии.

В конце концов в результате четырех успешных плаваний из Испании на запад и обратно он достиг и исследовал Багамские и Большие Антильские острова, неожиданно столкнулся с огромной сушей Южной Америки, высадился на Карибском побережье Панамского перешейка.

Острова и материковые участки не напоминали ему те фантастические ландшафты, которые он себе представлял. Отказываясь принять, что его «Индия» не является Азией, он продолжал искать земли Великого Хана и сокровища царя Соломона. Исследуя Кубу, он заставил свою команду под присягой признать, что это Азиатский материк. На побережье Южной Америки ему показалось, что он попал в «земной рай». Уверенный, что Эспаньола (Гаити) — это «край Востока», он говорил: «Либо это страна Офир, либо Сипангу». И такие заблуждения он сохранил до конца своих дней.

По возвращении из своего Первого плавания Христофор Колумб был осыпан почестями. Он ехал верхом на лошади рядом с королем Фердинандом и наслаждался на редкость благосклонным разрешением короля и королевы сидеть в их присутствии. Ему был пожалован дворянский титул «дон». Действительно, высоко вознес-

ся сын ткача, как писал сам Колумб, «из ничего».

Но триумф был коротким. При дворе против него выросла оппозиция, презиравшая его как чужака. К тому же гениальный мореплаватель оказался суетливым и нерасторопным правителем. В колонии, которую он основал на Эспаньоле во время Второго плавания, вспыхнуло восстание, и он вернулся в Испанию униженным и закованным в цепи. И король поручил исследование новых земель другим капитанам.

Но Колумб стал бороться за восстановление своих наград и доходов. Все это он документально собрал в своей «Книге Привилегий», чтобы быть уверенным, что они, эти привилегии, перейдут его сыновьям и наследникам. Постепенно он вернул королевскую благосклонность, и обещанные доходы снова потекли к нему.

Последние годы жизни Адмирала замучили болезни. Еще в Первом плавании он заметил «пелену» на глазах, которые позже отказали ему.

Уже будучи неспособным следовать за королевским двором, переезжавшим из города в город, он зажил спокойной жизнью в скромном домике в Вальядолиде. Весной 1506 года, в возрасте 55 лет, Колумб пожаловался: «Эта болезнь разрушает меня без жалости». Начались осложнения с сердцем, потом пришел черед водянке. Конец был близок. Но сознание не покидало его до самой смерти. Он дал наказ Диего: «...позаботиться о Беатрис Энрикес, матери моего сына Дона Фернандо, чтобы она могла жить прилично, как женщина, перед которой я в таком великом долгу».

20 мая 1506 года Христофор Колумб скончался и был похоронен в рясе францисканского монаха. Затем тело его перевезли в монастырь под Севильей. Но дух великого мореплавателя оказался беспокойным даже после смерти. Примерно в 1540 году его останки отправили по морю в Санто-Доминго и захоронили там с почестями в соборе. Но в 1796 году то, что предположительно от него осталось,

было направлено в Гавану, а оттуда в 1899 году снова в Севилью. Так где же в конце концов находится его могила? Споры по-прежнему не утихают; некоторые даже полагают, что это не его останки были вывезены из Санто-Доминго, а он покоится на любимом им острове Эспаньола. Итак, даже прах Адмирала, а не только многие загадки его жизни, возбуждает горячую полемику.

В конце концов, покорив Море Тьмы, он восторжествовал над своими недоброжелателями. Преследуя одну цель, он добился другой: раздвинул края Европы границы мира.

В действительности этот совсем не простой престолонаследник Христофор Колумб начал процесс, который, по словам одного из его биографов, встряхнул Землю и сдвинул мир с мертвой точки.

По материалам журнала
«Нэшнл джиографик»
подготовил Юрий СУПРУНЕНКО,
кандидат географических наук

...Э то было зрелище, подобное которому никогда не видели западнее Азорских островов. Звуки труб далеко разносились по горным долинам. Им вторило эхо барабанов. Флаги Испании и Церкви развевались над войнами, одетыми в шлемы и кольчуги. Рядом с солдатами бежали злые охотничьи псы. Но, пожалуй, самыми устрашающими для индейцев тайно были всадники — полулюди-полузвери.

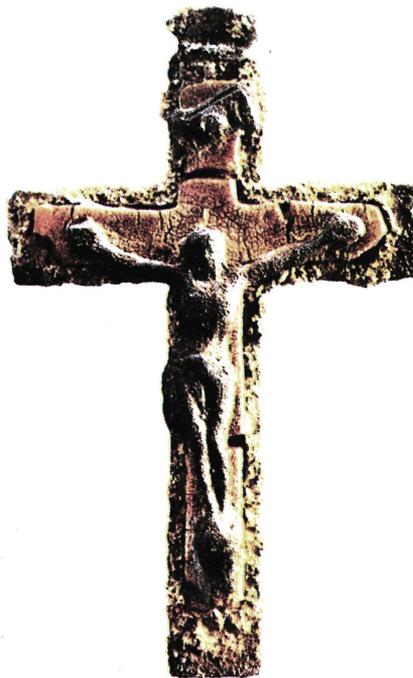
Христофору Колумбу не давало покоя золото Америки, или, как он считал, сокровища Индии. Весной 1494 года в поисках золота он повел своих людей из Изабеллы, первого постоянного европейского поселения на американской земле, в глубь острова Эспаньола (ныне Гаити).

Это грандиозное шествие «просто поразило» туземцев и убедило их, что европейцы «достаточно сильны, чтобы разбить их», писал в свое время историк-хронист Бартоломео де Лас Касас. И все же этот триумфальный марш в горы был не более чем мимолетным мгновением славы в короткой и печальной судьбе Изабеллы.

Первые же шаги Колумба в Вест-Индии были омрачены неудачей. Его флагманский корабль «Санта-Мария» наскочил на рифы у северного побережья Гаити, недалеко от нынешнего города Борд-де-Мерд-де-Лимонаде. Попытки снять корабль с рифа не увенчались успехом, открылась течь, и Адмирал должен был пересечь на «Нинью». Желая спасти хотя бы то, что можно, он обратился к касику — вождю индейского племени, чья деревушка располагалась в шести километрах от места кораблекрушения.

БЛЕСК И НИЩЕТА ИЗАБЕЛЛЫ

Индейцы помогли разгрузиться, снять корабельную оснастку и доставить все это на каноэ в деревню. Здесь Колумбу было предоставлено два самых больших и лучших дома. Так 26 декабря 1492 года появилось первое небольшое поселение европейцев в Америке — Ла-Навидад.

Люди из экипажей Колумбовых кораблей, включая плотника, конопатчика, врача, канонира, портного, бондаря — всего 39 человек, — удостоились сомнительной привилегии обживать испанское поселение в Новом Свете. Их оставили, чтобы они выторговали у индейцев как можно больше золота до того, как вернется Колумб со Второй экспедицией. Им даны были также указания строить укрепление и обносить его рвом, чтобы произвести впечатление на индейцев. Нетрудно представить, что они, окруженные дружелюбно настроенными индейцами, по-своему решили вопрос о необходимости такой защиты. Но можно только догадываться, что произошло за 11 месяцев отсутствия Колумба. Прибыв из Испании во время Второго плавания в 1493 году, он обнаружил форт сожженным, а людей — мертвыми. Индейцы тайно рассказывали ему, что некоторые умерли от болезни, другие же были убиты враждебно настроенными племенами.

Разгром крепости Ла-Навидад посеял семена недоверия между Колумбом и индейцами тайно и с самого начала испортил его карьеру как правителя острова, который он провозгласил испанским владением. Несмотря на отчаяние, испытанное при потере этого форта, он все же упорно стремился к исполнению своей миссии — приказал осмотреть все вокруг в поисках золота, которое могли закопать его злополучные матросы. Потом от-

правился дальше, желая отыскать более гостеприимное место для основания постоянного поселения.

500 лет спустя поиски, правда, не золота, а более ценных для археологов находок, были успешными. Раскопки предполагаемого форта Ла-Навидад начались в 1984 году Флоридским музеем естественной истории. Работы сосредоточились невдалеке от руин большого индейского города Ин-Бас-Салин. Сейчас здесь располагаются два десятка небольших садов, окруженных плотной и колочей живой изгородью. Во времена Колумба искусственный канал, теперь высохший, соединял деревню с морем.

Прерываемая местами насыпь из земли и морских ракушек, высотой до полутора метров и шириной до полуметра, окружает древнее поселение, крупнейшее из известных на севере Гаити. Внутри этой насыпной окружности, которая могла образоваться естественным образом из скоплений мусора позади индейских домов, находится плоский открытый плац. Предположительно, укрепление, построенное людьми Колумба, стояло как раз на этой площади.

Археологам, ведущим раскопки возвышающегося посреди площади кургана, не давала покоя мысль, что именно здесь стояли дом касика и форт Ла-Навидад. Здесь был найден

Многочисленные раскопки в Изабелле явили миру свидетельства жизни раннего испанского поселения в Новом Свете.

шлак кристобалита, продукт обжига глины при высокой температуре. Это могли быть угольки от сожженных до основания стен дома вождя племени.

Нашлись свидетельства, что и люди Колумба жили на том же месте: черепки европейской глиняной посуды того времени и кости животных, обитавших тогда только в Европе. Все это было найдено в большой яме трехметровой глубины, раскопанной до современного уреза воды. Она была наполнена древесным углем, ракушками, костями и различными предметами быта.

Это мог быть колодец, предполагает доктор Уильям Ходж, археолог-любитель, открывший поселение в 1977 году. Так как колодцы неизвестны в индейской культуре Карибского региона, то он считает, что эту яму выкопали люди Колумба, а когда колония распалась, индейцы засыпали ее всякими отбросами.

Радиоуглеродный и термолюминесцентный методы позволили датировать извлеченные остатки древесного угля примерно 1440 годом, плюс-минус 35 лет. Но зооархеологи своими открытиями уточнили время. Глубоко в яме они обнаружили крысиную чеплюсть и зуб свиньи. Это были животные, неизвестные Новому Свету до Колумба. Не оставалось сомнений, что колодец мог быть засыпан только после 1492 года!

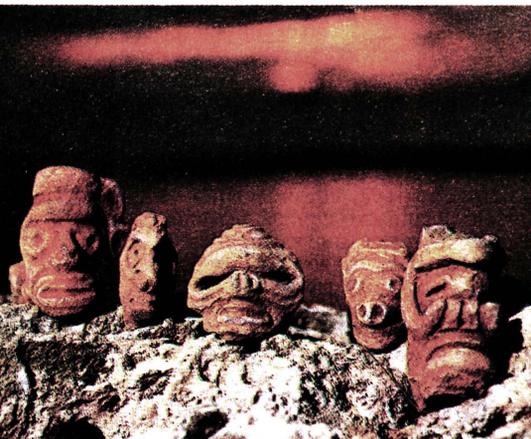
Догадки о том, что свинья могла прибыть на «Санта-Марию», а крысы оказались первыми животными в Но-

вом Свете, покинувшими тонущий корабль, были подкреплены новыми исследованиями. Анализ изотопов стронция из зуба свиньи дал поразительные результаты — эта свинья скорее всего выросла в окрестностях Севильи, недалеко от порта Палос, из которого выплыл Колумб...

В слоях земли, поблизости от предполагаемого колодца, было обнаружено до десятка европейских предметов, включая черепки глиняной посуды и кусочки стекла. Просеянные почти семь тонн грунта дали убедительное представление об индейской культуре времен контактов с европейцами. Племена тайно оказались жертвами социальных потрясений и европейских болезней и вскоре после приезда Колумба вымерли. Наверняка исследования, приуроченные к пятистолетнему юбилею экспедиции Колумба, прольют свет на их ушедшую культуру.

...Второе плавание Колумба продолжалось.

Флот из 17 разнообразных кораблей с экипажами в количестве более 1200 человек поплыл в восточном направлении вдоль побережья. Им пришлось преодолевать встречный ветер. Потребовалось около месяца, чтобы пройти 70 миль. Наконец бросили якорь в прелестной бухте, открытой к северо-западу. В нее впадала река и вдавался мыс, который Колумб описывал как удобный для строительства укрепления. В ближних горах виднелась тропа, ведущая, как полагал путеше-

шественик, к землям, усыпанным золотом.

Почти сразу же начались строительные работы в этом месте, нареченном Изабеллой в честь испанской королевы, благодетельницы Колумба. Город просуществовал пять лет, и его жители с большим почтением относились к вице-королю, правителю Индии и Адмиралу всех морей.

«Самым прекрасным островом» называл Колумб Эспаньолу. Но она оказалась его «недолговечной империей». Проложив путь в глубь суши во время своего знаменитого марша, он вновь пустился в плавание. Пристав к кубинскому побережью, пришел к убеждению, что это — Азиатский материк, и под угрозой вырвать матросам языки заставил их поклоняться в этом.

В 1496 году Колумб послал из Испании письмо своему брату Бартоломею, приказывая ему пробиваться через Эспаньолу к южному берегу и заложить там новый город, который позже станет городом Санто-Доминго.

Последующие захваты привели к тому, что племена таино были полностью истреблены испанцами, а точнее, привезенными ими болезнями. В 1494 году этих индейцев насчитывалось почти миллион, а тридцать лет спустя остались жалкие единицы. Культура таино сохранилась в масках и бусах, вырезанных из морских раковин и украшенных орнаментами.

С поблескивающей россыпи серебряных бусинок начались в XX столетии археологические раскопки в заброшенном доме поселения Изабеллы. Эти крошечные шарiki ртути были привезены сюда Колумбом. Ртуть, необходимый металл для выплавки золота, хранилась в деревянных бочонках, которые были, вероятно, оставлены в амбаре, после того как городок вымер. Когда дерево сгнило, жидкий металл пролился в почву, где и был обнаружен 500 лет спустя Хосе Ф.М.Круксентом из Венесуэльского университета. Он вел раскопки для службы национальных парков Доминиканской Республики с 1987 года. Для него и присоединившегося в 1989 году Кэтлина А.Дигана, возглавившего археологическую группу из университета Флориды, эти мерцающие капельки как бы отражали надежды и упадок первого города Колумба.

Одна из партий, посланных на поиски золота, докладывала, что обнаружила его «в более чем пятидесяти ручьях и реках», как писал врач Альварес Чанка, сопровождавший Колумба во Втором плавании. «Никогда, со времен сотворения мира, никто не видел что-либо подобное или слышал о похожем; по возвращении из следующего плавания они привезут такое количество золота, которое сможет удовлетворить любого, кто слышал о нем».

Но, несмотря на столь многообещающие расчеты и несколько дразнящих воображение изделий из золота индейцев таино, экспедиция Колумба в округе Изабеллы добыла слишком мало этого металла, чтобы наполнить

сумки испанцев. Это было горьким разочарованием для старых испанских солдат, отличившихся еще во времена покорения мавров. В свое время они откликнулись на призыв Адмирала добыть для короля Фердинанда и королевы Изабеллы «столько золота, сколько им требуется».

Остатки адмиральского дома — старейшего, дошедшего до наших дней сооружения европейцев на Американском континенте — лежат окруженные стенами. Ее открыл профессор Круксент. Специалисты долго считали, что это небольшое строение было полностью сложено из вырезанных камней известняка, но последние раскопки свидетельствуют, что длинные стены представляли собой плотно утрамбованную землю с известняковым покрытием.

Западная стена была разрушена вследствие эрозии уступа, на котором она покоилась, другие же стены сохранились. Их пощадило время и спасло местоположение. 40 лет назад глава Доминиканской Республики генералиссимус Рафаэль Трухильо приказал подготовить территорию к приезду высоких сановников. Занимаясь очистительными работами, тракторы столкнули в море какие-то остатки поселения. К счастью для дома Колумба, его положение на краю скального утеса защитило его от тракторного ножа.

Черепица с крыши адмиральского дома, откопанная археологами у развалин, имела непосредственное отношение к находкам на другой стороне залива. Здесь Круксент обнаружил в результате раскопок печь, по форме напоминающую улей, для обжига кирпичей, черепицы и всяческой посуды.

Это открытие развеяло представление о городе Колумба, бытовавшие столетия. Печь для обжига и находки вокруг нее доказывали, что Колумб, кроме основного поселения, заложил поблизости еще одно. До того как была обнаружена эта печь, исследователи считали, что керамические изделия, подобные европейским, не производились в Новом Свете до середины XVI столетия.

Реконструкция всего поселения показывает, что дом Колумба возвышался на берегу, с краю всей обжитой территории. Рядом стояла церковь колонистов, где зазвучал первый на всю Америку христианский колокол. За ней располагались дома офицеров, больница и еще дальше амбар. На дворах поселения археологи обнаружили жилую зону с бытовым мусором, который так много значил для исследователей.

«Треть наших людей за последние дни свалила болезнь», — писал врач Чанка сразу же после того, как началось строительство Изабеллы. Лекарства, привезенные из Испании в стеклянных флаконах (они, кстати, были найдены во время раскопок), помогали мало. Доктор Чанка все беды видел в изнурительной работе и нездоровом климате; историки добавляют к этому кишечных паразитов, а также

венерические и другие инфекционные болезни. Несмотря на косившие людей недуги, Колумб беспощадно заставлял их продолжать строительство и засеивать поля.

Меньше чем через месяц после того, как начала строиться Изабелла, Колумбу пришлось подавить мятеж, во главе которого встал главный назначенный экспедиции Бернал де Пиза. Он был посажен в тюрьму, а несколько сторонников повешено. На месте поселения раскопали одну из вероятных жертв казни — человек был погребен лицом вниз со связанными за спиной руками. На кладбище обнаружили останки других испанцев со скрещенными на груди руками, по католическому обычаю.

Изабелла будто была основана на проклятом месте. Эпидемии неоднократно ставили борющуюся коммуны на колени, пожар уничтожил большую часть строений, ураган нанес серьезные повреждения нескольким кораблям в гавани.

Колумб обещал испанскому монарху, что он обратит индейцев в «святую веру», но его миссия потерпела крах и привела к кровопролитию.

Союз европейцев с таино даже в лучшие времена был хрупким. В 1494 году Колумб послал группу своих людей под предводительством Алонсо де Охеда для укрепления крепости Санто-Томас, расположенной в глубине острова. У слияния двух рек Охеда захватил вождя племени и двух его соратников. Обвинив их в том, что они украли у испанцев одежду, он отрезал у одного из них ухо, а других, заковав в кандалы, отправил в Изабеллу.

После этого случая за акты насилия таино стали мстить, а также выступать против непомерных налогов. Например, в золотодобывающем районе каждые три месяца индеец, достигший 14-летнего возраста, должен был отдавать три унции золота.

Для защиты от нападения индейцев использовались небольшие пушки и арбалеты. Археологи обнаружили железные пушечные ядра, а также часть каменной формы для выплавки свинцовых или железных снарядов; нашли и отдельные кольца от кольчуги, и металлические наконечники для стрел.

Но вскоре главной угрозой для колонистов стали внутренние беды. В 1496 году брат Колумба Бартоломео начал переводить здоровых людей в Санто-Доминго. Это место имело лучшую гавань и ближе находилось к более богатым золотосным районам южного побережья.

Недовольный грубым правлением двух братьев, управляющий Изабеллой Франсиско Роллан, осмелевший в их отсутствие и отчаявшийся, подбил своих сторонников на бунт. Колонисты и туземцы разгромили амбар, забрав все оружие. Покинув город, они направились в западную часть острова и присоединились к жившим там индейцам.

Вернувшись из Испании в 1498 году, Колумб обнаружил свои владения раз-

громленными. Лишенному поддержки, ему ничего не оставалось, как признать поселение Роллана и его сподвижников законным.

Его мечта об империи в Новом Свете растаяла, лишь показавшись на горизонте.

Фердинанд и Изабелла были крайне обеспокоены сообщениями о превышении Колумбом своих полномочий и той расплатой, которая постигла его за безжалостный приказ казнить составивших против него испанцев и за порабощение индейцев, выступивших против короля и королевы. Тревожили

и слухи, что он намеревается передать Индию правителям родной Генуи.

Испанский монарх отправил королевского посланника в Эспаньолу. Ему не потребовалось много времени, чтобы взять Колумба под стражу и отправить в Испанию. Закованный в цепи и униженный, Колумб был доставлен на каравеллу, направлявшуюся в Испанию в 1500 году. Капитан каравеллы предложил снять с него наручники. Но честолюбивый Адмирал отказался от этого, испытывая «большую обиду и несправедливость». И этот благородный жест дал свои ре-

зультаты. Король и королева, ужаснувшись, что их Адмирал закован в цепи, приказали освободить его, но не восстановили в правах и не вернули звания Правителя новых земель.

К тому времени Изабелла отошла в область печальных преданий, люди покинули ее и переехали в Санто-Доминго. Место считалось проклятым: туземцы сообщали, что видели умирающих от голода призраков и одетых в лохмотья испанцев, в приветствии сдергивающих с голов шляпы.

По материалам зарубежной печати подготовил Ю.ПАВЛОВ

Василий ГАЛЕНКО,
штурман дальнего плавания

В АМЕРИКУ, К КОЛУМБУ... 100 ЛЕТ НАЗАД

Наш рассказ — о праздновании юбилея открытия Америки в 1893 году — составлен из подлинных записей в журналах «Морской сборник», «Нива», «Разведчик», а также из публикаций газет «Кронштадтский вестник», «Котлин», «Нью-Йорк таймс» и других. В очерке цитируются документы из фондов Центрального государственного архива Военно-Морского флота. К сожалению, невозможно воспроизвести фотографии русских кораблей, дымящих на фоне статуи Свободы, русских матросов на авеню и стритах, празднеств на реке Гудзон... Сам император Александр III не поленился выйти на яхте встречать моряков, окончивших почетную миссию.

Летом 1892 года довольно неожиданно Испания, Италия и США пригласили Россию участвовать в юбилее открытия Колумбом Нового Света. Причем не в качестве гостя, а на равных, памятуя о подвигах «русских колумбов». Заметим, это случилось за два года до того, как Пьер де Кубертен выступил с идеей возрождения Олимпийских игр. Широко распространенный ныне обычай отмечать юбилей любого мало-мальски значимого для мира события берет свое начало, пожалуй, с тех памятных лет конца прошлого века.

Торжества «дней Колумба» состоялись в Европе осенью 1892 года и спустя полгода повторились за океаном. Грандиозный Морской смотр в Нью-Йорке, Колумбийская выставка в Чикаго, переход кораблей, копия колумбовских, через Атлантику... Россия на этом празднестве была в центре внимания. Во время главного приема в Нью-Йорке именно испанский и русский адмиралы занимали почетные места рядом с супругой президента

США. На выставке в Чикаго экспонаты эпохи Колумба соседствовали со свидетельствами подвига Беринга — Чирикова. (Как известно, Америку открывали с двух сторон — испанские и российские мореплаватели. С разницей в несколько веков).

Этот юбилей мы вспоминаем не случайно. Россия была полноправной его участницей, и жаль, что сегодня, когда отмечается 500-летие открытия Колумба, мы оказались скорее наблюдателями грандиозного празднества. Хотя, как говорят документы, и в прошлом не обошлось без обычной нашей неразберихи, чуть было не поставившей под вопрос участие России в юбилее...

ПРИГЛАШЕНИЯ

«Дело» о Колумбе в архиве датировано 12 июля 1892 года, когда вице-адмирал Константин Павлович Пилкин 1-й, член Адмиралтейств-совета, замещал находящегося в отпуске управляющего морским министерством адмирала Чихачева. В тот день исполняющий обязанности управляющего министерством иностранных дел тайный советник Николай Павлович Шишкин передал Пилкину копию ноты испанского поверенного в делах де Ори с приглашением российскому правительству. *«Правительство Испании устраивает 2,3,4 наступающего августа празднества в воспоминание славного отъезда Христофора Колумба для открытия Америки и приглашает принять участие в означенных празднествах через присылку в порт Палос или Кадикс* одного или нескольких военных морских судов».*

Пилкину оставалось лишь гнать гонцов к министру Чихачеву на его адмиральскую дачу на Карельский пере-

шек, чтобы составить ответ на сильно запоздавшее приглашение. Ответ, конечно, отрицательный в связи с тем, что *«...до начала колумбийского празднества остался весьма короткий срок и в Средиземном море нет ни одного военного судна».*

Между тем испанцы не сдавались, а непременно хотели к эскадре многих морских держав добавить хоть один корабль под Андреевским флагом. Потерпев неудачу с приглашением «на отъезд» Колумба, испанский двор решил пригласить теперь уже на юбилей «приезда» Колумба в Америку, то есть на 12 октября. В Петербург послано новое приглашение...

Однако юному королю Испании и опекающей его королеве-регентше ни за что бы не увидеть Андреевского флага в Гуэльве, где открывали памятник Колумбу, если бы не странное происшествие на рейде Кадикса, где 2 октября вдруг бросил якорь русский крейсер «Память Азова». Но крейсер спешил в Кронштадт до ледостава в Финском заливе... Только великий князь генерал-адмирал Алексей Александрович мог отдать приказ несущемуся на всех парах кораблю, который, как мы увидим, предназначался для более высоких целей и для высоких особ. Дело в том, что письмо из Испании пришло в тот же день, 2 сентября, что и важная депеша из Вашингтона.

«2 сентября 1892 г. № 6659, Управляющему морским министерством. Северо-Американский поверенный в делах Вуртс уведомил нас, что в апреле будущего года имеют быть в Гэмптоне в присутствии президента САСШ морские празднества... Приглашение России засвидетельствовать свое участие в общих трудах европейских народов в открытии Нового Света исходит прежде всего от самого общества Соединенных

* Старая транскрипция названия Кадис.

Штабов и составляет настолько горячее его желание, что правительство поручает своему поверенному в делах г. Вуртсу употребить все усилия, чтобы его просьба была удовлетворена. Шишкин. Потому день 4 октября, а по российскому старому стилю 22 сентября, в Главном штабе был горячим. Из дачного затишья вынужден был явиться на службу генерал-адъютант двора Его Величества и вице-адмирал Оскар Карлович Кремер. Он и решился написать телеграмму великому князю — шефу Российского флота. Теперь все ожидали ответа из Царского Села. И он пришел в тот же день с разрешением «оставить «Память Азова» в Кадиксе для принятия участия в торжествах».

Круг лиц, причастных к предполагаемым празднествам, стремительно расширялся. В Гидрографическом управлении царя легкая паника в связи с письмом, доставленным нарочным из штаба. В письме сообщалось о желании правительства Северо-Американских Соединенных Штатов иметь на время предстоящей Колумбийской выставки в Чикаго подлинное донесение капитана Беринга во время плавания его в 1738 — 1742 годах к берегам Америки... В архивах гидрографии, где хранились документы и разные подлинные раритеты из экспедиции Беринга — Чирикова, тоже царило оживление. Все отделы флота были охвачены лихорадкой подбора экспонатов, в числе которых были и компасы со старинных кораблей, и копии шканечных журналов пакетботов «Св.Петр» и «Св.Павел», и новейшие изобретения русских умельцев от морской науки. Генеральным комиссаром Всемирной выставки в Чикаго был определен высочайшим указом Павел Иванович Глуховской. От Морского ведомства членом и делопроизводителем высочайше утвержденной комиссии по участию России в выставке был назначен капитан I ранга Дмитрий Федорович Мертваго. В морских газетах его именовали Главным собирателем выставки от Морского ведомства. В конце ноября в крыле Адмиралтейства, занимаемом гидрографическим управлением, состоялся смотр экспонатов, отправляемых на выставку Его Высочеством Алексеем Александровичем. Педантичные гидрографы не подвели. Модели кораблей, разные приборы, изделия канатного завода, копии карт и документов были безупречны. Но вот о настоящих кораблях предстояло подумать.

ТРУДНАЯ ЗИМА РОССИЙСКОГО ФЛОТА

В самый ледостав выбирать ся из Кронштадта в столицу — одна морока, даже Главному командиру Кронштадтского порта вице-адмиралу Сергею Павловичу Шварцу. Предложенные для визита в Америку крейсера «Адмирал Нахимов» и «Память Азова» после долгого плавания требовали ремонта, а новейший броненосец «Император Николай I» вызывал тре-

вогу своей остойчивостью. Шварц вертел в руках секретное послание с припиской «не разглашать» и дивился этим министерским адмиралам. Написанную им телеграмму он велел отправить городским телеграфом. «Кремеру от Шварца 24 ноября 1892 г. № 109. ...Что же касается возможности не оглашать цели изготовления судов, то я очень в ней сомневаюсь, так как все здесь давно уже говорят о посылке в Соединенные Штаты указанных в письме судов. Шварц».

Между тем соблазн задержаться с выходом побудил морского министра подробно описать зимние проблемы флота шефу иностранного ведомства. «Шишкину от Кремера. Наши суда, запертые льдами в Кронштадте, не могут прибыть в Америку ранее половины июня старого стиля, а потому участие нашей эскадры в торжествах может осуществиться только в том случае, если правительство САСШ postpones отложить эти торжества до июня». Шишкин понимал, что такое заявление дублировать в Штаты неудобно, и приглашенному в свои апартаменты в последний день 1892 года господину Вуртсу заявил лишь, что суда наши не в состоянии будут прибыть в Америку к назначенному сроку...

В конце прошлого столетия Российский флот активно плавал во всех океанах, и в Главном морском штабе наконец решили, что «заграничные» крейсера «Дмитрий Донской», который находился в Нагасаки, а также «Генерал-Адмирал» и «Рында», плававшие в тропических водах Атлантики, все-таки могут поспеть к апрелю, а из Кронштадта, даст Бог, хотя и с задержкой, пойдут еще два крейсера. Заиндевшие от морозов кронштадтские крейсера начали спешно краситься и ремонтироваться.

Командующим Атлантической эскадрой был назначен вице-адмирал Николай Иванович Казнаков.

АТЛАНТИЧЕСКАЯ ЭСКАДРА

Что же из себя представляли корабли, которыми (что уж скрывать) Россия намеревалась в водах свободной Америки если не удивить мир, то уж похвастать Англию? Но время для такой демонстрации явно не наступило. Соперничество России и Англии в строительстве океанских броненосных крейсеров шло с переменным успехом. Теперь же вызывающая новинка русских — только что построенный, но не испытанный как следует броненосец «Император Николай I» явно опаздывал к смотру. И все-таки он придет в Нью-Йорк, правда, не к началу праздника.

...Флагманским кораблем эскадры надо бы назначить первенца класса броненосных кораблей «Генерал-Адмирала». Но построенный знаменитым адмиралом А.А.Поповым в 1873 году, броненосец явно устарел. Посылка этого корабля в Америку имела еще политический и эмоциональный смысл. Дело в том, что корабль с таким же названием — предшественник нынешнего был построен в... Нью-Йорке в 1858 году. Назывался он фрегатом, хотя по размерам превосходил нынешний броненосец. Это был ходок и красавец... Ностальгия погнала в Америку и стальной пароходо-корвет «Рында». Его предшественник относился к числу первых паровых кораблей, вызванных к жизни Крымской

войной; его тоже строили в Нью-Йорке, в 1856 году. «Рында», в ранге крейсера, был сравнительно новым кораблем и при не слишком мощной машине хорошо ходил под парусами. И так, эти два корабля как бы продолжали традиции кораблестроительных связей России и Америки. Да и перспективы контактов россиян и американцев на ниве сотрудничества самые благоприятные... Вскоре в Новом Свете будет заложен легендарный «Варяг».

Как хотелось русским показать в Америке «Адмирала Нахимова» — первый образец башенного крейсера! Он придет, но с опозданием, конечно. Иными мотивами руководствовался императорский двор, когда хотел послать «Память Азова». Этот океанский полуброненосный фрегат был спущен на воду 20 мая 1888 года, в день 200-летия спуска Петром I ботика — «дедушки русского флота». Корабль находился под покровительством великого князя и самого императора. Однако этот символ петровского возрождения флота не успел оправиться после дальних походов минувшего года, и от похода на юбилейный смотр пришлось отказаться. Но адмиральский и командирский салоны крейсера стали местом, где император долго слушал адмирала Казнакова о походе эскадры. Впрочем, мы забежали далеко вперед. Пока же назначенный флагманом «Дмитрий Донской» бросил якорь на рейде Алжира — морской столицы морской державы № 2 — Франции. Двухтрубный крейсер I ранга водоизмещением 5700 тонн выгодно выделялся даже среди добротных французских судов. Кстати, эта обычная черта русских кораблей: безупречная чистота и изящество рангоута, дополнительные вежливость и общительность офицеров, лихость и скромность нижних чинов...

11 марта к борту крейсера ошвартовалась севастопольская яхта «Форос», нанятая великим князем Александром Михайловичем для перехода из Каин в Алжир. На следующий день в Алжир почтовым пароходом прибыл командующий эскадрой.

Пока великий князь в форме лейтенанта российского флота с кортиком на боку и с красно-белой повязкой вахтенного начальника встречал на палубе французских визитеров, Казнаков распекал командира крейсера капитана I ранга Зеленого за нелепую телеграмму в Главный морской штаб с просьбой списать с крейсера нижних чинов польской национальности «...ввиду частых побегов нижних чинов в американских портах». Теперь Казнаков вручал письмо министра командиру: «Все упомянутые нижние чины должны быть уполнены на крейсере, не оскорбляя никого списыванием...»

ЯКОРЬ БРОШЕН НА РЕКЕ ГУДЗОН

16 марта 1893 года крейсер снялся с якоря и после короткой стоянки на острове Мадейра начал переход через Атлантику. 7 апреля (все даты даны по старому стилю. — В.Г.) «Дмитрий Донской» стал на рейде острова Сент-Томас. Здесь же стояли американские крейсера «Ньюарк» и «Беннингтон», которые только что пересекли океан, ведя на буксире копии судов Колумба — «Нинью» и «Пинту». Далее им предстоял переход в Гавану. Отсюда уже испанские корабли «Реина Регенте», «Инфанта Исабель», «Нуэва Еспанья» повели «колумбовские» суда в Нью-Йорк. Флагман Колумба — возрожденная на верфи Кадикса «Санта-Мария» прошла по курсу Колумба самостоятельно под присмотром испан-

ского крейсера. Командовал каравеллой капитан I ранга Консас-и-Палау...

Опустим детали перехода в Нью-Йорк русских и прочих кораблей. Накануне Морского смотра на внешнем рейде города дым от кораблей и залпов салюта заслонили притягательный пейзаж с маяком (статуя Свободы) на переднем плане. 14 апреля по сигналу американского адмирала Герарди с крейсера «Филадельфия» 35 кораблей десяти стран мира вошли в реку Гудзон и стали на якоря в две колонны против набережных города. В левой колонне заняли места 12 американских кораблей, окрашенных в белый цвет. За ними — поочередно — представители Аргентины, Голландии, Германии. В правой колонне стали корабли Англии, России, Франции, Италии, Испании, Бразилии.

Морской смотр 15 апреля начался с опозданием из-за дождя и тумана. Наконец в час дня выстрел с американского монитора возвестил о начале парада. Российские крейсера «Генерал-Адмирал» и «Рында» по сигналу с «Дмитрия Донского» произвели салют. Команды заняли места по бортам и реям. Президент САСШ Стивен Г. Кливленд с супругой и почетными гостями начал обход кораблей на яхте «Долфин». Гул, свист, гудки более тысячи пароходов, на которые было продано 800 тысяч билетов. Еще частные яхты. Следом за президентской яхтой под вымпелом Колумба шел миноносец с потомком великого мореплавателя — герцогом и контр-адмиралом де Верагуа. Смотр закончился в голове колонны военных кораблей, где стояли расsvеченные в духе своей эпохи три испанских корабля. Яхта президента бросила якорь рядом с ними, и к ее борту устремились катера с адмиралами и командирами судов. После торжественного завтрака на яхте вновь последовали обход кораблей и салюты. Десятки оркестров на кораблях и берегу играли марши и гимны. Вот какую лаконичную запись можно найти в журнале крейсера «Генерал-Адмирал» в день парада:

«В 4.45 при спуске президента с яхты «Долфин» на берег послали людей по реям и произвели салюты в 21 выстрел. В 6 ч. дали команду пить вино и укладку канатов. В 6.20 пустили электрическое палубное освещение. В 7.50 зажгли боевой электрический фонарь для иллюминации. В 8 ч. на молитву и команде роздали койки».

Вечером состоялся бал, данный городом в честь участников смотра. На следующий день — парад на берегу, где, конечно же, россияне блеснули белыми чехлами на бескозырках и отменной выправкой.

19 апреля в Чикаго — церемония открытия Колумбийской выставки, куда специальным поездом были доставлены гости со всех кораблей. Русский посол в САСШ князь Кантакузин писал своему шефу Шишкину в Петербург:

«...На яхте «Долфин» русский адмирал и я были предметом особого внима-

ния со стороны президента... Его представитель высказал мне в самых горячих выражениях признательность федерального правительства по поводу ссуды золота Россией... В Чикаго появление Кливленда и герцога Верагуа было радостно встречено 200-тысячной толпой.

...Президент нажал электрическую пуговицу, и в одну секунду забвигались машины, заиграли фонтаны, взвились флаги и раздалась пушечные салюты».

Перечислить все нюансы обширной программы невозможно. Интересны детали. Американцы удивляли россиян всегда. Тогда тоже. Офицеров удивил завтрак со стаканом холодной воды, матросов — механизация погрузки угля, который на наших кораблях грузили в мешках. Гостям показали Ниагарский водопад и природный парк на реке Йеллоустон. Кроме того, после парада «Дмитрий Донской» и «Рында» совершили плавания в Филадельфию и Бостон с возвращением в Нью-Йорк. Примечательней всего, что и великому князю нашлась работа. Именно в Филадельфии он вручил отцам города ценные подарки от императора в благодарность за щедрую поддержку России пшеницей в засушливом 1892 году. На этой церемонии присутствовал преосвященный Николай — епископ Американский и Аляскинский.

Особое впечатление произвело открытие памятника адмиралу Фарагуту — герою Гражданской войны в США. Известно, что россияне поддерживали северян, прислав свои эскадры в Нью-Йорк и Сан-Франциско в 1863 — 1864 годах*.

Летом 1867 года Дэвид Фарагут возглавил эскадру американских кораблей, побывавших с визитом в России. Заметим, что этот пик взаимной приязни ознаменовался приобретением Америкой за бесценок российских владений в Новом Свете осенью того же года... Возлагая цветы на могилу американского адмирала на нью-йоркском кладбище Вудлаун, адмирал Казнаков говорил о неуязвимом содружестве, особенно на ниве кораблестроения. А в это время американские специалисты в перемазанных маслом спецовках помогали чинить паровые машины наших крейсеров...

Особенно сплотила военных моряков из разных стран двухдневная шлюпочная гонка на реке Гудзон, между 72-й и 132-й улицами. В первой гонке 28 апреля первое место заняла гребная шлюпка с «Генерал-Адмирала», получив приз в 70 долларов (10 долларов на весло). При тамошней месячной зарплате в 25 — 35 долларов сумма эта была довольно высокой. Англичане с «Блэйка» заняли первое место в гонках гребных катеров. На второй день первые места достались американцам. Что ж, русские сорвали приз и аплодисменты, но и другую память о себе оставили, впрочем не по своей воле.

* См. очерк Юрия Коршунова «Андреевский флаг в Нью-Йорке». — «ВС» № 11/90.

Проходящий по Гудзону караван барж сорвал стоящий под выстрелом паровой катер «Крейтон» с крейсера «Дмитрий Донской». Как всегда спавший дневальный, к счастью, успел спастись, а катер так и остался на дне Гудзон-ривер. Продолжая тему памяти, скажем, что сбежало на берег с русских кораблей всего 6 нижних чинов, видимо, прельстившись высокими заработками на американских судах. Адмирал Казнаков доносил об этом генерал-адмиралу Алексею Александровичу и с полным основанием добавлял, что у англичан сбежало... 100 матросов. Только 20 июня прибыл в Нью-Йорк крейсер «Адмирал Нахимов», а 11 июля и могучий броненосец «Император Николай I» с «хором музыки» на борту. Впрочем, усталость от торжеств и приемов в соединении с невероятной жарой заметно снизили внимание к русской боевой мощи, хотя «Нью-Йорк геральд трибюн» вышла с заголовком «Русские грозные бойцы», имея в виду суммарную мощь наших кораблей.

Наконец, 28 июля «Дмитрий Донской» и «Рында» покинули гостеприимные берега Америки. «Генерал-Адмирал» ушел раньше, а на следующий день покинули воды САСШ последние два корабля. Удача, сопутствовавшая морякам, к концу года омрачилась известиями о гибели английского броненосца «Виктория» и нашего, тоже броненосца, «Русалки»*.

Курсы у всех наших кораблей оказались разными, и никто из них не поспешил домой. Только флагману было предписано прийти в Копенгаген, где находились императорские яхты «Полярная Звезда» и «Царевна». Здесь же, под флагом начштаба Кронштадтского порта контр-адмирала Федора Карловича Авелана, стоял крейсер «Память Азова». Император Александр III учинил высочайший смотр флагмана Атлантической эскадры...

30 августа адмирал Казнаков был приглашен на тезоименитство императора и осыпан милостями с назначением командиром Кронштадтского порта. Уже вернувшись домой к концу навигации, Казнаков получил телеграмму из Чикаго: «Вице-адмиралу Казнакову Международное собрание экспертов назначило награды за все экспонаты русского морского министерства. 22 ноября 1893 г. Капитан I ранга Мертваго, уполномоченный».

Так закончилась эпопея «Колумб-400», если говорить сегодняшним языком. И пусть вдохновляет нас воспоминание о юбилее, послужившем на благо Америки, России и всех тех, кто на грозных кораблях салютовал Колумбу и самим себе, не помышляя поинтереснее использовать грозное оружие крейсеров и броненосцев...

* См. очерк Виктора Рыкова «Таллиннская Русалка». — «ВС» № 3/89.

Когда я был маленьким, мама часто рассказывала мне разные истории из времен, когда она была маленькой. Истории были интересными и казались несколько фантастическими: к примеру, у деда в квартире было семь комнат, а в гимназию мама и тетя ездили почти через всю тогдашнюю Москву, потому что учились не по месту жительства, гимназию выбирали. У деда были какие-то друзья-поляки, люди милые и почти по-иностранному забавные. Они очень смешно приглашали в гости. Если на «обяд», это значило, что ждут всю семью и одеться надо соответствующе, а когда говорили: «проше по коляции», значило, дети остаются дома, а едут только взрослые. При этом дед с бабушкой ужинали дома и отправлялись в гости довольно поздно. Маму с тетей удивляло, что родители, собираясь в гости, едят дома, но бабушка объясняла, что на Западе — а Польша, хотя и была тогда частью России, все же почти Запад — часто приглашают после ужина и ставят на стол только сладости, вино и чай. «Коляция», кстати, и значит по-польски «ужин», а «по коляции» — «после ужина», и зовут, чтобы попить, поговорить и поиграть в карты.

Меня этот рассказ тоже удивлял, потому что, когда в наш дом приходили гости, стол накрывали совсем не так, как в обычный день. Это бывало довольно редко. Обычно на ужин мы пили чай. Но если дома оказывался любой посторонний, его старались накормить, на столе должна была быть еда. А вечерняя еда — ужин. Так как же приглашать в гости «после ужина»?

Одна из самых больших трудностей, когда вы спрашиваете людей, как они едят в течение дня, заключается в том, что это представляется любому человеку настолько обычным и не заслуживающим детального рассказа, что сообщает он об этом очень скупно.

— Ну, встаем, завтракаем и на работу.

— А как завтракаете?

— Как то есть как? Как все.

При более настойчивых расспросах выясняется, что «как все» может значить: а) только чашечка кофе; б) стакан чая и два бутерброда; в) овсяная каша с молоком, чай и хлеб с вареньем; г) яичница с грудинкой; д) кусок сала с хлебом и стакан водки... начав перечислять все виды завтрака рода людского, мы быстро исчерпаем буквы русского и латинского алфавитов и перейдем на греческий. Боюсь, впрочем, что и китайских иероглифов не хватит.

Мы привыкли к тому, что дневная еда состоит из трех трапез. Кстати, слово «трапеза» вошло в церковнославянский язык из греческого и означает «стол». У этнографов же оно означает разные виды пищи, которые едят в течение дня в определенной последовательности. При этом среди всех прочих различий между народами есть и такие: сколько раз едят в день, в какое время, когда едят больше, когда меньше, что едят и после чего, кто си-

Л. МИНЦ,
кандидат исторических наук

ПРИХОДИТЕ ПОСЛЕ УЖИНА

Из записок исследователя систем питания, в которых рассказывается о распорядке дня у разных народов и выясняется, что обед не всегда бывает именно в обед; автор на своем горьком опыте убеждается, что человеческому организму просто необходимо привычное ему расписание.

Рисунок
В. ХОМЯКОВА

дит за столом. А кто и стоит — так тоже бывает.

Так вот, мы обычно едим три раза: завтрак, обед, ужин*. Иногда еще бывает полдник, но это так, что-то не очень серьезное. И этот порядок кажется нам общечеловеческим и вечным. Любые отклонения воспринимаются как экзотика, а то и способствуют усилению национального самоуважения. «Да у них и не поешь по-человечески! То ли дело у нас!» Или наоборот: «Ну разве можно столько есть, а они все едят и едят! То ли дело у нас!»

Вообще следует отметить, что ничто так не укрепляет национальный дух, как этнические различия, причем все отмеченные у других отличия пойдут им в минус, ибо за абсолютный и не подлежащий обсуждению плюс принято то, что привычно для нас самих.

Я это испытал на себе.

ДОЖИТЬ ДО ОБЕДА

Мне довелось прожить пару недель в английском загородном доме, и смею вас заверить, это было трудное испытание. Прошу понять меня пра-

* В нынешние трудные времена, когда стол не так уж обилен, количество трапез все-таки остается неизменным: уменьшилось разве количество и, боюсь, качество блюд.

вильно: я написал не фразу типа «...трудная журналистская судьба забросила меня в Париж» — из тех, что мы нередко слышали с экрана телевизора. Слушая подобное и глядя на прекрасно одетых мужчин, взявших на свои плечи столь тяжкий труд — потратить лучшие годы жизни в омерзительном капиталистическом окружении, я испытывал те же чувства, что и другие зрители, имевшие возможность жить на Родине спокойно и счастливо, потому что самое трудное за нас приняли на себя эти скромные герои. Крочче, слушая их, сочувствия я не ощущал.

Так вот, и сам я не ишу сочувствия. Более того, считаю: мне очень повезло, что я имел возможность прожить в английском доме, и — видит Бог — добился этого немалым трудом, не перегрызая при этом ничьего горла.

И однако же, я настаиваю — это было трудным испытанием. Хотя бы потому, что вспоминается мне первым делом — постоянное чувство голода.

Я не случайно подчеркнул — английский дом был загородным. Из этого следует: он был очень английским, очень не бедным и до любого населенного пункта было изрядно далеко. То есть на машине доехать всего ничего, но машины у меня не было.

Принимали меня как доброго английского гостя; предоставили комнату с отдельной ванной и полную свободу. Никто не лез в мои дела, и я

был волен делать, что мне заблагорассудится, вставать, когда хочу: завтрак ждал на столе. «Сиреалс» — не знаю уж как и перевести: фигурные мучные штучки с орехом или изюмом, моментально разбухавшие, стоило их залить молоком, чай, пара поджаренных ломтиков хлеба и варенье. Это было не очень похоже на то, чем я завтракаю дома, но поскольку и дома утром я ем мало, меня это не смущало.

Потом я садился редактировать книгу моего хозяина, точнее, сделанный им перевод на русский, открываясь время от времени, чтобы размяться — сгребал скошенную траву в необъятном парке. Примерно в половине первого мы с хозяевами встречались на кухне. Наступало время ленча. По-нашему — обеденный перерыв, но это был не обед, а именно английский ленч. Иногда — какое-нибудь горячее, но легкое блюдо, чаще — пиво с сэндвичами, очень вкусными. У нас в это время едят куда плотнее.

Поболтав после ленча, мы опять расходились по своим делам. Часа через полтора я начинал ощущать легкий голод. Еще через час просто очень хотелось есть. Но до фэйф-о-клока, что, кстати, не значит «пять часов», а «время после четырех» — на стол ничего не подавали.

Вообще-то мне с британской тактичностью объяснили (как бы невзначай) — к привилегиям гостя относятся и то, что он, гость, может брать из холодильника все, когда ему захочется. Он может поставить себе чай, долить молока; может отрезать кусок окорока и поджарить его и тому подобное. Будь я там дня два, может быть, так бы и сделал. Но, согласитесь, готовить себе дополнительный обед в чужом, хотя и дружественном доме, да к тому же иностранном, да еще в течение полумесяца, было как-то неудобно. Возможно, это лишь свойственная нам на чужбине неуверенность, а истинный бритт вел бы себя так, как ему удобно, при этом не обижая и не затрудняя хозяев. Но автор этих строк — не бритт, а был бы бриттом, никогда не испытал бы неудобств от британского распорядка дня.

Итак, после четырех прибежал кто-нибудь из детей, многочисленных в этом доме, и звал снова в кухню. Мы пили отличный английский чай с молоком и съедали, лениво отщипывая, по кусочку кекса.

Чувство голода притуплялось, но ненадолго. Очень скоро он вспыхивал с особенной силой, наверное, потому, что неспешно приближалось время обеда, и это настраивало меня на мысли о нем. И чем больше я о нем думал, тем сильнее мне хотелось есть, и я все чаще поглядывал на часы. Но даже секундная стрелка проходила свой путь с неспешностью джентльмена, прогуливающегося по Поплар-уок. (Это название пришло мне в голову, поскольку сочеталось в рассказе Дикенса с обедом: «Обед на Поплар-уок»).

Внимание мое обострялось, и я начинал отмечать приметы, предвещав-

шие приближение заветного часа. Одна из них была совершенно безошибочной: появление соседа, доктора Гопкинса. Он совершал прогулку от своего коттеджа до дома, где я жил, и неукоснительно появлялся в саду без четверти восемь. В это время все уже было дома, и можно было пропустить с хозяином рюмочку хереса и выкурить сигару. Не стану утверждать, что моцион доктора Гопкинса был намеренно приурочен именно к этому времени, но сигарную коробку ставили на каминную полочку как раз тогда. Завидев светлые штаны доктора из своего окна на втором этаже, я говорил себе: «Вот и доктор Гопченко явился, скоро поедим». И не ошибался.

Звонил колокол, и все вновь встречались в кухне. Обед состоял из сытного мясного блюда с картошкой, салатом, из сладкого — тоже немножко тяжеловатого для столь позднего часа, чая, кофе. Но я, к сожалению, не привык есть плотно в такой поздний час, и так получалось, что скорее не насыщался, а лишь приглушал голод.

Все написанное выше прошу не считать черной неблагодарностью моим гостеприимным хозяевам. Наоборот, я исполнен признательности, но виноваты же люди в том, что они англичане, в конце концов. У них свой распорядок дня, и это я приехал к ним, а в чужой монастырь, как известно, со своим уставом не ходят. Просто устав, которому я охотно подчиняюсь всю жизнь, так не похож на их!

Поздновато, однако, скажет читатель, они обедают. Что это за обед в восемь вечера? А кто, кстати, вам сказал, что слово «обед» обозначает середину дня? Что общего между словами «полдень» и «обед»? Ничего, просто у нас ОБЕД бывает, когда день еще в разгаре. А вообще-то он может быть в самое разное время. Но об этом дальше.

Сейчас же я говорю лишь о том, что и порядок трапез у разных этносов разный. И мы всегда предпочитаем тот, который нам привычен, НАШ. Но это не значит, что другой хуже или лучше. Просто он — другой.

ТРИЖДЫ МАМАЛЫГА

Тут, наверное, нелишне вспомнить об опыте, который я приобрел в местах весьма от Англии далеких, о распорядке дня у народа, сильно отличающегося от англичан. В том, что я обращаюсь к собственному опыту, в сущности, нет нескромности. Просто свои ощущения помнишь и передаешь куда лучше чужих.

Лет двадцать пять назад попал я в мегрельскую деревню на западе Грузии, недалеко от города Гали.

Семейство Чхвинджия, в доме которых я остановился, было для меня не совсем чужим: я дружил с их дальним родственником Леваном Амирановичем, жителем Москвы, имел от него рекомендательное письмо. И попал, само собой, в застолье. Была ясная жаркая осень, и в тостах справедливо

отмечали: «Ты приехал в прекрасное время — свежее вино, свежая кукуруза, свежие цыплятки!» Описывать грузинское застолье и особенно грузинские тосты — дело благодарное, но моя задача не в этом. Замечу только, что из-за обилия ярких описаний у значительной части негрузин создавалось впечатление, что грузины вечно сидят за богатым столом и произносят длинные тосты, а если и не вечно, то уж за каждым обедом — наверняка.

Смею заверить, что обычный грузинский стол более, чем скромнен.

Но я бы никогда не узнал, что гостя угощают совсем не так, как едят сами. Даже есть понятие «этим гостей кормят», а «этим гостей не кормят». Однако в рекомендательном письме, которое написал Леван Амиранович, он очень просил, чтобы родня дала мне возможность просто пожить в семье. «Ему, — писал Леван Амиранович, — интересно посмотреть именно будничную жизнь. Это, — подчеркивал он, — необходимо для науки». Последний довод сыграл свою роль: Леван стал в Москве кандидатом гуманитарных наук, время от времени выпускал книги и не забывал прислать их родственникам с трогательной надписью, а потому служил в обширном семействе Чхвинджия предметом законной гордости и эталоном учености.

Так что, хотя Мамука Иванович и Манера Ипполитовна, честно говоря, не очень понимали, что это за наука такая — поселиться в их доме и смотреть, как они живут, они пошли на это нелегкое для них дело. Нелегкое оттого, что сильно противоречило всем их традициям, а также и оттого, что соседи бдительно следили, как Чхвинджия принимают гостя, и все отклонения от нормы могли бы не понять. А до конца жизни терпеть шуточки соседней Мамуке с Манерой вовсе не улыбалось.

— Ко мне гость когда приезжает, разве я его как Мамука Чхвинджия принимаю? Захожу я к ним, у них гость из Москвы, а на столе — одна мамалыга вчерашняя с аджикой. Лобию и ту не подали. Я понимаю, у них нет ничего, но почему ко мне не зашли? Разве я цыпленка бы пожалел?

— Не говори! За вином ко мне бы сбегали. Что же, я думаю, они сами едят, если гостю из Москвы вчерашнюю мамалыгу с аджикой подали?

— А теперь выпьем за то, чтобы мы почаще собирались. Так и наш Мамука хоть иногда сыру попробует.

Итак, семейство Чхвинджия приняло на себя тяжкий крест нетрадиционного приема гостя. Но, оговорили они, первый день не в счет, посидим по-человечески и позовем кое-кого из соседей. Последний тоже не в счет. И уж совсем, Боже меня упаси, помогать хозяевам в каких-нибудь работах по дому. Еще кто увидит. Пойдут разговоры.

— Смотрю я, а кто это, думаю, у Чхвинджия во дворе дрова пилит? А это, оказывается, гость из Москвы.

— Наверное, железнодорожник. У него, значит, билет бесплатный, что

прямо из Москвы приехал Мамуке Чхвинджия дрова пилить.

— Везет же людям! Тут все не переделаешь, а к ним прямо из Москвы приезжают двор подметать.

Все это навредило меня на верные мысли об огромной роли общественного мнения в Гальском районе. И я согласился на все условия. Но всех деталей не обговоришь: слишком все кажется людям обыденным и само собой разумеющимся, чтобы объяснять взрослому человеку. А ведь из деталей и мелочей состоит жизнь.

На второй день я поднялся часов в одиннадцать: больно уж хорошо посидели накануне. И к своему удивлению, обнаружил все семейство дома — я то предполагал, что сельяне начинают рабочий день спозаранку. Особенно есть не хотелось, но от чашки чая не отказался бы, тем более, как я думал, все уже давно позавтракали. Но на террасе был накрыт стол, и за ним собралась все семья.

Позавтракали тем, что осталось с вечера, этого хорошо хватало. Хозяйева занялись своими делами, я же, как мы и договаривались, должен был быть предоставлен сам себе. Правда, ко мне все-таки приставили юного Ипполита Чхвинджия, которому по этому поводу дали увольнительную от школы. Ипо совсем неплотно говорил по-русски, но фонетика у него хромала, и он с удовольствием старался ее выправить. Выяснилось, что ходит он в русскую школу в Гали, но у тамошних учителей и даже у директора Ильи Зосимовича Куакуашвили фонетика тоже далека от совершенства. Более того, в их классе есть два русских мальчика — Шевчук и Потапенко, но здешние уроженцы — и они предпочитают говорить между собой по-мегрельски, а с учителями на литературном грузинском. Был один учитель, хорошо говоривший по-русски, даже комнату у них снимал, очень умный, и его отправили теперь в Москву учиться на профессора.

Так, с приятностью беседуя, мы обошли большую часть деревни, посидели в лесу, попили воды из ключа, и я, посмотрев на часы, предложил возвращаться. А то придем к пустому столу, сказал я.

— Не бойтесь, — засмеялся юный Ипо. — Без вас не сядут. Без меня тоже. На обед поели свежей мамалыги с сыром и кое-что из вчерашнего.

После обеда я поехал в город, задержался там и вернулся очень поздно. Меня это не очень беспокоило: ключ у меня был, а есть не хотелось, тем более что перекусил в Гали. Но стоило мне переступить порог дома, как Манера поставила на очаг котелок с мамалыгой. Ужинали мы поздно и плотно: мамалыга с сыром, травки, кислое молоко.

На следующее утро я встал опять поздно — во всяком случае, по сельским привычкам — часов в девять. И опять застал всех дома и ждущих меня, чтобы сесть завтракать: вчерашняя мамалыга с аджикой и кислое молоко. У меня создалось впечатление,

что Мамука с Манерой горопятся, хотя они этого не показывали, но едва поев, тут же умчались. Хозяйка только спросила:

— Ты к обеду во сколько будешь? В час, да?

— В час, в час, — согласился я, почувствовав, что она как бы назначает мне время. И ровно в час я был дома, через четверть часа вернулись хозяева.

Забулкал котелок для мамалыги, фасоль была сварена с утра.

— К вечеру, может, курицу зарезать? — спросила Манера.

Хозяин выжидающе посмотрел на меня.

— Не надо, — сказал я, — пусть все будет как всегда.

— Как всегда, как всегда, — заметнула руки хозяйка, — что, одну мамалыгу есть будешь? Травку? Хорошо, — пригрозила она, — мы к тебе приедем, с собой мамалыгу привезем...

Слово за словом я стал рассказывать, зачем мне все это нужно, и, желая сделать хозяевам приятное, перешел на рассказы: кто, как и что делает в этом многонациональном краю? Мамука рассказал, что у соседних абхазов с приемом гостей все на высшем уровне (он это знал по собственному опыту), но что их пир может выдержать только очень сильный человек.

— Если из-за стола встал, все — можешь не возвращаться. А как не встанешь, когда пьешь за каждого и каждый за тебя? Большую силу воли иметь надо.

— У нас тоже воспитание имеешь, — добавила Манера, — даже маленьких детей учат: за стол только всей семьей. И пока все не сели, не хватай в промежутке. Не прилично днем что-нибудь из чулана доставать.

И тут до меня дошло, что претерпели хозяева, пока я валялся в постели и шлялся в шумном городе Гали. На следующее утро я вскочил в шесть и не был первым. Хозяева благодарно пожелали мне доброго утра.

До конца недели я вставал столь же рано. А в воскресенье, тепло попрощавшись и сославшись на срочные дела, уехал в Сухуми. Мне было проще уехать, чем вставать весь отпуск в шесть.

Нарушать распорядок дня милого мне семейства Чхвинджия было бы с моей стороны откровенным свинством.

ВПОЛНЕ УЧЕНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К СЛОВУ «ОБЕД»

Задумывались ли вы когда-нибудь, почему «стол» называется «столом»? Задавшись таким вопросом, можно свихнуться — если только думать и думать. Есть люди, однако, которые этим занимаются профессионально, — лингвисты, составители этимологических словарей, где происхождение каждого слова рассматривается в его истории и в сравнении с другими языками. И, порывшись в таком словаре — смею заверить, удовольствие это ни с чем не сравнимое, — вы обнаружите, какая история у самого простого

слова и из каких совершенно неожиданных источников оно почерпнуто. Подобный алмаз среди гальки блистает среди словарей «Этимологический словарь русского языка», составленный немецким ученым Максом Фасмером.

Насколько же можно полюбить чужой язык, чтобы так заботливо исследовать многие тысячи русских слов! Впрочем, можно ли считать, что для ученого, осуществившего такой труд, русский язык — чужой?

Итак, я уже говорил, что в слове «обед» нет никаких указаний на время, когда его едят, хотя в нашем сознании он связан с серединой дня. («Подходите к обеду, Анна Николаевна обязательно будет»). И вы знаете, что прийти надо в середине дня.) А возьмите «завтрак», «полдник», «ужин» — тут время дано точное, однако не всегда оно соответствует нынешнему смыслу слова. Мудрый Фасмер возводит «завтрак» к слову «зутрок», то есть еда, следующая сразу за утром, за рассветом, за пробуждением. А у слова «ужин» — в древности «южина» — корень «юг», что в древнерусском языке значило «полдень». Чтобы стало еще яснее, очень полезно заглянуть в словарь другого языка, лучше всего — близкородственного. Дело в том, что в близкородственных языках одно и то же слово, возникнув в древнем — общем — праязыке, даже вести себя может по-разному: в одном изменить смысл, а в другом, наоборот, сохранить первоначальное значение. Скажем, по-украински «юг» как раз и будет «південь». Скорее всего ужин ели, когда солнце стояло в зените.

А вот в слове «полдник» нет «юга», им теперь просто именуется еда, перехватываемая между основными трапезами. Что же касается обеда, то доктор Фасмер возводит его к приставке «об» и корню «ед», то есть трапеза, когда обедаются, самая большая еда. Но и из этого отнюдь не следует, что ей положено быть именно посреди дня.

Кстати, люди стали есть три-четыре раза в день не так уж давно. Связано это во многом с изменением образа жизни, с тем, что все больше народу селилось в городах, с совершенно отличным от сельского распорядком дня и ритмом жизни.

Надо сказать, у крестьян, почти всей Европы — и в России в том числе — год делился на две части: летнюю и зимнюю. И если в теплое время года крестьянин был занят с раннего утра до вечера, то зимой работы было гораздо меньше. А потому и питался человек летом три раза, а зимой вполне хватало и двух. Многочисленные описания этнографов — еще в прошлом веке все этнографы были и писателями, а потому описания их читать не только полезно, но и приятно — свидетельствуют: летом крестьяне с утра ели суп, кашу, потом на поле съедали что-нибудь холодное, а вечером — свежую горячую еду. При этом плотнее всего ели утром, что неудивительно, ибо человек, которого ждала тяжелая работа на чистом воздухе, должен быть сы-

тым. А зимой обедали дважды (именно «обедали»). Поскольку можно было не торопиться, хозяйка каждый раз готовила свежую пищу.

В городах, где распорядок дня не зависел от времени года, ели три раза в день. Узнать об этом нам помогают многочисленные распоряжения, правила и установления, на которые щедро была бюрократия всех времен и народов. Кстати, ее принято везде и всюду ругать, но что бы мы делали, не будь этих педантичных и нудных записей, которые оставили бюрократы? Следующие их поколения эти бумаги подшили и сохранили для нас. И найти в них можно все, что ученой душе угодно.

Например, трудолюбивые трансильванские чиновники, разрабатывая установленный в 1700 году князем Ференцем Ракоци «Регламент предгорного виноградарства», записали: «Поденщики должны работать с восхода до заката солнца, а отдыхать могут в полдень один час, но не более того и при том завтракать, и еще во время полдника — полчаса. Хозяин же не должен переманивать работников от другого человека, обещая им ужин».

А в другой части Венгерского королевства дети должны идти в школу в 7 утра, а в 10 их должны отпустить домой. Но в 13 часов они снова должны быть в школе, которую покидают к 4 часам пополудни. В это время «они должны утолить голод с родителями». Кстати, как вспоминает один государственный деятель, живший в эти края в XVII — XVIII веках, «будучи взрослым, я никогда не ел дома трижды, лишь маленьким ребенком получал по утрам завтрак. Только в конце XVII века дворянство наших мест узнало, что в цивилизованных странах уже едят трижды, и многие переняли сей злозык (скверный обычай.— Л.М.), но остальные не приняли, считая его французской манерой».

И наконец, для чиновников Королевского Наместничества в Пожони (нынешняя Братислава, тогда входившая в Венгрию) был установлен распорядок работы, где содержится описание того, что надлежит делать, а еще более — что не надлежит. Запрещается курить и музицировать во время работы (а также принимать личных знакомых мужского, а паче женского полу и т.д. и т.п.). Так вот, есть нельзя тоже — ибо, работая с 8 до 11 и с 14 до 17 часов, «надлежит обедать в эти перерывы, до того же только пить точные горячие напитки». Последнее означает чай и кофе. «Те же, кому эти восточные напитки не нравятся, должны вместо этого съест суп. И так трижды в день». Написаны правила в 1763 году, а это значит, что в городах стало принято есть три раза в сутки.

Но при чем же здесь смысл слова «обед»?

Существует еще один метод проверки истинного значения слов. Но тут следует нырнуть в глубины не родственного, а, наоборот, абсолютно не-

родственного языка, где есть интересные нас заимствования. В грамматически чуждой среде слово зачастую консервируется и сохраняется лучше, чем археологические предметы в торфянике болот.

Я не случайно привел несколько примеров из быта и нравов венгерского народа в недалеком прошлом. Дело в том, что венгерский язык полон славянских корней — так получилось исторически, — но в угро-финской грамматике они законсервировались. «Завтрак» у венгров — «рэггели», от слова «утро», но это единственный неславянский термин, ибо далее следуют «обед», что как вам ясно, «обед», и «вачора» — «вечера», «ужин». Между «эбедом» и «вачорой» можно перехватить «ужону», что, впрочем, значит не ужин, а полдник. Но если учесть, что плотно ели утром и вечером, то ужона — как раз то, что и имели в виду русские в древности.

Слово «эбед» встречается и в венгерских хрониках, и в фольклоре. Вот только нигде не написано, во сколько же часов его ставили на стол. Очевидно, и тогда это считалось совсем уж обыкновенным и всем понятным.

Но читать надо внимательно. Есть такая средневековая «Легенда о Маргит». Маргит — это Маргарита, Святая Маргарита в данном случае. В легенде много сюжетов, и один повествует о чудесном исцелении ребенка, которого считали мертвым. Весть об этом разносится вскоре после восхода солнца, появляется священник и решает немедленно отвести дитя к могиле Маргит. «Перед пахаря обедом вся семья из дому вышла, дело происходит весной, когда пахари все в поле, причем ушли туда спозаранку. Дитя проводит долгие часы у могилы святой, а когда возвращается домой, при входе в деревню «колокол на башне церкви полдень добрым христианам возвестил ударом звучным». (Несовершенство перевода остается на совести автора этих строк.)

Итак, от «обеда пахаря» до полудня прошло много часов. Так во сколько же был обед? Мне кажется, что часов в 6 утра. То есть по-нашему это был завтрак.

Помнится, крестьянин уходил в поле на целый день, очень плотно поев. Это был именно обед — самая сытная и обильная еда за день. А в XVIII веке уже появляются словосочетания «полуденный обед» и еще — «утренний обед»...

Можно предположить, что утренний обед — в городах, у почтенных бюргеров и чиновников — это утреннее вкушение пищи сначала по привычке было обильным, как и у их деревенских предков. Такова сила традиции. Но согласитесь, одно дело работать после такой пищи, напрягая каждый мускул тела, а совсем другое — сидеть в закрытом помещении. В такой сон вгонит, что ни о какой производительности труда речи быть не мо-

жет. И утренняя трапеза становилась все скуднее и скуднее, докатившись до чашечки кофе с бутербродом. И из названия выпал сам «обед», а осталось только «утренний», что, как вы помните, читатель, по-венгерски и будет «рэггели», которое мы переводим на русский язык как «завтрак».

Полуденная же трапеза усилилась, увеличилась, познала собственную важность и отбросила за ненужностью эпитет. Обед, он и есть обед, и ясно когда. Главное, что без него день — голодный.

С течением времени — всего-то за прошедшие полтора-два столетия — городские привычки (куда как более престижные, чем мужицкие!) распространились шире, и постепенно все общество стало есть завтрак, обед и ужин. Или завтрак, ленч и обед. Каждый день.

Но все-таки все по-разному.

ЕЩЕ ЧУТЬ-ЧУТЬ О МАНЕРЕ

Манера Ипполитовна недолюбливала немцев. Она относилась к ним с большим подозрением. Вроде бы, что ей с ними делить? Манера в Германии не была, немцы в Гали не ездят. Тем не менее, каждое упоминание о немцах вызывало у нее слегка презрительную усмешку.

И тому были причины. Когда учитель, уехавший учиться на профессора в Москву, снимал комнату в доме Чхвинджия, он готовился к экзаменам в аспирантуру и долбил немецкий язык. Причем вслух, чтобы лучше запомнить. И вот, когда он повторял с легким грузинским акцентом пословицу об утренних часах: «Морген штунде хат золд им мунде» — «У утреннего часа золото во рту», Манера, помешивавшая мамалыгу, резко к нему повернулась и, покраснев, спросила:

— Что это ты там говоришь? Золото во рту? А как по-немецки «рот»?

И, улыбаясь, что «мунде», всплеснула руками:

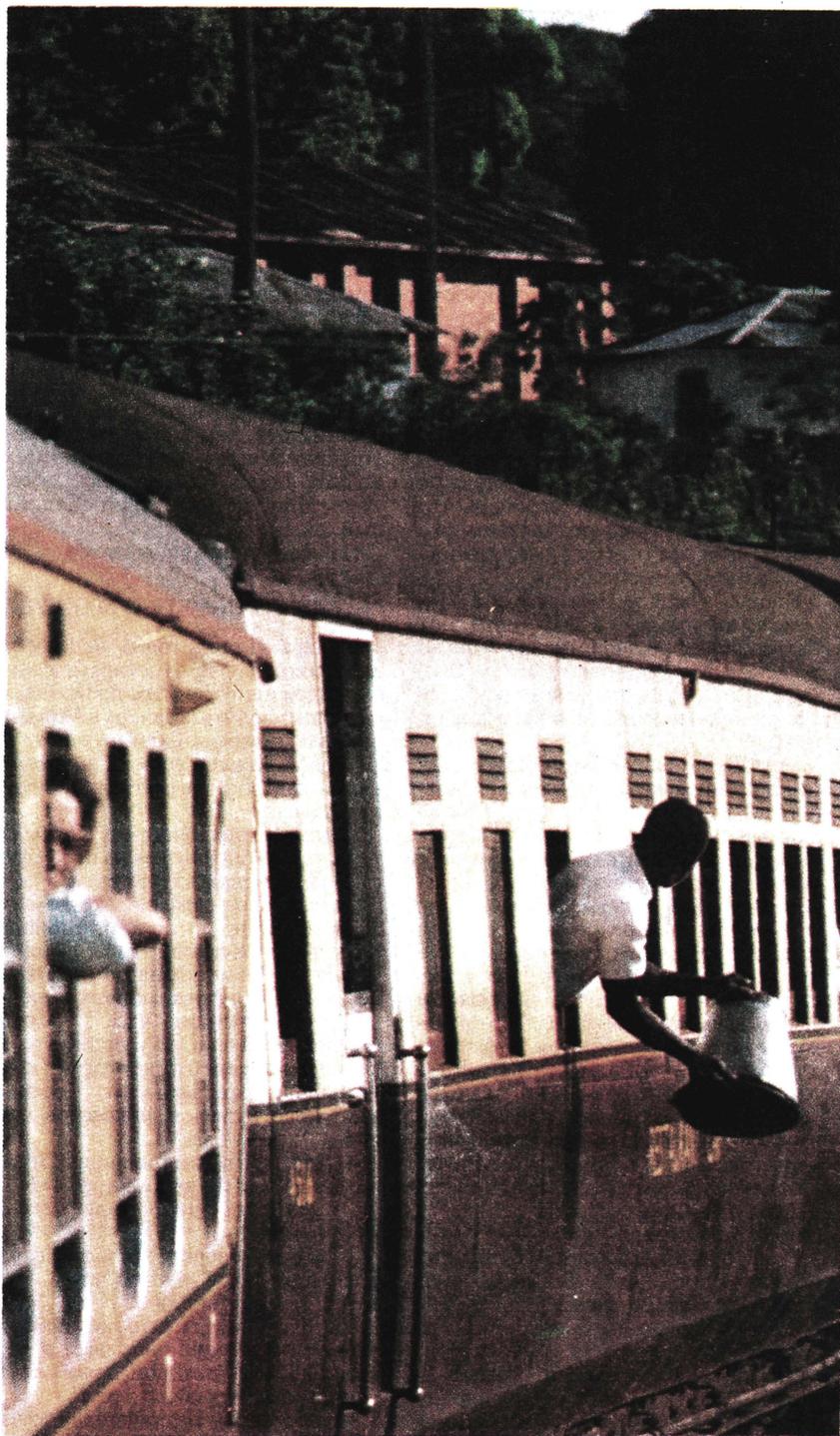
— А еще говорят — культурный народ! Как такое можно ртом называть!.. Бесстыдники!

На беду, по-мегрельски похожим словом неприлично называется часть тела, функция которой прямо противоположна назначению рта.

И как Манеру Ипполитовну тогда и впоследствии ни убеждали, что уж в этом-то немцы не виноваты, она качала головой и не отступала от своего мнения.

Увы, при оценке других народов, мы часто полагаемся на случайное услышанное, да еще сравниваем со своим, к тому отношения не имеющим. Но стоит лишь углубиться в предмет — а не углубляясь, лучше не делать выводы ни о своем народе, ни о чужом, ни о его происхождении, ни о своем благоденствии, — как становятся ясны трудности, не преодолев которые не стоит даже браться за дело.

Даже за обед в чужом доме.

*Поезд,
где вас могут
съесть...*

Поезд остановился на ночь всего в сотне километров от Найроби, на маленькой станции Кима. Пассажиры последнего вагона открыли заднюю дверь, чтобы свежесть июньской ночи позволила им лучше спать. В вагоне — англичанин Райал, немец Хюбнер и итальянец Паренти. ...Лев прыгнул на платформу, прицепленную за спальным вагоном. Просунул огромную голову в полуоткрытую дверь и спокойно наблюдал за своими жертвами. Он выбрал двадцатилетнего Райала, лежащего на нижней полке. Этот полицейский как раз затем и приехал в Киму, чтобы пристрелить хищника, наводившего страх на всю округу. Лев уже успел утащить — прямо на глазах остолбеневших от ужаса товарищей — двадцать пять индийских кули и железнодорожников.

Хищник злобно зарычал и уже приготовился к прыжку, но в это время с верхней полки кубарем скатывается перепуганный Хюбнер и буквально падает на льва, уже впившегося клыками в голову Райала. В тот же момент раздвижная дверь купе, выведенная из равновесия тяжестью льва, закрывается. Видя, что путь к отступлению отрезан, животное, бросив англичанина, бросается к окну, прыгает вниз, а затем вновь приподнимается, чтобы схватить висящего на окне полицейского. Его останки будут найдены пять часов спустя в буще...

Человек, который показывает туристам вагон, где летом 1900 года произошла эта трагедия, носит фамилию Шеффилд. Этот британец, до мозга костей влюбленный в Кению, работает на железных дорогах страны уже шесть десятков лет, последние из которых — в должности хранителя Музея поезда в Найроби. Как все бывшие машинисты, он холит и лелеет, постоянно подновляя на собственные деньги ржавеющие под солнцем и дождем старые машины, которые технический прогресс заставил остановиться навсегда.

С почтительным видом Шеффилд дарит туристам брошюру «Убийцы Кимы» с иллюстрациями, воссоздающими драму полицейского Райала. А тем, кто собирается отправиться в путешествие по кенийским железным дорогам, многозначительно желает счастливого пути.

Туристы выезжают из Найроби в Момбасу поездом, идущим через Киму. С собой им для остроты ощущений стоит прихватить и книгу «Людоеды из Цаво», вечный бестселлер в Кении аж с 1907 года. Это история, поведанная человеком, который свалил двух львов-людоедов, терроризировавших несколько лет район Цаво. Когда с них сняли шкуры, они были изрешечены пулями и уже не стояли и

гроша. Прочтя книгу и наслушавшись рассказов Шеффилда, любой обязательно проверит щеколду на двери своего купе, когда поезд трогается по направлению к Индийскому океану.

19 часов. Прибытие в Момбасу следующим утром в 8.30. Расстояние то же, что и между Парижем и Лионом. Но путь на десять часов дольше, чем на французском суперэкспрессе.

Однако не стоит сожалеть о малой скорости здешнего маленького поезда. Его медлительность как раз и позволяет вдоволь насмотреться на праправнуков описанных в книгах лодоедов. Дело в том, что железная дорога пересекает два национальных парка — один сразу за окраиной Найроби, другой — в краю народа камба — национальный парк Цаво. Туристам туда попасть непросто, зато никто не может помешать им наблюдать за здешней природой из окна вагона. Цаво — вотчина кенийского президента. Говорят, там охотятся на слонов с вертолетов... Поблизости, подпирая своими границами склоны Килиманджаро, расположен и третий парк — Масаи-Амбосели. В общем, вся территория между кенийскими нагорьями, где находится Найроби, и Индийским океаном буквально кишит животными, названий которых хватит на все буквы алфавита. И всех их тоже можно увидеть из окна вагона.

«Высовываться из окон опасно!» — предупреждает объявление. Еще более опасно, когда животные пересекают пути в неполюженном месте. Именно это проделало недавно неподалеку от станции Voi стадо слонов. Один из этих беспечных гигантов не заметил приближающегося поезда, за которым и осталось последнее слово. Поезд после столкновения остановился. В таких случаях он обычно сходит с рельсов, но на этот раз обошлось. Слон же был убит на месте. Локомотив, правда, пришлось поставить на ремонт в депо неподалеку от Найроби.

Это депо тоже открыто для туристов. К сожалению, служба безопасности не позволяет даже мельком взглянуть на президентские вагоны. Эти два вагона, выкрашенные в малиновый и цвет слоновой кости, имеют удивительную историю. Это поистине «королевские» вагоны: до того как стать президентскими, они принадлежали королеве.

Елизавета II, еще не будучи тогда королевой Великобритании, пользовалась ими во время своего первого посещения Кении, когда ее отец, Георг VI, из-за своей болезни послал ее туда с официальным визитом вместо себя. 6 февраля 1952 года принцесса прибыла в этих вагонах на станцию Гилгил, чтобы провести, как все туристы, ночь в знаменитой гости-

нице «Тритопс», представляющей собой смотровую площадку на гигантском дереве у водопада диких животных в лесу. Именно эту ночь Георг VI выбрал для того, чтобы умереть. Таким образом, Елизавета II стала королевой, пребывая... на дереве.

Поезд Найроби — Момбаса хоть и не королевский, но все же его можно назвать княжеским. Проехать на нем — одно из наслаждений для туристов в Кении. В течение ночи вы окунетесь в атмосферу начала века. Старые вагоны воссоздают дух длительных переездов в пульманах компании Кука. Перегородки из красного дерева, сжатые медно-латунными дверьми, маленькие абажуры из опалового стекла, старые умывальники из посеребренного металла, краны 1900 года. В каждом купе большие вентиляторы, прикрепленные к потолку. Колокольчики, которыми можно в любой момент вызвать обслуживающий персонал. И деталь, достойная дворца: за ночь вам здесь вычистят обувь. Утром проводник согласно английской традиции приносит вам первую чашку чая, а потом вкатывает столик с завтраком. Причем большая часть столовых приборов, несмотря ни на какие кражи, остается тоже прежней — из чистого серебра.

Изысканный вагон-ресторан на 24 места, весь декорированный красным деревом, наводнен официантами в белых перчатках с манерами истинных британцев. Они с усердием удовлетворяют малейшие пожелания клиентов, а быстро обслужив, деликатно просят уступить место следующему. Каждые полчаса молодой лакей с помощью африканского ударного музыкального инструмента — белафона извещает пассажиров о том, что наступил черед другой смены. В общем, даже королева Виктория почувствовала бы себя здесь как дома!

Это — в первом классе. Если же какой-нибудь дорожный «тертый калач» рискнет взять билет в третий, то окажется в компании детишек, едущих на каникулы. У каждой школы — своя униформа, которая и дополняет пеструю панораму этих «джунглей» третьего класса, придавая им вид английского парка. В центре состава — вагоны второго класса, они еще больше напоминают о том, что Кения добилась независимости. Здесь бок о бок, в довольно приемлемом уюте путешествуют небогатые бельгие, европейцы-стипендиаты среднего достатка и кенийцы тоже из средних слоев. Если же вам захочется поближе познакомиться с местными нравами, можно сесть на 17-часовой поезд, который, однако, еще более ленив, и приехать на следующее утро в то же самое время, когда поспеет и тот, шикарный.

Точность, любовь к ладно сделанной работе — это традиция кенийских железных дорог, которая приятно выделяет их среди других железнодорожных компаний Африки.

Дело в том, что история поезда соединилась здесь с историей страны. Можно сказать, что Кению создал поезд. Не прошло еще и века с того времени, когда этот край мало кого интересовал. «Жемчужина Восточной Африки», «Африканская Швейцария» — все эти эпитеты относились к Уганде. Англичане хотели проложить для нее выход к морю. Поэтому они сделали попытку построить ценой огромных трудностей железную дорогу от Момбасы к озеру Виктория. На этом пути надо было найти какую-нибудь базу, чтобы соорудить там склады и расположить технику. Сержант Эллис выбрал для этого отроги горного хребта, окружавшие деревушку Найроби на высоте 1750 метров над уровнем моря. Этим было положено начало созданию города Найроби — сегодня весьма импозантной и «западной» столицы Кении.

Прогрессу тем не менее не удалось подорвать один из последних чисто британских бастионов на «Кениан рэйлуэйз». Дорога между Найроби и Момбасой — однопутная, поэтому инженеры Ее Королевского Величества придумали уникальную систему безопасности движения. Она обязывает на каждой станции ее начальника передавать машинисту в специальном сачке своеобразный «ключ» от следующей станции и забирать у него такой же от своей. Перегон открыт, если вы введете «ключ» в аппарат, включающий красный свет и закрывающий путь для встречного поезда. Так как для каждого перегона существует только один «ключ», поочередно перевозимый встречными составами, несчастные случаи любого рода исключены. Если, конечно, не считать столкновений со слонами. Эта система, ничем не обязанная электронике, в ходу еще со времен королевы Виктории.

Как-то один из пассажиров осмелился предложить начальнику станции Найроби упростить систему. Но тот обиженно ответил: «Но мы ведь десять лет назад изменили форму «ключа». Сегодня «ключ» прямоугольный».

Этот начальник станции до сих пор как зеницу ока хранит в кабинете телеграмму инспектора железнодорожного движения: «С тех пор как железнодорожника в Малампаке съел лев, со стороны служащих заметна общая апатия, когда им нужно проверить semaфоры...»

По материалам журнала
«Пари-матч» подготовил
Н.ВЫШИНСКИЙ

ВЕРНЕМСЯ К НАШИМ ФАЗАНАМ

Минувшей зимой мы с женой и дочкой Катей, окончившей английское отделение в университете, гостили у наших друзей Яна и Джин Шерман, в городке Доридже, в Средней Англии. Нам было предложено путешествие в английскую глубинку — Озерный край. Затем англичане гостили у нас. Мы их свозили в наш Озерный край: на берега Ладоги, Ильменя.

Во время нашего долгого путешествия я вел записки; вот некоторые из них.

Озерный край (Лэйк-ди-стрикт). Шесть утра. Кроме месячные потемки. Ночь была лунная; луна полная, круглая, в ореоле, на совершенно безоблачном небе. Венера много ниже Луны...

Вечером мы наблюдали, как луна восходила против солнца; солнце садилось за гору. Внизу простирался Озерный край... Мы поднялись по овечьему выпасу на вершинное плоскогорье, нам открылась уходящая на все стороны плавность возвышенностей и долин (уэлли). По склонам и по вершинам ползали овцы, сами по себе белощерстные, серенькие, но мазнутые одна синей, другая розовой краской, чтобы знали чьи. Из-под ног выпорхнула куропатка.

По-английски холмы — хиллз, но в Озерном крае, Джин сказала, не хиллз, а феллз, что значит повыше, посерьезнее, поближе к горам.

Наша изба (Ян снял ее по рекламному туристическому проспекту)... О, наша изба! Такой у нее знакомый запах, как в моей избе в деревне Нюрговичи на Вепсовской возвышенности; там тоже феллз, тоже Озерный край. Запах старого дерева, сгоревших в очаге дров...

В этой избе камин помещается в том самом месте, где некогда теплился очаг, согревал, давал пищу. Копоть на камнях — из XVI века, когда сложили из камня эту избу, этот очаг. Оттуда же и дубовые просмоленные балки. Возможно, второй этаж достроили в наше время; на втором этаже четыре спальни; внизу большая горница с камином, с кухонной выгородкой за прилавком, электрической плитой, холодильником, горячей водой (из кухни есть вход в ванную), с телевизором, эйркондишеном, еще чем-то таким, чему и названия нет в нашем обиходе. У камина стоит некое чудо-невидаль — хромированное (может быть, серебряное?) вешало для совочков, шипцов, кочереек; управляется с камином.

Камин топят (на меня возложена обязанность затоплять) дровами какой-то лиственной породы; дрова сы-

роваты (назавтра у входа в избу появится куль с углем). Впрочем, Шерманы привезли с собой пачку брикетов долгогорящего вещества, по запаху пробензинового парафина. Отщипнешь от брикета кусочек, кинешь в топку, поднесешь спичку — долгодолго горит жадным пламенем.

Вечером после ужина долго сидели у камина; зашел разговор о духах: не может быть, чтобы в таком древнем жилище не обитали духи. Разговор полусушительный, но, как всегда, англичане потребовали исчерпывающего объяснения. Джин сказала, что ни в какую загробную жизнь, в духов не верит, принимает за действительное только данную, ею переживаемую минуту — то, что ощущает и сознает. В чем не заподозришь Джин, так это в солипсизме; она исповедует рациональный прагматический материализм...

Но я ей все-таки возразил, в том смысле, что вместе с нами продолжают быть миры нам близких умерших людей. Не загробная жизнь; люди уходят, но их духовная энергия остается. Мертвые разговаривают с нами, мы готовы им отвечать; общение душ не имеет предела; нам являются духи...

Джин без обиняков спросила, верю ли я в Бога. Я отвечал, что в Бога как надмировое существо не верю, но... Не допускающая ни в чем двойственности, Джин не дала мне договорить, заявила о своем абсолютном атеизме, неверии во что бы то ни было ирреальное. Требовательно глядя мне в глаза, Джин сказала: «Я не думала, что советский человек (тогда еще был Советский Союз) может верить в Бога». Ее английский ум требовал однозначности. Я сказал, что, судя по всему, без божеского как соединяющего, возвышающего людей над нерешимостью их проблем человечеству не обойтись в обозримое время. В Советском Союзе низвергли религию, насаждали марксизм-ленинизм как веру, но прошло семьдесят лет, и опять нужна духовная подпорка — в церкви.

Джин сказала, что в Англии церкви

пустеют: люди разочаровываются в религии; католицизм приобретает черты диктатуры.

Джин сказала, что человеку не стоит полагаться на марксизм-ленинизм или на церковь, а надо искать опору в самом себе.

Джин сказала, что не может себя посвятить служению чему-либо вне того круга жизни, какой ей отведен. Она служит только себе и своим близким.

Профессия Джин Шерман — самая распространенная среди женщин Великобритании: домохозяйка, правительница дома. Ян Шерман — юрист-консульт одной из промышленных фирм в Бирмингеме (Доридж — пригород Бирмингема). Мы познакомились с ними в Михайловском саду в Ленинграде. Они прогуливались под водительством моего знакомого гида Интуриста. Мы пригласили их на чашку чая, потом переписывались два года. Наконец получили приглашение приехать в Доридж. И подружился...

Горел огонь в камине. Было сколько угодно виски. На дворе была лунная ночь, вокруг простирался Озерный край, где-то между Шотландией, Уэльсом и Йоркширом, к северу от Ливерпуля.

Днем, когда мы приехали в эту долину, на берег ручья, свернув с асфальта на каменистую дорожку, Ян определил по карте место, остановился у белого каменного дома. Вокруг не было ни души. Дом оказался незапертым. Мы вошли в него, подивились роскошеству убранства. Это мы подивились, моя семья. Ян тотчас обнаружил несоответствие дома контракту, заключенному им с фирмой, сдающей дома в Озерном крае: дом оказался без камина. Кондишен, электроплита, электрический камин, сервант с фарфором, спальни наверху — все было, а камина — чтобы сидеть у живого огня — не было. Это никуда не годилось. Мы отправились на поиски хозяина; он явился нам навстречу, приехал на японском «лендровере». Указал нам искомый дом — с камином. Хозяин — фермер-овцепас, и у него четыре дома на сдачу дачникам.

На вид хозяин был обыкновенный сельский мужик, похожий на Ивана Текляшова из моей деревни Нюрговичи: в резиновых замызганных сапогах, в камуфляжной блузе, какие носят в десантных войсках. При входе в дом мужик снял сапоги, что делает и Иван, затопил камин. В отличие от Ивана, прокурившего все зубы сигаретами «Стрела», мужик Озерного края имел великолепные зубы, как у президента Буша, и разговаривал по-английски. Правда, он говорил на диалекте, которого не поняли и наши англичане. Ему налили полстакана виски, он выпил одним глотком, как пьет водку Иван Текляшов, утерся рукавом, еще раз показал нам президентские зубы и куда-то уехал на «лендровере».

Больше встретиться с хозяином не привелось; нас предоставили самим себе — во всем Озерном крае, в это время года не заселенном приезжими.

Вечером Джин сказала:

— Завтра будем жить в свое удовольствие. Утром наварим вволю пориджа, будем весь день плевать в потолок.

Так и вышло (все выходит так, как задумано у Джин). Вечером мы сидели у камина, я рассказывал какие-нибудь истории из русской жизни, Катя переводила; другие тоже живо участвовали в беседе: хихикали, уточняли детали, напоминали: расскажи вот про это...

Вечер незаметно перешел в ночь. Луну затащило облаками, однако на дворе вдруг странно развиднелось (дверь наружу в избе стеклянная). В полночь посреди долины на берегу ручья в Озерном крае можно было читать книгу эссе Вордсворта, купленную мною в Грасмере, где Вордсворт прожил лучшие годы и похоронен. Джин сказала, что вот здесь за холмом — она держала на коленях карту — живет ее подруга Клер — сногшибательная рыжая женщина, которую ей бы очень хотелось повидать. Карту Озерного края Джин купила вчера в городе Кендале, куда мы заехали по дороге от озера Виндермер в нашу овечью избушку.

Мы-таки перевалим через холм, но Клер не застанем дома, повидаемся с ее мужем Тэдди Блэком и взрослым сыном Кристофером; Блэки, старший и младший, — фермеры-овцепасы. Но о них чуть ниже.

Сейчас на дворе раннее утро. Я один не сплю во всем Озерном крае; воздух здесь хороший... Как-то, помню, в селе Никольском на Вологодчине ко мне подошел мужик, почему-то заверил меня: «Воздух у нас хороший. Выпьешь, покуришь, а тоски нет». И здесь тоже: вчера выпил, покурил, а тоски нет.

В овечьем Озерном крае посреди холмов и долин, примыкающих к небу, можно ощутить себя гражданином Вселенной (никто не спрашивает паспорта), приобщиться к нулевому циклу мироздания: се земля, се вода, се небеса. А се огонь, в укромной полости камина...

Сидеть у огня, видеть в стеклянную дверь то, что было вначале...

Вчера мела пурга, несла в себе острые иголочки, секла глаза. Но это было недолго, стоило перевалить горбину холмов, и опять стало тихо.

Сегодня 14 декабря. Один из самых коротких дней. Он еще и не занялся, потемки на дворе. Я пишу в моей первой английской тетради, то есть купленной в Англии (до того писал в советской), в Грасмере, да...

Затеplen огонь в камине... Вернусь домой, меня спросят: «Что ты увидел в старой доброй Англии?» Я отвечу: «Я смотрел на огонь в камельке».

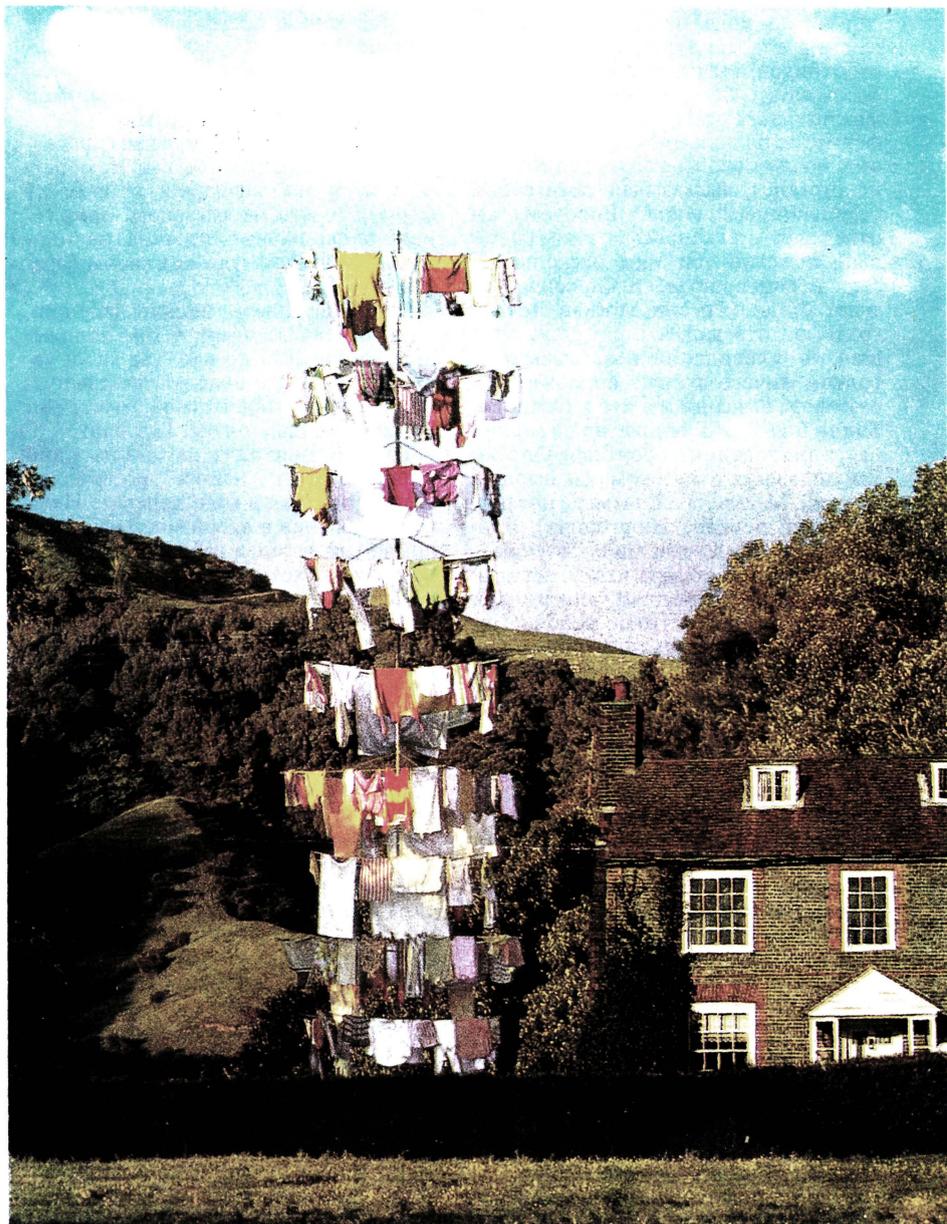
Вчера ехали по узенькой тропе... Тропа для машин выстелена мелкими камешками, чем-то сцементированными. Заехали к Хэйл Эндрис... Будете в Озерном крае, загляните к ней на хуторок. Хэйл напоит вас кофе или чаем, покажет (если пожелаете, то продаст) великолепные вещи из мест-

ной шерсти, ею собственноручно связанные. У Хэйл есть большой серый кот, охотно дающий себя погладить, есть куры. Хэйл походя поглаживает по головкам свою животину.

Ее хуторок чуть в стороне от дороги вдоль ручья. Ян хорошо знает повертку...

Когда мы шли в деревню Кентмер в гости к фермерам Блэкам, Клер и Тэдди... Нет, это было уже на обратном пути. Джин сказала, что осенью в этих местах охотятся на лис, с гончими; когда лис убивают, приносят домой, то устраивают празднество: все напиваются, лица у всех краснеют — от вина и ветра, — все танцуют старинные танцы, поют народные песни о том, как пасут овец, охотятся на лис.

В доме у Тэдди Блэка повешены на стене лисья голова и хвост. На таб-

личке обозначено, кто убил лису, когда.

Тэдди Блэк — фермер, живет в деревне Кентмер. Я спросил у него, почему в деревне, а не наособицу, как другие фермеры, например, хозяин сланной нам избы, что значит деревня в Англии, в Озерном крае? Тэдди сказал, что в деревне шесть фермеров, одна на всех церковь, а больше ничего такого общего нет.

Сам Тэдди маленький, шуплый, в обыкновенном пиджаке, какие носят старые мужики у нас в селах. У него только необыкновенно большой нос — руль; это нечто британское, у наших таких рулей не бывает (небось бьют, но я не видал). Тэдди сказал, что у него примерно семьсот овец. Или семьсот пятьдесят. Пятьдесят голов туда-сюда, могут пропасть, а потом найтись. Стригут овец пять раз в году. Самое трудное время для овцевода — это апрель, когда овцы агнятся, тут уж гляди в оба. На это время нанимают работников, а так управляются вдвоем с сыном. Состриженную шерсть можно сдать сразу или хранить на ферме, но не долее ноября. В объяснения, почему так, а не эдак, Тэдди Блэк не пускался, высказывал сами собой разумеющиеся вещи. Впрочем, он отвечал на мои вопросы, по ним составлял понятие обо мне, насколько я секу в овцеводстве. Я спросил, что знает Тэдди о России, Москве, Ленинграде, он отвечал, что слышать слышал, по телевидению показывают, но толком ничего сказать не может. Из разговора выяснилось, что в хозяйстве Тэдди Блэка есть корова, но не молочная, а для говядины (фор биф). Однако чай подавался с молоком, как всюду в Англии. Магазины в Кентмере нет (как и в моей деревне Нюрговичи), ближайшая лавка в семи милях отсюда.

Тэдди Блэк сказал, что у него на ферме две легковушки, пикап, два трактора и еще кое-что по мелочи. Понятно, что семь миль по асфальту для него не задача. (Я плаваю в магазин в деревню Корбеничи по озеру на надувной польской байдарке «Рекин»: десять км.)

Устройство дома Блэков, собственно, такое, как и всех английских домов в провинции: на первом этаже столовая-гостиная, кухня; на втором спальня, у Блэков их две; ванная, совмещенная с кладовом (в моей деревне я хожу на вольную волюшку, никто меня не видит); эйркондишен... Только порядком поменьше, чем в городском (хотя бы в городке Доридже) доме, нет той чинности, стерильной чистоты. На кухне в доме фермера валяются резиновые сапоги, в том самом, что приносят наши мужики на своих резиновых сапогах из стайки, тем же и пахнет. Зато в доме фермера множество старинных фамильных предметов: часы с гириями, с кукушкой, утюг чугунный с полостью для углей, кофемолка (или, вернее, зернодро-

билка) с деревянной ручкой. В сенях задухатала курица, очевидно, снесла яйцо.

Когда мы покидали наш приют в долине между двумя грядами холмов — каменную избушку со стеклянной дверью и эйркондишеном, Джин сказала, что надо все привести в тот вид, какой был при нашем поселении. Раздумывали, как поступить с горячей золой, выгребенной мною из-под камина. Я предложил высыпать ее на грунт: зола суть удобрения, не повредит грунту. Но на это не пошли: такого до нас не было. Остудили золу (сама остыла): на дворе стужа, на вершинах холмов луг снег; высыпали холодную золу в мусорный бак.

Приводя избу в первоначальный вид, мы еще раз окинули взором великое множество предметов обихода, украшенных, всевозможных вещей и вещей, назначенных к одному — благо-расположению постояльцев. Сервизы столовые и чайные, с росписью в китайском духе, духовка для подогревания тарелок, электрические каминные в каждом углу, ковры, пледы...

Хозяин не посчитал нужным присутствовать при нашем убытии. На обратном пути мы заглянули к нему на ферму, но его не оказалось дома. С утра овцы нашего хозяина прешли большой отарой куда-то к своим баранам.

Ян запер дверь нашей избушки, ключ оставил в двери в том положении, как он был до нас. Так мы и уехали, вздыхая, стена от прихлынувших чувств: прелестное местечко! Пока! Вери найс плейс! Гуд бай!

Тут мне приходит на память одно сравнение из нашей российской жизни: приехал в мою деревню Нюрговичи, нашел в двери моей избы выломанный запор, в избе недосчитался предметов, хотя ничего не стоящих, но жизненно важных: пилы, удочки, швабры. О! Я так любил мою швабру, привез ее из Ленинграда, бывало, подметал в избе и радовался...

Моя деревня Нюрговичи тоже прелестное местечко, но, глядя на оставленный незапертым дом в Озерном крае, со множеством дорогих вещей, я думаю о нашем мужике, унесшем пилу, удочку и швабру из моей избы в Нюрговичах... И мне жалко до слез и его, и меня самого, и всех нас бедных, разучившихся жить по совести. Англичане живут лучше нас не потому, что вкушают вкусную пищу из китайских сервизов, а потому, что собственность для них свята, как природа, история, камни, доброе имя старой прекрасной Англии. Сколько мы их попрекали за это самое собственничество, сколько свое родимое попирали, взрывали, экспроприровали, перераспределяли, разворовывали. Вот, до швабры дошло... В каком месте совесть потеряли? Как ее найти, вернуть?

За одним из поворотов, за каменной оградой... Кстати, об оградах. Камни

сложены с превеликим тщанием, очевидно, их складывали в XVI веке и ранее и по сей день складывают; кладка нигде не порушена; в оградах, пересекающих дороги, толково навешены ворота с запорами, у каждых ворот свой особенный запор.

О каменных кладках мы тоже поговорили с Тэдди Блэком. Тэдди сказал, что камни складывали для того, чтобы... освободить пастбища от камней. Ну, конечно, не только для этого, но и для другого: мы видели овец, спасающихся от ветра под защитой каменной кладки; вместе с овцами у оград жались черные лохматые яки. В простом объяснении Тэдди Блэка: пастух собирает камни с пастбища, чтобы вольнее пастись было стаду — находится вполне реальное соответствие в тексте Библии: время собирать камни. Очищали пастбища, заодно обозначали границы выгонов, создавали зачатки от ветра — материальная нужда скотопасов обретала бытийный духовный смысл: время собирать камни.

Каменные стенки на холмах в Озерном крае настольно искусно выложены, исполнены заповедного смысла, что одухотворяют холмы и долины с прозеленью травы, ржавчиной жухлых папоротников, белыми снежниками, купами рыжих лиственниц, серыми валунами овец... Ограды на холмах Озерного края видишь не в их утилитарном назначении, а будто извечную оправу, что-то значащий орнамент; если взлететь высоко, как парят здешние коршуны, может быть, сверху откроются замысел кладок, целостность их рисунка. Знаки крестьянских трудов всегда исполнены высшего смысла, гармонии, будь то хлебная нива, стога, каменные изгороди на холмах...

В одном месте нашего путешествия-приключения (Джин сказала: «эдвенчур») на каменную ограду взлетел фазан, а за оградой мы увидели пасущуюся стаю фазанов... Как-то вечером в свет фар попали два кролика, ушастые, серые, пушистые. Ян притормозил, кролики скатились на травяную покатку, в долину...

Признаться, так не хотелось уезжать из избы в Озерном крае, со стеклянной дверью в Божий мир: больше в такой избе не живать. Когда я зажигал дрова и угли в камине, то думал, естественно, об огне. Горящий, дающий свет, тепло огонь в домашнем очаге обладает благодетельным даром умиротворения, умягчает душу. Не знаю, подсчитано ли в Англии число разводов в домах с камином и без, интересно бы узнать: уверен, что от горящего домашнего очага крайне редко уходят, хоть та половина супружеской пары, хоть другая. Не зря же англичане так держатся за камин: знают, что живой огонь не заменит ни синый язык газа, ни электрическая спираль; камин поддерживает необходи-

мый для семейного счастья градус тепла.

В русских крестьянских семьях, в нашем студеном климате, в избах с печью посередке как центром мироздания, разводов-разделов в помине не было. Муж и жена — одна сатана! Домашний очаг держал крепко и нынче держит. Не только у русских...

Когда я затопляю русскую печку в моей избе в деревне Нюрговичи, то отношусь к ней, главным образом, как к камину: смотрю на огонь. Огонь — существо дружеское: как ты к нему, так и он к тебе, и его нельзя обмануть; домашний очаг требует полной взаимности. Вот оно как, до чего можно додуматься, подерживая огонь в камине, в избе на берегу ручья в Озерном крае...

Однако вернемся к нашим фазанам. На обратной дороге в Доридж мы позавтракали в пригороде Ливерпуля Бэбингтоне у родной сестры Джин Мэри Грэгг, то есть в доме Грэггов, Дэвида и Мэри. Завтрак 'обыкновенный английский: яичница с беконом, до сухости прожаренным, круто посоленным; сладкие кукурузные хлопья с молоком, поридж (т.е. геркулес), сваренный на воде... Впрочем, едят что-нибудь одно: кто хлопья, кто поридж. К чаю, кофе со сливками, с молоком или так — поджаренные куски булki — тосты; масло, как правило, соленое; карамели, то есть джемы из разных фруктов; разрезанные грейпфруты в вазе, апельсины, бананы; в бокалах апельсиновый, ананасовый соки. Все это тебе непрестанно предлагается, тебя угощают. Чтобы отвалиться от стола, ты должен выбрать момент и сказать: «Ай эм файнд, тэнк'с». Я сыт, спасибо. Тебя еще попотчуют, тут надо проявить твердость, не просто сказать спасибо, а «спасибо, нет». Ежели тебя уговорили, то надо сказать: спасибо, да.

Да, и вот сидим в городке Бэбингтоне у Грэггов, вкушаем очень английский завтрак и видим в окно: по зеленой траве (в декабре) в садочке гуляет радужногрудый фазан. Никто не вскакивает из-за стола, не бежит за ружьем, не отрывается от своей прелестной чашки чая, от своей поджаренной булочки. Все смотрят на фазана, и у всех становится как будто радужно на душе.

У англичан это принято: облегчать друг другу душу. Мужья подают женам чашки, с чаем, карамели, пудинги. В гости ходят с цветами, с подарками, подливают в бокалы вина, провозглашают: «Чи-эрз!» — ваше здоровье! Не устают благодарить, извиняться, угощают шоколадом, сладкими бомбошками, виски, шерри, пивом...

Хелло, Джин! Хелло, Ян! Хелло, Мэри! Хелло, Дэвид! У себя в России мы вас вспоминаем добром. Икается ли вам в вашем Доридже, в вашем Бэбингтоне? Или англичане вообще не икают?

Давайте вернемся к нашим фазанам!

ХОТИТЕ ЗАРАБОТАТЬ ДЕНЬГИ И ПОМОЧЬ НАШЕМУ ЖУРНАЛУ?

Для этого нужно только заполнить бланк договора

ДОГОВОР

Редакция журнала «ВОКРУГ СВЕТА», именуемая в дальнейшем Редакция, в лице Полещука А.А., с одной стороны, и _____ именуемый(ая) в дальнейшем Агент, с другой стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. Агент осуществляет работу по поиску рекламодателей, желающих разместить свои рекламные объявления в журнале, или другой печатной продукции Редакции, проводит переговоры на основе имеющихся расценок и направляет или контролирует направление в адрес Редакции текста рекламы и других необходимых документов.

2. Редакция обязуется оплатить работу Агента в размере 30% от суммы, полученной за публикацию рекламы.

3. Оплата работы Агента производится не позднее одного месяца со дня поступления на счет Редакции денег за размещение рекламы.

Рекламный агент _____

Адрес _____

Ф.И.О. _____

Паспорт серия _____

номер _____

Когда и кем выдан _____

Главный редактор журнала
«Вокруг света» _____

А.ПОЛЕЩУК

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **70142**
Вокруг света (индекс издания)
(наименование издания) Количество комплектов _____

на 19 _____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда: _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому: _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

на газету журнал **70142**
Вокруг света (индекс издания)
(наименование издания)

Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. Количество комплектов _____
пере- _____ руб. _____ коп. тов: _____
адресовки

на 19 _____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда: _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому: _____
(фамилия, инициалы)

ЗОЛОТОЙ ЛЕВ СВОБОДЫ

С давних времен традиционной эмблемой Болгарии является лев, олицетворяющий мощь государства и отвагу ее жителей. Красный лев на золотом поле как символ Болгарии встречается еще в конце XII века на гербе сербского царя Стефана Немани (часть болгарских земель входила тогда в состав Сербского царства). На гербе одного из его преемников — Стефана Душана в середине XIV века лев стал золотым на красном поле. Официально же на гербе Болгарии, а точнее Тырновского царства (в 1363 году Болгария распалась на Тырновское и Видинское царства), лев появляется во время правления последнего перед турецким завоеванием царя Ивана Шишмана (1371 — 1393 гг.), который поместил его изображение на монетах вместо употреблявшегося до этого под влиянием Византии двуглавого орла. На щитах воинов этого царя изображались три красных льва на золотом поле.

Во времена турецкого ига — почти пять веков — лев был для болгарского народа символом борьбы за свободу. Эмблему золотого льва носили на шапках и изображали на знаменах повстанцы-гайдуки. Коронованный лев с мечом и крестом, попирающий символы турецких угнетателей — полумесяц со звездой и их знамена, в сопровождении патристического девиза «Свобода или смерть», изображался на печати созданного в 1862 году в Сербии Временного болгарского управления во главе с революционером Г.Раковским. Коронованный лев с этим же девизом был и на печати созданного в 1871 году Болгарского центрального революционного комитета. Корона в этих случаях служила символом стремления к достижению суверенитета страны. Естественно, что после освобождения Болгарии от турецкого господства коронованный лев — в 1879 году — стал главной эмблемой герба молодого государства.

Первоначально лев изображался под княжеской, а после провозглашения в 1908 году Болгарского царства — под царской короной, ставшей эмблемой монархической власти. В период монархии существовало множество вариантов герба. Малым (и наиболее распространенным) гербом служил золотой коронованный лев с зелеными когтями и языком на темно-красном щите, увенчанном короной. На среднем гербе этот щит поддерживали еще два льва на фигурной подставке, иногда державшие национальные флаги. На большом гербе все изображение помещалось на фоне мантии с короной. Гербовый щит иногда обрамлялся орденовыми лентами. На большом и среднем гербах был девиз — сначала «С нами бог», а затем — «Объединение дает силу».

Но и сами гербовые щиты, сохраняя в основе традиционного льва, бывали различными. Эта историческая национальная эмблема часто сочеталась с иноземными символами, так как на бол-

Правила подписания договора

Текст настоящего договора нужно вырезать из журнала и направить в редакцию журнала «ВОКРУГ СВЕТА» с пометкой на конверте «ДОГОВОР».

После регистрации, подписи главного редактора и заверения печатью журнала данный документ направляется рекламному агенту и удостоверяет его полномочия на ведение переговоров по вопросам размещения рекламы в журнале. Кроме этого, агент получает информацию о расценках на рекламу, условиях ее размещения в журнале и оплате своей работы.

Ограничений в тематике рекламы не устанавливается, но при ее подборе необходимо принимать во внимание, что значительная часть аудитории журнала — подростки.

Агенты, добившиеся наилучших результатов, награждаются ценными подарками, а также подпиской на журнал и библиотеку «Вокруг света».

**ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!**

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Геральдический альбом

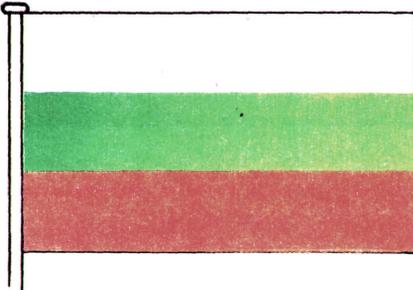
гарском престоле оказывались немцы — сначала Александр Баттенберг из Гессен-Дармштадта, а в 1887 — 1946 годах — представители династии Саксен-Кобург-Гота-Кохари. Поэтому в центре большого герба при князе Александре помещался династический гессенский щиток — синий с красно-белым львом. При нем же в большом гербе наряду с болгарским львом изображался восьмиконечный православный крест на зеленом поле, являвшийся одной из популярных повстанческих эмблем времен антитурецкой освободительной борьбы. При Кобургах же до 1918 года (то есть до ликвидации вследствие германской революции их «родового гнезда» — герцогства Саксен-Кобург-Гота) на груди болгарского льва, как правило, помещался династический саксонский щиток (черные и желтые полосы, пересеченные зеленой короной). Кроме того, в связи с территориальными спорами с соседними странами в некоторых вариантах болгарского большого герба конца XIX — начала XX века встречаются эмблемы исторических областей — Фракии (два красных столба на белом под двумя желтыми коронами на синем поле) и Фессалии (на красном поле две руки держат корону) как символы претензий на эти территории.

После революции 1944 года в качестве герба первое время использовался красный щит без короны с золотым коронованным львом. Провозглашение в 1946 году Болгарии народной республикой привело к коренному изменению герба в духе коммунистической эмблематики. Лев, освобожденный от короны, стал изображаться на круглом синем щите под красной звездой, в окружении венка из пшеничных колосьев, перевязанного лентой цветов национального флага. Ниже была красная лента с датой революции «9 сентября 1944». В 1948 году герб был дополнен шестерней, а в 1971 году на красной ленте стали помещаться не одна, а две даты: «681» и «1944». 681 год считается датой образования Болгарского государства, так как в этом году был подписан договор между византийским императором Константином VI и болгарским ханом Аспарухом о признании независимости Болгарии.

В 1991 году прежний герб был отменен, а в статье 164 новой Конституции записано, что государственным гербом Болгарии является золотой лев на темно-красном щите. Лев олицетворяет

Государственный флаг Народной Республики Болгарии 1971-1991 гг.

Государственный флаг Республики Болгарии с 1991 года.

славное историческое прошлое и национальные традиции болгарского народа, символизирует его силу, храбрость и героизм. Однако детали герба (наличие или отсутствие короны, форма щита и т.д.) до сих пор не определены, поэтому новый герб еще не утвержден.

Цвета болгарского флага также имеют глубокие исторические корни. Так, флаг существовавшего на территории Болгарии в 1363 — 1396 годах Видинского царства был красно-белым (белый крест на красном поле, окруженный белой каймой). Зелеными (реже красными) были знамена гайдуков — цвет обозначал укрывавшие их леса. Широко известны, например, зеленые повстанческие знамена XIX века с золотым львом, попирающим полумесяц, и девизом «Свобода или смерть». Первые трехцветные знамена, сочетавшие красно-белые исторические цвета с зеленым гайдуцким, относятся к 1861 — 1862 годам. Под таким знаменем из зеленой, белой и красной полос с львом на зеленом поле болгарские эмигранты во главе с Раковским создали в Сербии первую болгарскую легию, участвовавшую в боях против турок. Болгарские по-

встанцы 60 — 70-х годов носили и форму соответствующих цветов: белые шапки со львом на кокарде, зеленые брюки и красные мундиры.

Выбор этого сочетания цветов не случаен. Большой популярностью у болгар, как и у многих других славянских народов, пользовались в XIX веке так называемые панславянские цвета — белый, синий и красный, употреблявшиеся на флагах России и Сербии, которые были оплотом борьбы за освобождение Балканского полуострова от турецкого господства. После замены нехарактерного для Болгарии синего цвета на популярный зеленый — цвет свободы и надежды — и возникли национальные болгарские цвета.

Самое раннее из болгарских знамен с современным расположением цветов (на нем изображались еще лев и патриотический лозунг) было создано в 1877 году во время освободительного восстания болгарского народа, поддержанного Россией. Это так называемое Браилское знамя, созданное в румынском городе Браила болгарским патриотом С.Параскевовым и врученное командованию объединенных русско-болгарских войск, стало прообразом национального флага.

После освобождения Болгарии и провозглашения ее независимости в 1878 году ее государственным флагом стало бело-зелено-красное полотнище безо всяких изображений (в период 1948 — 1990 годов на белой полосе у древка помещался герб). Белый цвет флага символизирует стремление болгарского народа к миру, свободе, гуманизму и чистоте его идеалов. Зеленый цвет обозначает красоту, вечную молодость и плодородие болгарской земли, ее поля и леса, а также надежду на будущее, красный — многовековую борьбу за свободу и независимость, кровь, пролитую за их достижение, боевой дух, мужество и стойкость народа.

Этой публикацией мы заканчиваем рассказ о геральдике европейских государств. Читатель, видимо, заметил, что в эту серию не вошла Югославия и новые государства, возникшие на ее территории. Вызвано это тем, что символика этих стран еще окончательно не определилась. Мы обязательно вернемся к геральдике этих Балканских государств в последующих публикациях. Это же касается и новых стран, образовавшихся на территории бывшего СССР. В ближайших номерах мы начинаем рассказ о геральдике стран Азии.

Исторические гербы Болгарии см. на 4-й стр. обложки.

Николай ЛИСТОПАДОВ,
кандидат исторических наук

СОБСТВЕННЫЙ ГОРОД БУДДЫ

ПОД СЕНЬЮ ШВЕДАГОНА

Две с половиной тысячи лет назад два брата-купца Тапоуса и Балака, живущие в монском* королевстве Суваннабхуми — Золотой стране, отправились на паруснике в далекое путешествие. Путь их лежал в богатую Индию. Это была не первая поездка братьев через Андамское море и Бенгальский залив. Можно даже сказать, что подобное хождение за море представлялось им делом обычным. Однако именно этому путешествию суждено было стать историческим. По счастливому совпадению в это время в Индии принц Сиддхарта Гаутама познал истину, достиг просветления и стал Буддой — «Пробужденным». Тапоуса и Балака совершили паломничество к месту, где он обитал, послушали проповеди и приняли буддизм. Будда же подарил им восемь своих священных волос. Братья доставили эти реликвии домой и преподнесли их королю Уккалапе, который правил городом-государством Уккалапа. Монский король имел божественное происхождение, отец его был Тэдджамин, повелитель божеств-натов. Уккалапа решил поместить волосы Будды в реликвиарий с драгоценными камнями, а над ним возвести золотую ступу. Что и сделал. На самом высоком холме, называемом Тянготара, засверкала пагода, получившая имя Шведагона. «Шве» означает «золото», а Дагон — название местности. Так гласит легенда, которую мне рассказал попечитель пагоды У Хла Мьинт. Исторические же хроники подтверждают, что Уккалапа и Дагон были предшественниками Рангуна, сегодняшней столицы государства Мьянма, которое мы еще помним как Бирму.

Нынешним, третьим по счету именем — Рангун, бирманская столица обязана королю Алаунгпая. В 1755 году войска под его водительством одержали победу над господствовавшими в Нижней Бирме монахи и захватили небольшой городок Дагон. Король основал здесь крепость и дал ей название Рангун, вернее, Янгон — так это звучит по-бирмански. Перевести название можно двояко: «Конец врагам» или же «Конец вражды».

Большинство рангунцев предпочитает второе значение.

* Моны — народ, живший на территории современной Бирмы задолго до прихода туда бирманцев. Для монской цивилизации характерны были многочисленные городо-государства. — *Прим.ред.*

На этих фотографиях, любезно предоставленных нам известным итальянским путешественником Яценом Палневичем, Город Золотого Будды запечатлен в праздник Тхиндан. Бирманцы, обычно такие ненавязчивые и скромные, бурно веселятся и веселье свое выплескивают на любого встречного. Буквально «выплескивают», ибо облить с ног до головы незнакомца, нан, впрочем, и друзей, и близких, ведром подкрашенной воды в этот день считается хорошим тоном.

Даже если бы в Рангуне не было никаких других достопримечательностей, то и тогда этот город заслуживал бы того, чтобы его посетить. В бирманском фольклоре пагода Шведагон, вздымающаяся на стометровую высоту, получила название Золотой горы. Шведагон напоминает гигантский колокол, увенчанный зонтом — короной. Поверхность колокола обшита золотыми листами. Высокопробного золота тут несколько тонн. Шпиль пагоды усыпан множеством драгоценных камней: рубинами, сапфирами, алмазами, изумрудами. Исполненная ступа-колокол окружена 68 пагодами поменьше. Ансамбль гармонично дополняют многоярусные павильоны под тиковыми крышами с ажурной резьбой. Любая драгоценность подается в соответствующей оправе, которая позволяет ей засверкать всеми гранями. Величие Шведагона эффектно подчеркивает сам высокий холм, на котором стоит ступа. Во-первых, он очень зеленый, весь заросший пальмами, магнолиями и другими деревьями. Сочетание золотого и зеленого весьма удачно. Когда я смотрю на Шведагон, то всегда вспоминаю малахитовый зал Эрмитажа с его позолотой. В Бирме малахита нет, зато очень много нефрита — камня, играющего всеми оттенками зеленого. Сама природа создала для Шведагона роскошный нефритовый постамент. Вторых, холм как бы отстраняет буддистскую святыню от будничной суеты, которая там, внизу. Ничто не заслоняет Шведагон, не мешает его созерцанию — ступа возвышается особняком.

Поднимаясь по бесконечным ступеням к золотой ступе, попадаешь то в лавку-мастерскую резчика по дереву, то чеканщика по серебру, то золотых дел мастера, ювелира, обработчика слоновой кости или перламутра. Здесь же можно приобрести деревянные маски чудовища «билю», старинные монеты, другой антиквариат. У кого же нет приличных денег, может купить дешевые игрушки из бумаги и картона, прежде всего фигурки всех размеров, начиная чуть ли не с ноготок и кончая почти метровой высоты. Бирманцы верят, что сова приносит удачу, и совы из папье-маше красуются в каждом бирманском доме, подвешены в витринах магазинов и лавок, на автомобилях и автобусах. Можно даже подумать, что все рангунцы числят себя поклонниками популярной у нас игры «Что? Где? Когда?», символ которой — сова. И я решаю задать одному из бирманских знатоков каверзный вопрос: «Почему в Бирме, да и во многих других странах, так почитается сова? Почему ее наделяют таким качеством, как мудрость?» Мой собеседник стоял у лавки с маленьким сыном и приценивался к сове довольно внушительных размеров.

— Так это же просто! — ответил он. — Сова — ночная, таинственная птица. Она видит то, что недоступно

другим, знает тайны ночи, поэтому ее считают мудрой. Говорят, она приносит удачу.

По-моему, ответ исчерпывающий. Я покупаю сову и вручаю ее мальшшу. Хотя она и не из хрустала, как в передаче «Что? Где? Когда?», а из папье-маше, маленький рангунец и его отец остались довольны. Приятно встретить тут и родственника нашего ваньки-встанки — «питайндаун», что в буквальном переводе означает «сколько ни бросай, все равно принимает вертикальное положение», — игрушку, внутри которой находится противовес. Кому-то нехитрые поделки из папье-маше, наверное, могут показаться аляповатыми, но сделаны они от души, по-восточному красочно.

Перед попадающим в любой крупный город возникает проблема, как бы в нем не заблудиться. Для трехмиллионного Рангуна, несмотря на всю его хаотичность, такой проблемы, можно сказать, не существует. И прежде всего благодаря пагоде Шведагон, стоящей на высоком холме. Ее видно как на ладони, практически отовсюду в любое время суток. Ночью золотую ступу подсвечивают прожекторами. Так что Шведагон указывает правильный путь не только в переносном, но и в самом прямом смысле. Особенно хорошо заметен Шведагон поднимаящимся к городу по реке со стороны моря. Потому-то золотая ступа еще и маяк, посылающий свет мореплавателям. Первый ориентир, который замечают подлетающие к Рангуну на самолете, — тоже Шведагон. Вся жизнь в бирманской столице протекает под сенью буддийского святилища.

Будда — подлинный владелец бирманской столицы. Яркое, но не пестро раскрашенное изображение Великого Учителя с неизменной улыбкой на устах можно встретить повсюду. Религиозное рвение не знает границ. В павильонах, окружающих золотую ступу пагоды Шведагон, десятки, сотни мраморных изваяний Будды, заставую в одних и тех же позах. Такое обилие копий, как рассказывали мне служители пагоды, поразило даже Р.Никсона, тогда еще вице-президента США, посетившего Шведагон в 50-е годы. Он поинтересовался у сопровождающих, в чем тут дело. Те ответили:

— Каждый желающий может заказать статую и поместить ее здесь. Нельзя же человека лишать возможности сделать доброе дело.

Религиозное рвение не имеет пределов и в том, что касается размеров статуи Будды. Поблизости от здания парламента вас встречает огромный, в 20 метров, сидящий Будда в красивой тоге, а на холме, поросшем кокосовыми пальмами, под навесом почивает гигантский лежащий Будда с умиrotворенной улыбкой, достигший блаженства нирваны.

Где-то встретилось оригинальное сравнение: памятников Ленину поставлено больше, чем Будде. Это явное преувеличение. Будда все-таки на

первом месте. Мой рангунский приятель У Чжо Лвин объяснял мне:

— Мы почитаем не идолов, а память Великого Учителя, даровавшего людям свет истины. Ведь, помещая в рамку портреты родителей, вы делаете это из любви к ним, а не к клочку фотобумаги.

Излюбленный Будда в Мьянме — Будда, сидящий в позе «бхумиспарша»: «призывающий Землю в свидетели». Будда изображен в момент победы над злым демоном Марой. В знак этого правой рукой он касается земли, а левую держит ладонью к небу. По зову Будды возникает богиня Земли и, подтверждая великую победу Будды, выжимает из своих волос воду. Однажды я задумался, почему бирманцы отдают предпочтение именно этой позе Будды. Наверное, она в наибольшей степени отвечает мировосприятию бирманца — ясному и простому и в то же время пронизанному ожиданием чуда. Действительно, «бхумиспарша» все ставит на свои места: в этом мире есть земля и небо, добро и зло — и в этом пространстве живет человек. Добро побеждает зло, несмотря на все его кажущееся всемогущество.

«ЖИВЕШЬ САМ — ДАЙ ЖИТЬ ДРУГИМ»

Есть такая новая отрасль науки — имагология, изучающая то, как одни народы видят другие. Какими же видят бирманцев европейцы? Слава Будде, об этом написано немало, особенно англичанами. Это облегчает мою задачу: ведь о национальных особенностях, национальном характере писать трудно. Всегда есть опасность навлечь чье-либо неудовольствие, а то и вызвать обиду. Некоторые вообще считают, что никакого национального характера нет. В принципе, конечно, все люди одинаковы, независимо от национальной принадлежности: когда больно — плачут, а весело — смеются. А вот в деталях, в отдельных штрихах, иногда едва уловимых, различия. Но именно такие различия и составляют национальный колорит, своеобразие. Внимательно присматриваться к различиям — не досужее дело. Это полезно и помогает избежать досадных недоразумений.

Англичанин Филдинг, автор книги «Душа одного народа», полагал, что бирманца отличает отстраненность от внешних событий, углубленность в себя, полное невмешательство в чужую жизнь, граничащее с безразличием к окружающим. Он приводит пример. В некую деревню, где через речку был перекинут весьма ненадежный мост, прибыл путешественник. Когда он направился к мосту, то никто из местных жителей не предупредил его об опасности. Мост рухнул, и незадачливый гость упал в воду. Оказывается, как уверяет автор, жители деревни не предостерегли путника потому, что слишком уважали его право выбора. Сказать ему, что мост небезопасен, означало бы, по их мнению,

упрекнуть его в несообразительности, чуть ли не в глупости. Действительно, бирманцы очень деликатны и ненавязчивы. Но я по собственному опыту знаю, как они отзывчивы, всегда готовы прийти на помощь даже незнакомому человеку. Однажды, попав под тропический ливень, я брел по улицам бирманской столицы. Возле меня остановился мотоциклист и, видя мое бедственное положение, предложил подвезти. Совершенно бесплатно. Ему, оказывается, невыносимо было видеть мое жалкое положение.

Иностранцев всегда поражают спокойствие и невозмутимость бирманцев. Рангун — перенаселенный город, со всеми вытекающими из этого последствиями: сплошной людской поток, забытые машинами узкие улицы центра, донельзя переполненный транспорт. И тем не менее я ни разу не видел, чтобы кто-то кого-то толкнул, чтобы вспыхнула ссора. Даже легкие дорожные аварии, а они тут не редкость, ибо четкость в соблюдении правил дорожного движения — не главная добродетель рангунцев, никогда не сопровождаются выяснением отношений. Бирманцы склонны воспринимать их как неизбежное. Лишь пострадавший скажет: «Я ба дэ» или же «Кэйса ма ши ба бу». И все. Это самые распространенные выражения у рангунцев, и означают они примерно следующее: «Ничего, не беспокойтесь» и «Ладно, обойдется». Верно замечено, что язык — душа народа. Кстати, для бирманской письменности характерна округлость. Все элементы букв круглые. Смотреть на вывески лавок, чайных, на рекламу приятно. Ни в чем нет резкости, угловатости.

Но есть и свой взгляд народа на себя, обычно очень непохожий на взгляд со стороны. В разговоре с любым рангунцем услышишь, что бирманцы — простые, бесхитростные люди, умеющие довольствоваться тем, что имеют. Правда, У Мин Зо, мой преподаватель бирманского языка, сказав так, через некоторое время добавил:

— У нас есть пословица: «Бесхитростных людей можно встретить только на кладбище...»

Тут мне почему-то вспомнилась одна из рангунских встреч. Как-то в пагоде Меламу, на окраине города, разговорился я с послушником лет 12, симпатичным пареньком с открытым лицом. Звали его Маунг Мьинт Тан. На мой вопрос, давно ли он стал послушником, Маунг Мьинт Тан ответил:

— Я ношу оранжевую тогу только на каникулах. А как начнутся занятия, вернусь в школу.

Мальчик был толстоват, что в Бирме большая редкость. Я поинтересовался:

— Ты почему такой толстый?

Маунг Мьинт Тан простодушно сказал:

— Родители три месяца назад открыли харчевню, потому и пополнил.

Рангунцы хорошо приспособились к перенаселенности, освоили городское

пространство, выработали кодекс поведения, основа которого: «Живешь сам — дай жить другим». И, что важно, следуют этому кодексу в повседневной жизни. Харчевни и ресторанчики в Рангуне претендуют не только на часть тротуара, но и на проезжую часть. В центре города то тут, то там расставлены столики, всюду работают жаровни, приткнувшиеся у обочин. И никто их не только не опрокидывает, но даже и не задевает. Дешевую фаянсовую посуду торговец разложил не на прилавке, а прямо на тротуаре, по которому течет густая толпа. И что же? Никто на чашки и тарелки не наступает. Все цело.

Около дома, где я жил, под пальмовым навесом бойко работала чайная. Сперва меня очень удивляло, когда я наблюдал, как по утрам сюда тянулись обитатели окрестных домов с посудой и покупали чай со сгущенным молоком. Неужто так трудно самому приготовить чай? Я поделился своим недоумением с соседкой До Эй Чжи. Она ответила:

— Если каждый сам станет кипятить чай, то на что же станут жить владельцы чайной? У каждого — свое дело. Я, например, выращиваю кур, кто-то варит рис. Так и живем.

Во время муссона, когда каждый день льют дожди, трава в Рангуне растет не по дням, а по часам, какое там, по минутам. Все время приходится срубать ее ножом. Да, именно срубать и именно большим ножом. Сидит человек на корточках и резкими движениями срубает траву. Дело подвигается медленно, но зато верно. Нашим же специалистам, работавшим на одном из объектов, это показалось чересчур непроизводительным. Нашлась добрая душа, которая решила облагодетельствовать бирманцев и не поленилась заказать в Москве косы. Работали ими только один день, не обошлось у голоногих козцов и без порезов. А на следующее утро предстала такая картина: косили косой, но только отсоединив от нее ручку и обмотав конец тряпкой. Коса превратилась в привычный нож. Между прочим, это не единственный случай, когда приходилось убеждаться, как тяжело мы миримся с тем, что другие делают что-то, по нашему мнению, не так, как надо. Сразу появляется желание подправить, подсказать, наставить на путь истинный. Встает вопрос: а стоит ли бирманца учить косить косой? Другое дело — электрокосилка. Кстати, бирманцы быстро осваивают технику. На улицах Рангуна не редкость увидеть за рулем автомашины, а то и мотоцикла женщину.

Входя в буддийский храм, надо снимать не головной убор, а обувь. Из-за этого в прошлом возник даже так называемый «башмачный вопрос». Колонизаторы отказывались снимать обувь при входе в святилище, что, естественно, оскорбляло чувства верующих и вызывало бурный протест. Англичане вынуждены были уступить. Не заходят бирманцы в обуви и в жилища. Как возник такой обычай?

Все очень просто. В хижинах, в которых и сейчас обитает большая часть населения Бирмы, прежде всего деревенского, мебели практически нет. Вся жизнь протекает на полу, устланном циновками. На них и едят, и спят. Поэтому, входя в жилище, ты как бы сразу ступаешь на постель и на стол. Логично, что в этом случае обувь надо оставить за порогом.

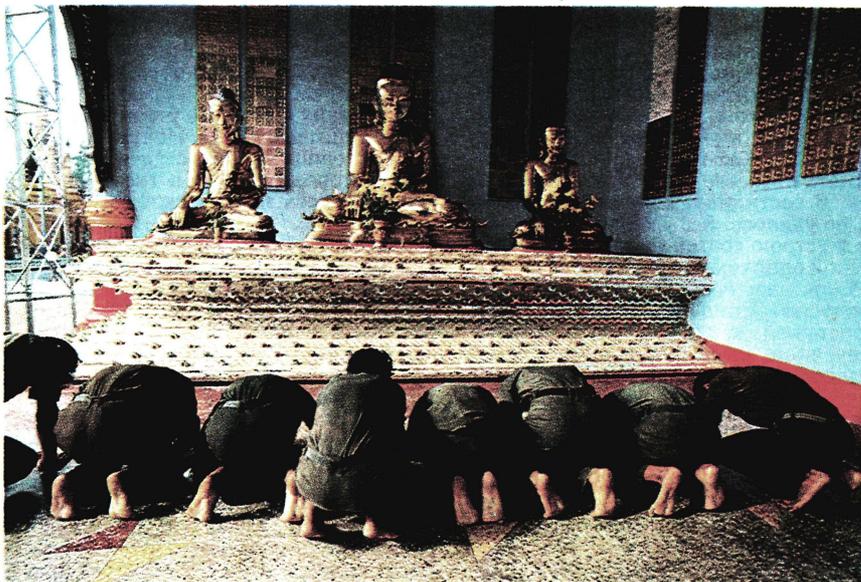
В Бирме не считается предосудительным показывать пальцем. На то он и указательный, вполне обоснованно говорят здесь. А вот указывать ногой на какой-либо предмет на земле нельзя. Бывают и недоразумения. Во время одного из выступлений иностранных бадминтонистов они, прося служителя протереть тот или иной участок площадки, показывали на это место ногой. Это было воспринято как пренебрежительное и высокомерное отношение к хозяевам. Разумеется, прямо об ошибке гостям никто ничего не сказал. Узнали о промашке случайно и позднее. Восток — дело тонкое!

Однажды турист-иностранец поинтересовался у меня, с чего это у некоторых буддийских монахов столь огромные животы? Вопрос меня очень удивил, если не сказать больше. Кому не известно, что буддийские монахи — худы. Бирманцы говорят: «Женщина должна быть замужней, собака — сытой, а монах — худым». В конце концов я сообразил, в чем дело: худые монахи прикрывают горшки для сбора подаяний складками тог, и тогда кажется, что они пузаты. Но тот же турист вполне мог, вернувшись домой, описать пузатость монахов и даже сопроводить для достоверности фотографиями.

Вот и верь после этого свидетельствам иностранцев!

ОДА ЮБКЕ

О том, что все бирманцы, как мужчины, так и женщины, ходят в юбках, писали уже не раз. И все-таки в рассказе о Рангуне опустить эту деталь никак нельзя. Бирманская столица, наверное, единственный восточный город, где все еще безраздельно господствует национальный костюм. Бангкокцы, куала-лumpurцы, не говоря уж о сингапурцах, в массе своей давным-давно перешли на европейскую одежду, по крайней мере, мужчины. Другое дело — Рангун. Каков же повседневный костюм рангунцев? На ногах — шлепанцы, которые у нас называют вьетнамками, в сухой сезон — кожаные, а в муссон — резиновые. Длинная, до щиколоток, юбка-лоунджи. Мужская отличается от женской и рисунком, и способом ношения. Мужчины предпочитают клетчатую юбку. Чем не шотландцы? Собственно говоря, лоунджи — это и не юбка в нашем понимании, а как бы широкий мешок без дна. Мужчины запахивают лоунджи впереди, а женщины на правом боку. Такой наряд идеально подходит для жарких влажных тропиков. Тем более что время от времени юбку

можно развязать и, придерживая ее, устроить вентиляцию. Шлепанцы и лоунджи во многом определяют темп городской жизни. В них быстро не побежишь. В том, что у лоунджи много назначений, я убедился на собственном опыте. Как-то мне пришлось принимать в Москве троих друзей-рангунцев. В гостиницу, конечно, поселить их не удалось. Я с ужасом думал, как же я устрою гостей на ночлег в своей тесной однокомнатной квартирке. Выручили... лоунджи, которые рангунцы предусмотрительно взяли в поездку. Простыней, как назло застрявших в прачечной, не потребовалось. Их заменили юбки. Они же послужили и одеялами. Встав утром и умывшись, гости обошлись и без полотенец — вытерлись краем лоунджи. При необходимости юбкой можно воспользоваться, простите, и как носовым платком. Пожалел я лишь о том, что лоунджи не может выполнять функций скатерти-самобранки.

Особых слов требует парадный бирманский костюм. Он включает ту же самую юбку, но не простую, а шелковую или атласную, очень дорогую и широкую. Завязать такую юбку, чтобы получился огромный узел, — целое искусство. Ее надевают по самым торжественным случаям. Например, в таких лоунджи бирманские послы вручают верительные грамоты. Бирманский МИД даже организует специальные курсы, на которых будущего посла и его свиту обучают правильному ношению парадного костюма. Как-то попалась на глаза любопытная фотография: бирманский посол, одетый в национальную одежду, в бархатных шлепанцах на босу ногу, взбирается в средневековый экипаж, чтобы отправиться в Букингемский дворец вручать верительные грамоты английской королеве. Клянусь, его костюм и британский экипаж стоили друг друга!

Кажется, я заикнулся на юбке, и у читателя может сложиться впечатление, что рангунцы обходятся только ими, никак не прикрывая верхнюю часть тела. Это, конечно, не так. Представительницы прекрасного пола носят кофточки, обычно в цвет с лоунджи. Бирманские же джентльмены предпочитают белые сорочки без воротничка. Чиновника отличишь по плотняной куртке.

Рангунская толпа — пестрая, веселая. Здесь не встретишь мрачных, серых красок, однообразия. Вид ее не утомляет глаз. Интересная особенность Рангуна — уличные купальни. Вода подается в выложенные из кирпича и зацементированные емкости, установленные прямо на обочине дорог. И прожиающие близости моются и стираются у всех на виду. И опять вручают лоунджи. Принимают ванну прямо в ней, при этом женщины крепят юбку под мышками. Вымылся — и быстро сменил мокрую лоунджи на сухую. Очень удобно.

БОЛЬШАЯ ДЕРЕВНЯ

Когда про какой-либо город говорят: большая деревня, то его жители почитают себя обиженными. А по моему, большая деревня — это просто

здорово. Если, конечно, под этим иметь в виду близость к природе, к животным, естественный образ жизни. В таком случае Рангун — самая настоящая деревня и есть. По утрам тебя будят петушиные крики. Почти в самом центре города можно встретить и свиней, и коров, и уток, и гусей. А уж сколько здесь зелени, садов и огородов...

Взять хотя бы небольшой садик перед моим домом. Очень рангунский. Во-первых, в нем, конечно, растут бананы. Плоды у них не обычные, а ромбовидной формы. Европейцы такие бананы называют кормовыми. Ну, и не правы. Вкус у них действительно грубоват. Зато эти плоды богаты витаминами. Прямо под моим окном шелестит хлебное дерево с огромными плодами — «булками», созревающими в дождливый сезон. Если мякоть хлебного плода положить в холодильник, то по вкусу она будет напоминать мороженое. Как только плоды созревают, хозяйка дома До Тин Мья приглашает сборщиков плодов. Они ловко взбираются на дерево и срывают «булки». Расплачиваются со сборщиками натурой. Верхотлазы уходят домой довольные, держа в руках по два больших хлеба. А вот ананасами с нашего огорода полакомиться мне почти никогда не удавалось. Соседские мальчишки совершали регулярные набеги в сад. Зато манго всем хватало: хотя манговое дерево и невелико, сочных желтых плодов на нем не меньше, чем листьев. И, конечно, какой же бирманский сад-огород без кабачков? Их плети вьются по специальным жердочкам, а продолговатые плоды висят как гирлянды.

Кстати, вот еще одно расхожее утверждение: в тропиках царит вечное лето и нет смены времен года. Это не так. И Рангун летний заметно отличается от Рангуна зимнего, а тот, в свою очередь, от города в сезон муссона. И каждый по-своему интересен.

На мой взгляд, самое красивое время года — лето, пик которого приходится на апрель — май. Жара в Рангуне стоит невыносимая. Флаг, развевающийся над массивным зданием мэрии, стал белым, хотя по всем правилам должен быть красным. Рангун сдается на милость палашаго солнца. Многие деревья сбросили листву, но зато покрылись яркими цветами, как, к примеру, «пламя джунглей», или цезальпиния, вся усыянная красными лепестками. Это дерево напоминает гигантский пурпурный зонт. Желтыми гроздьями цветет кассия. В белом цвету магнолии. Цветы деревьев в Сквере независимости напоминают сирень. Буйным своим цветением деревья как бы приветствуют приход спасительного муссона. Начинают лить дожди, и жара спадает. Зато влажность повышается почти до стопроцентной. Зеленой пленкой покрываются стены домов, заборы, тротуары. Но и к этому можно привыкнуть. И даже полюбить.

И еще одна примета Рангуна: его неповторимый запах. Стоит только спуститься по трапу самолета на землю в аэропорту Мингаладон, и ты сразу же ощущаешь пряный аромат, настоян-

ный на запахах жасмина, магнолий, сандалового дерева и тропической сырости. Кажется, сведи меня с самолета с завязанными глазами, и я по одному запаху пойму, что это именно Рангун. В других крупных городах природные запахи забивают бензиновая гарь, промышленные думы. В Рангуне же сохраняется аромат земли.

На вкус и на цвет, как известно, приятелей нет. На запахах тоже. В рангунские ароматы вплетается довольно ошутимая струя «нгапи» — незаменимой бирманской приправы. Ее готовят из рыбы, хорошо выдержанной под гнетом, а точнее, перепревшей. «Что это за нгапи, если в ней нет червяков», — говорят бирманцы. В центральных кварталах столицы этот продукт производить запрещено. Прочитал я как-то в местной газете о курьезном случае, который произошел с бирманской семьей, жившей в одном из европейских городов. Однажды к ним в дом нагрянула полиция: поступили настоящие жалобы от соседей из близлежащих домов. Азиаты, писали они, нарушают элементарные нормы санитарии и гигиены. А все-то дело было в том, что бирманцам захотелось полакомиться нгапи. Больно уж пресна для них европейская пища.

Рангун — это еще и город рек и озер. Свои мутные, илестые воды катят в Андаманское море и Рангун-река, и Пегу-река, и Пэзундаун-река, и несколько речек поменьше. Недаром считают, что одно из древних монашеских названий Рангуна — Дагон означает «Местность у слияния трех рек». Рангун — морской порт, хотя до моря несколько десятков миль.

Воды вокруг хоть зайдись, а вот искупаться, увы, негде. Уж слишком много ила в реках. Куда интереснее рангунские озера. Поросшие по берегам эlegantными пальмами, отражающие шпили пагод, озера придают бирманской столице романтический облик. В бирманском языке есть даже поэтический образ «мякантан», что можно перевести как «изумрудное озеро, дарящее отдохновение». Самых известных озер — два: Инья и Кандоджи. Инья означает «Длинное, долгое озеро». И действительно, оно очень разветвленное, усыянное небольшими и очень живописными островками. По берегам Инья — многочисленные чайные, кафе, ресторанички. Тут же и гостиница «Инья-лейк», построенная в самом начале 60-х годов при содействии СССР. Она и сейчас считается лучшей в Рангуне. Скорее всего потому, что других больших гостиниц с тех пор не строилось. Если Инья — самое длинное озеро, то Кандоджи — самое красивое, да и имя у него звучное — «Большое королевское». О королевских временах напоминает ладья-ресторан «Каравейк», пришвартованная у берега озера. Каравейк — легендарная птица, гималайская кукушка, на которой, по преданию, летал бог Вишну. В старой Бирме королевские ладьи-баржи строили в форме этой птицы.

Вода в озерах почище, чем в реках. Впрочем, освежиться в зеленоватой озерной воде решаются только рангунские мальчишки.купаются они в

ловко подвернутых юбочках, а то и вовсе голышом, отбросив не только лончжи, но и стыдливость. Буддисты вообще относятся к любой одежде и ее отсутствию терпимо.

Почти при каждой пагоде есть «лэй-кан» — «черепашее озеро». В этих озерах обитают огромные черепахи и множество мелкой рыбешки. Кормят их богомольцы, совершая тем самым доброе дело. Торговцы рыбьим и черепашиным кормом — травой, воздушным рисом, кукурузой — бойко предлагают свой товар. Купил пакетик риса, бросил в воду — и она сразу закишела мальками — целый живой клубок. Черепахи подплывают не спеша, с достоинством. У озера стоят клетки с воробьями, еще какими-то пичужками. За умеренную плату пташек можно выпустить на волю. Так и делаю. Несколько воробьев взлетают с моих ладоней и скрываются в густой кроне деревьев. Когда я поинтересовался у знакомых, зачем же сажать птиц в клетки, а затем выпускать, те сказали: «Пусть каждый отвечает за свои поступки. Торговцы воробьями делают недоброе, лишая пернатых свободы, а вы — благое, даря им волю». Потом я выяснил, что плутоватые владельцы клеток неплохо наладили свой небольшой бизнес. Оказываются, выпущенные воробьи выдрессированы и сами возвращаются в клетки. Голь на выдумки хитра везде.

ЭСТОНСКИЙ РАНГУНЕЦ И ДРУГИЕ

Как и любой крупный город, а тем более восточный, Рангун — это смешение рас, языков. На улицах мелькает то тюрбан сикха, то белая шапочка муллы. Вот гордо прошествовала молодая индианка в сари, а за ней семенил старушка китайка в широких черных брюках. Приходилось мне беседовать здесь с армянами и евреями. С Григорием Мартиросяном я познакомился в старинной армянской церкви, расположенной в самом центре города. Мартиросян — старец лет 70, но еще крепкий. Приезжал он на воскресное богослужение на джипе. Правда, вел службу индеец-баптист — последний армянский священник умер год назад. Да и прихожан почти не осталось. Когда я спросил господина Мартиросяна, сколько же армян сейчас проживает в Рангуне, он ответил лаконично: «Единицы». Потом добавил: «Если, конечно, не считать тех, что покоятся на древнем армянском кладбище...» Когда-то армянская колония в Бирме была многочисленной. Купцы-армяне поселились тут еще в XVIII веке. Многие из них пошли на государственную службу, где достигли степеней известных. Некоторые даже дослужились до министров и генералов. В хрониках сохранилось, например, имя тезки моего знакомого — Григория, заводившего в 80-е годы позапрошлого века рангунской таможней. Позднее, в силу разных причин, армяне разъезжались кто в Индию, кто в Австралию, оставшиеся же почти ассимилировались. Тем не менее молитвы Богу в армянской церкви возносятся по-прежнему.

Не все ли равно, звучат они из уст армянина или индийца...

...Бродя по городу, я как-то натолкнулся на чайную с загадочным названием «У еврея Питера». Решил зайти. Увы, мацы, фаршированной рыбы здесь не подавали. Зато состоялся занятный разговор с самим Питером, хозяином заведения, человеком лет сорока, с почти европейскими чертами лица и кучерявой шевелюрой. Его отец попал в Бирму из Англии в годы мировой войны, осел тут, женился на каренке — женщине из крупной народности Бирмы. Так что национальность Питера можно определить как англо-карено-еврей. Мой вопрос о вероисповедании озадачил хозяина чайной.

— Нет. Я не иудей. По воскресеньям хожу в англиканскую церковь. Но, наверное, скоро стану буддистом. Жена бирманка настаивает.

— А почему вы дали чайной такое название? — спросил я.

— Для экзотики, — отвечал Питер. — Сразу выделяется среди обычных бирманских, китайских, индийских заведений.

Экзотичной была и склонность хозяина к искусству. Питер продемонстрировал мне очень неплохие картины, созданные им из рисовой соломки, а одну, небольшую, где на черном бархате золотистыми соломинками была изображена пагода, подарил на память. И денег не взял. Такие знакомства в Рангуне, как с Григорием Мартиросяном и Питером, к числуординарных не отнесешь.

Но бываю совсем уже невероятные, просто неправдоподобные встречи. Ну разве мог я предположить, что встречу в Рангуне буддийского монаха-эстонца, который живет тут с 1949 года? Да к тому же боготворящего Пушкина, прекрасно говорящего по-русски и, кроме того, пишущего и издающего стихи на английском. История того, как Фридрих Лустиг, известный под монашеским именем Ашин Ананда, а также его учитель Карл Теннисон, умерший в возрасте почти 90 лет в 1962 году, попали в Бирму и поселились в окрестностях священной пагоды Шведдагона, — тема отдельного повествования. Скажу лишь, что Прибалтику они покинули давно — в 1930-м. Затем странствовали по Европе и Азии, жили в Таиланде и Китае, посетили Непал и Индию. Оба владели дюжиной языков, начиная с эстонского и русского и кончая тайским и бирманским.

— Я полубил бирманцев за их дружелюбие и гостеприимство. За то, что этот народ искренне предан буддийской вере, которой пронизано все его бытие. Потом, не забываю, наш монастырь находится под сенью Шведдагона, мерцающего чуда, по словам Киплинга. Любой буддист может только мечтать об этом. — Лустиг подошел к книжному шкафу, достал ветхую тетрадь. — Это мой дневник. В него я, помнится, записал первое впечатление от Рангуна. Мы с учителем пошли сюда в самом конце 1949 года.

Старый монах полистал пожелтевшие страницы и нашел нужное место: «Рангун необычайно красивый город. Движение на улицах

очень оживленное, как в Париже».

Он засмеялся:

— Оказывается, Рангун напомнил мне Париж! Не забывайте, что этот город был главным британским центром в Юго-Восточной Азии. Заметили, сколько здесь прекрасных викторианских зданий? А какие соборы, католические и англиканские! Почти готика. А в Бангкоке, где мы прожили почти 18 лет, ничего подобного не было и в помине. Это сейчас он бурно развивается, говорят, там и небоскребы есть. До войны же Бангкок был не более чем провинциальное захолустье. С точки зрения европейца, конечно. Разве сравнишь его с Рангунуном? Рангун тем и интересен, что тут сплав восточной и западной архитектуры: золотые пагоды удачно гармонируют со шпилями христианских церквей, монументальные колониальные строения создают, можно сказать, единый ансамбль с многоярусными крышами буддийских монастырей.

Мне и самому доводилось читать и слышать, что до второй мировой войны Рангун считался самым красивым и чистым городом Юго-Восточной Азии. По его улицам ходил даже редкий в Азии по тем временам трамвай. Англичане превратили Нижнюю Бирму в рисовую житницу. В 30-е годы Бирма занимала четвертое по производству и первое место в мире по экспорту риса, львиная доля которого шла через рангунский порт. Тогда слова «Бирма — Рангун — рис» были, можно сказать, синонимами, а бирманский рис значил то же самое, что индийский чай или бразильский кофе. Бирманский рис не стал хуже и сейчас, немало его по-прежнему вывозится через рангунский порт.

Пока мы беседовали с Ашином Анандой, в келью вошел другой монах, живущий по соседству.

— Это китаец У Гун Ананда, — представил его Лустиг. — Он бежал от коммунистов в Бирму.

Монахи заговорили по-китайски.

— У Гун Ананда хочет вас угостить настоящим зеленым китайским чаем, — пояснил Ашин Ананда.

Келья китайца поражала чистотой и порядком. Всюду стояли цветы в красивых вазах. Прежде чем заварить чай, хозяин хорошо прогрел крупные чайные листья над огнем. Напиток получился терпким и ароматным. Да и пили мы его из красивых фарфоровых пиал — у китайцев каждая деталь имеет значение, особенно в чаепитии. Дело было в феврале — накануне китайского Нового года. У Гун Ананда подарил мне по этому случаю пакетик чая. Я протянул руку, чтобы взять подарок, но монах остановил меня:

— Подождите, его еще надо упаковать как положено. — Он достал красную бумагу и завернул в нее чай. — Вот теперь это настоящий новогодний подарок.

Фридрих Лустиг умер вскоре после нашей встречи в возрасте 77 лет. Прах его нашел упокоение неподалеку от Шведдагона, в храме китайской буддийской богини Гуаньинь Сан, рядом с последним пристанищем любимого учителя Теннисона. На мраморных досках — надписи на трех языках:

английском, бирманском и китайском.

Однажды я пришел в храм поклониться его праху и застал похоронную церемонию. Во дворе храма возвышался пестрый дворец из папье-маше. Около него расположились родственники покойного в черных одеяниях и монахи в желтых тогах. Вскоре ритуал закончился. Сверкнул огонек — и пламя обьяло сказочный дворец. Через несколько секунд на земле осталась только горстка пепла. Настоятель монастыря объяснил мне, что терем вознесся на небо и, возможно, душа умершего будет обитать в нем — там, где нет ни страданий, ни горестей...

Рангунская земля навечно объединила очень разных людей, которым при жизни встретиться никогда бы не довелось. В одной из мечетей похоронен последний из Великих Моголов — Зафар-шах, владыка Делийского султаната. Англичане вывезли его из покоренной Индии в Бирму, где он и окончил свои дни в конце прошлого века. А на английском военном кладбище покоится прах сына бывшего премьер-министра Великобритании А.Идена. Он погиб в годы второй мировой войны в боях с японцами.

Бирманцы говорят: самый бирманский город — это Мандалай, бывшая королевская столица, а Рангун — город-космополит. Такое, впрочем, услышишь чуть ли не о любой столице. Так вот: мне кажется, что именно в Рангуне чисто бирманские черты на фоне других влияний, по контрасту проступают особенно явно. Бирманцы всегда сравнивают себя с индийцами и китайцами, во множестве живущими в Рангуне. Результаты этого сравнения отличались в самокритичную поговорку: «Работай и торгуй, как китаец, копи, как индеец, не трать, как бирманец, — и ты станешь богачом». В атмосферу Рангуна органично вплетаются простота и беззаботный нрав бирманцев, основательность и солидность китайцев и коммерческая оживленность индийцев. Пагода не мешает тут христианскому собору, а мечеть не выглядит неуместной рядом с китайским или индуистским храмом. В конце концов бирманский дух побеждает, но делает это он исподволь, незаметно, не кичась своей победой.

Иногда тут встречаешь фигуры совсем странные, просто из других эпох. Поднимающиеся по ступеням пагоды Шведского человека не могут не заметить странного человека в коричневых одеяниях с четками в руке. На голове у него головной убор из черного колена, по-

хожий одновременно и на длинный цилиндр, и на шутовской колпак. Человек стоит не шелохнувшись, с отрешенным видом. «Есы, есы», — шепчут рядом торговки цветами. Да, это есы — монах не монах, а скорее всего, если подобрать русское слово, блаженный, божий человек. Проходящие бросают в миску, стоящую перед есы, мелкие монетки. Когда часа через два я возвращался из пагоды, есы стоял на том же самом месте в той же самой позе. Я попытался представить, в каком же жилище обитает этот человек, и не смог.

Не менее колоритны и торговцы снадобьями. По старой бирманской традиции эскулапы волосы не стригут, а собирают в пучок. Вокруг торговца лекарствами всегда большая толпа. Вот и сейчас такая толпа теснится прямо у стен исторического музея. Тут намного интереснее, чем у пыльных экспонатов. Чтобы привлечь покупателя, лекари одновременно и уличные артисты, и фокусники. Один из них, рекламируя пузырьки с лекарством, рассказывает всякие байки; другой рассказывает с облезлым питоном и демонстрирует маленькие коготки на его брюхе, показывая, откуда у питона растут ноги; третий выбрасывает из мешка кобру, и та сразу же становится в стойку, надувая капюшон. Будто замороженные магическим взглядом кобры, покупатель послушно достают из карманов деньги-кляты. Я и не заметил, как у меня в руках оказался пузырек с белой мазью, инструкция к которой гласила, что мазь помогает от всех болезней сразу, начиная от насморка и кончая импотенцией. Потом бродячий аптекарь стал показывать фокусы. Он наполнял чашку лапшой-кхаусе, проделывал всякие манипуляции и вытряхивал из посуды сухие листья. Я уллучил минутку и шепнул фокуснику, а нельзя ли наоборот — превратить листья в лапшу. В ответ тот только ухмыльнулся, обнажив красные от жевания бетеля зубы.

А теперь позвольте вам представить У Оун Чжо. Он — алхимик. Самый настоящий. Во дворе его дома установлен допотопный горн, вокруг которого он колдует, пытаясь получить философский камень. У Оун Чжо показывает мне кругляшки из блестящего металла и поясняет, что в их состав входят осколки от метеоритов. Эти шарики приносят удачу. У алхимика их всего несколько штук. Стоят они очень дорого. Поэтому я покупаю талисман попроще: маленькую метал-

лическую трубочку, выплавленную в горне алхимика. Жена алхимика ворчит:

— Целыми днями возится у своего горна, а все хозяйство на мне.

БЛАГОВОННЫЙ АРХАТ

На холме виднеется золотой шпиль пагоды. Нагалайngu — Храм Змея-нага, защитника Будды. Когда Будда страдал от непогоды во время странствий по Индии, Нага бережно обвивал его и прикрывал своим телом от дождя или палящих лучей. В глубине храмового комплекса в небольшом водоеме — изваяние Будды, прикрытого огромным змеем. К водоему надо идти по длинным крытым лабиринтам-галереям. Вокруг сумрачно, тихо. Раздается только завораживающее бормотание колелопреклоненного монаха и старика мирянина с четками в руках. Говорят, что иногда Нага выныривает из зеленоватой глубины озера. Я вспомнил об этих рассказах, когда в воздухе разлился запах сандала: Нага ведь доброе чудовище. Еще миг — и я, наверное, увидел бы спину змея. В этот момент сзади послышались шаги, и кто-то тронул меня за плечо. Я быстро обернулся. Это был пагодный прислужник. В руках он держал благовонную свечу. Я взял ее и поставил перед изображением Будды и Нага. Прислужника, человека лет 65, звали У Аун Чжо. Он пригласил меня в свою келью и предложил зеленого чаю. Потом достал из сумки большую темную стеклянную бутылку. Перевернул ее и постучал по донышку. На ладонь упал маленький деревянный человечек. Фигурка благоухала.

— Это изображение архата-святого Шин Тэвали, одного из самых любимых учеников Будды, — пояснил У Аун Чжо. — Шин Тэвали владел способностью располагать к себе любого человека. У него не было ни одного врага или завистника. Разве это не удивительно? Даже Будде завидовали.

Оказалось, что У Аун Чжо вырезает эти фигурки и опускает их в бутылку с благовониями. А затем раздаст всем приходящим в пагоду. Изображения Шин Тэвали можно носить как талисман, и тогда все люди будут добры к тебе.

Когда я общаюсь с рангунцами, иногда мне кажется, что старик У Аун Чжо одарил фигурками архата всех рангунцев без исключения...

Рангун

«Кают-компания «Вокруг света»

Так называется радиопередача, которую наш журнал проводит совместно с независимой радиокомпанией «Возрождение».

Слушайте нас по субботам (9.15 — после выпуска новостей) и по воскресеньям (20.15 — также после выпуска новостей) на волне радио «Возрождение» (СВ 230 м или 1305 кГц).

В передачах «Кают-компании» вы встретитесь с героями и авторами наиболее интересных публикаций журнала — путешественниками, писателями, журналистами.

МОЙ БАНАН – ТВОЙ БАНАН

Богатство и власть – это, как известно, опорные столбы человеческого общества. В природе же основным законом до сих пор считалось «право сильного». Однако исследования Ганса Куммера и его коллеги Марины Кордс из института зоологии Цюрихского университета (Швейцария) показали, что и среди обезьян немалую роль играет частная собственность.

Понятие «мое – твое», видимо, постепенно развивалось в процессе эволюции животного мира. На нижних ступенях развития организмы силой захватывают все необходимое им для жизни. Так, раки-отшельники отнимают друг у друга раковины улиток, с помощью которых они защищают поврежденные участки тела. У более развитых позвоночных животных, живущих в группах, уже существует достаточно стабильная иерархия. Индивидууму, который однажды проявил себя как более сильный, на долгое время обеспечивается привилегированное место у кормушки. На следующей ступени развития этот принцип «доминантности» заменяется принципом «собственности». «Тот, кто успел первым схватить добычу, оставляет ее себе, а запоздавший уважает право собственника», – объясняет Куммер. Обезьяны не покушаются на чужую собствен-

ность, даже если они физически сильнее ее законного владельца. Правда, как обнаружили исследователи в ходе наблюдений за длиннохвостыми макаками, понятие собственности у этих животных весьма существенно отличается от человеческого. Так, например, никто не посягнет на «деликатес», который тащит в своих лапах один из представителей этого вида обезьян. Однако бдительные товарищи по стае следят за своим соперником, и если хозяину вдруг вздумается отлучиться, он немедленно окажется обворованным. Таким образом, «закон о собственности» действует только до тех пор, пока владелец не потеряет контроль над своим сокровищем.

У павианов существует еще одна «поправка к закону о собственности»: сильные павианы-самцы уважают имущество только своих това-

рищей по полу. Самки, которые не имеют таких острых сильных зубов, как самцы, в большинстве случаев вынуждены мириться с разбоем. «И вообще, – заявляет Куммер, – все это их уважение собственности – чистый оппортунизм».

Добровольное соглашение о праве на собственность исследователи наблюдают только у шимпанзе. Более слабые представители этих человекообразных обезьян постоянно кланчат у своих покровителей пищу, и зачастую – весьма успешно. Особенно часто «зажиточные» шимпанзе сжуют своих подопечных парой кусков мяса на обед. Это считается уже высшей ступенью развития.

Собственность существует у животных только до тех пор, пока она способствовала достижению какой-то определенной цели. Так, в Африке шимпанзе проходят сотни метров в поисках гранитных камней, которые они используют для раскалывания орехов. Когда же они насыщаются, то просто бросают свои «молоты», и этим они, как и все другие звери, отличаются от людей. Ибо собственности в нашем понимании, которое охватывает и случаи, когда хозяин не использует в данный момент или не имеет при себе какого-либо предмета, у животных, конечно, не существует, пишет журнал «Гео».

ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАИН И ЗАГАДОК ЗЕМЛИ СОВМЕСТНО С КОММЕРЧЕСКОЙ ФИРМОЙ «МИСТЕРИЯ»

в 1991 – 1992 годах издали уже 14 книг о неведомом. В конце 1992 года – в 1993 году выйдут следующие книги:

- 1) **А.Прийма.** Вести с того света. 240 с., с илл.
- 2) **А.Кузовкин, Н.Непомнящий.** Антология неведомого в 2-х книгах, по 256 с., с илл.
- 3) **И.Винокуров.** Ужас. Иллюстрированное повествование о нечистой силе. 432 с., с илл.
- 4) «Тени старинных замков». Сб. о призраках и привидениях. 400 с., с илл.
- 5) **В.Петров.** Колдовство. 208 с., с илл.
- 6) **Ч.Хэпгуд.** Карты морских царей. 128 с., с илл.
- 7) **Б.Борге.** Мертвецы сходят на берег. Норвежский мистический детектив. 304 с.
- 8) «Книга тайн-2» и «Книга тайн-3», сб., по 304 с.
- 9) **Л.Грин.** Тайны Берега Скелетов (о тайнах Южной Африки). 208 с.
- 10) «Человек проходит сквозь стену». Сб. о знаменитом иллюзионисте Гарри Гудини. 208 с., с илл.
- 11) **Э.Томас.** Шамбала – оазис света. 144 с.
- 12) **И.Винокуров, Г.Гуртовой.** Психотронная война. 304 с.
- 13) **В.Юрьев.** Вселенная экстрасенсов. Практическое пособие по экстрасенсорике. 144 с., с илл.
- 14) «Магия алхимии». Сб., 304 с., с илл.

Данная серия выпускается под конкретные заявки читателей и в свободную продажу поступать практически не будет. Ориентировочная стоимость книг без учета пересылки 20-25 рублей. Заявку на книги просьба выслать по адресу: 123317, Москва, а/я 4, «Тайна». Книги будут высланы вам наложенным платежом по мере выхода. При составлении заявки просьба указывать книги в том порядке, как они указаны в рекламе, – это намного ускоряет обработку ваших заявок.

Контактные телефоны для оптовых покупателей: (095) 335-53-97, 335-59-03.

В ПОИСКАХ ПРОПАВШЕГО ОКЕАНА

Ученые из восьми стран отправились в экспедицию в Гималаи, чтобы собрать доказательства существования океана, который — по их предположениям — какие-то 50 миллионов лет назад покрывал высочайшие на свете горы. Экспедиция называется «Лост Оуши Экспедишн II» — «Потерянный океан II», ибо одна попытка была уже сделана в пятидесятые годы. Ученые намерены собрать 500 килограммов минералов. Работать геологи будут на высотах от 3000 до 5000 метров поблизости от тибетской границы.

Согласно теории геологической эволюции Земли этот праокеан, названный Тетис в честь жены Океантея, древнегреческого бога вод, разделял два суперконтинента: Лавразию и Гондвану.

Впрочем, ученые допускают, что и то, и другое, и третье могут оказаться мифом.

ЧТО ТАКОЕ КИВИ?

Сейчас на этот вопрос девять человек из десяти ответят: такой фрукт, из которого делают напиток зеленого цвета. Трое из них вспомнят, как выглядит сам плод. И лишь один знает, что киви прежде всего — ночная птица, не умеющая летать и воляющаяся только в Новой Зеландии, даже некоторым образом символ этой страны. Наконец, киви и самоназвание новозеландцев. Это небольшое исследование сделала «Ассоциация производителей киви» (имеется в виду, естественно, плод).

Остается добавить, что киви-плод появился относительно недавно в результате селекции и скрещивания, но столь стремительно завоевал популярность во всем мире, что затмил и скромную птичку, и выведших его людей, которые дали ему свое имя.

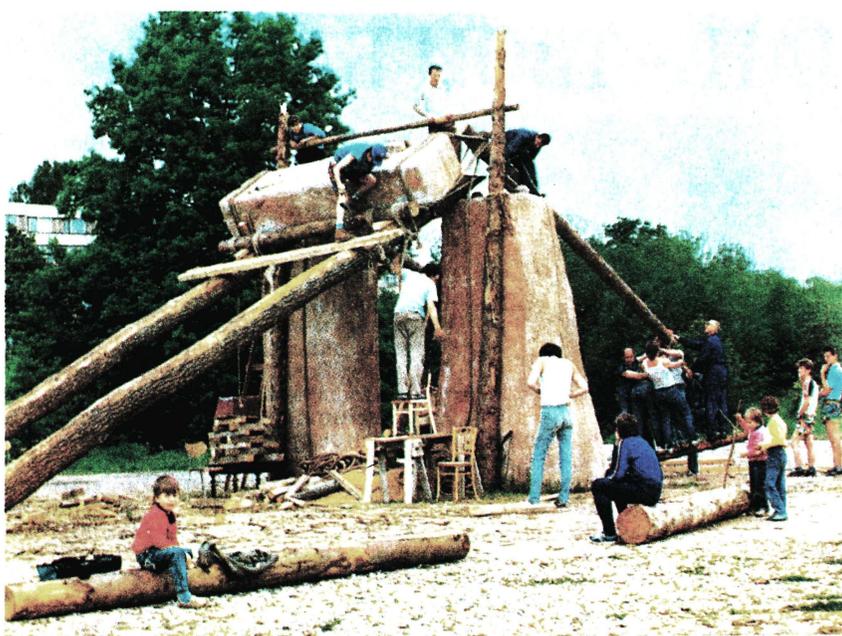

«ВЕК СВОБОДЫ НЕ ВИДАТЬ» ПРИ ЛУННОМ СВЕТЕ

Дурацкий обычай татуирования весьма и весьма широко распространен в мире. Кто сделает наколку по молодости, по глупости, кто еще почему, но только с возрастом большинство мечтает татуировку свести. Операция эта трудная и не всегда удачная, но необходимая.

Японские медики с этой целью изобрели «лунный трансформатор». Это прибор, который в несколько десятков тысяч раз усиливает бледный свет луны и сводит лучи в пучок. Пучком этим выжигают татуировку. Кожа при этом совсем не страдает, ибо месячный свет — холоден.

Трещат цикады, запевает сакура, светит луна. И выстраиваются в очередь крутые ребята в синих наколках...

НЬЮ-СТОУНХЕНДЖ

Умельцы, возводившие в V — III тысячелетиях до нашей эры каменные сооружения в Стоунхендже, воистину должны были обладать богатейшими знаниями и удивительной сноровкой. В самих же сооружениях поражает их четкая ориентированность на точку восхода солнца 21 июня, то есть на точку летнего солнцестояния. Не менее загадочно и то, как люди на стыке каменного и бронзового веков умудрялись перетащить с холмов и взгромоздить друг на друга многотонные каменные блоки вокруг местечка Мальборо, что в 38 километрах севернее Стоунхенджа. Как примерно могла происходить такая установка блоков, продемонстрировал при самой что ни на есть примитивной технике чешский инженер Павел Павел. Вот уже долгое время Павел увлеченно занимается вопросами строительных и транспортных технологий древности. Используя свою «экспериментальную археологию», этот 34-летний чех разработал собственную версию транспортировки и вертикальной установки пяти-десятитонных статуй на острове Пасхи, причем только лишь при помощи канатов, бревен и мускульной силы. Журнал писал об этом в 1990 году.

С 1987 года Павел ломает голову над загадкой Стоунхенджа, и в особенности над вопросом, каким образом колоссальные тесаные перекладки могли быть водружены на каменные столбы.

Выдвигавшиеся до сей поры теории о способах создания гигантских каменных ворот вроде стоунхенджских экспериментально не подтвердились. «На смену мыслям о подпорках и земляных насыпях для поднятия блоков мне в голову пришла идея о бревнах», — рассказывает Павел. Для начала инженер изготовил глиняную модель, с помощью которой подтвердил свою догадку. В 1988 году Павел посетил Стоунхендж, однако разрешения на опробование своей техники, «не отходя от кассы», не получил. Тогда чех со специально приглашенными друзьями соорудили прямо в своем родном городке Страковнице бетонную копию двух столбов и каменной перекладки а-ля Стоунхендж.

На сей раз эксперимент удался: по наклонной плоскости из двух десятиметровых дубовых бревен (40 сантиметров в обхвате) Павел и его помощники сантиметр за сантиметром втащили канатами махину из бетона на столбы высотой 4 метра. Правда, было дополнительно задействовано еще одно бревно 4,5 метра длиной, которым пять человек орудовали как рычагом.

Археолог Обри Бэрл, специалист по британским мегалитическим постройкам, находит теорию Павла довольно-таки правдоподобной: «Я был ошарашен тем малым количеством рабочих рук, которые понадобились для решения этой задачи».

ИНФАРКТ ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ

Статистика утверждает, что больше всего англичан в возрасте от 15 до 59 лет умирает в понедельник. Врачи объясняют этот грустный факт тем, что после отдыха на уик-энде организм не сразу может приспособиться к рабочим условиям и наступает стресс, а как следствие его — инфаркт.

И действительно: когда на понедельник выпадает праздник, «день инфарктов» переходит на вторник. Но поскольку случается это нечасто, в пословицы и поговорки второй день недели не вошел.

ВОКРУГ СВЕТА

НА ЭТОЙ СКРИПЧКЕ МОЖНО ДАЖЕ ИГРАТЬ

Сколько народу хотело бы играть на скрипке, но не могут заставить себя заниматься! Скрипичная музыка ведь так приятна, да и великие люди — Эйнштейн и Шерлок Холмс, например, были скрипачами-любителями.

Для таких людей в Германии стали выпускать занятный музыкальный инструмент: спереди скрипка, а сзади — магнитофон. Вставляете кассету с Ойстрахом (Игорем), подносите скрипку к подбородку, водите смычком — и доставляете удовольствие себе и окружающим.

ПИТОНИЙ ПАРК

...открылся в заброшенной каменоломне близ французского города Дуэль-Фонтэн. Там поселили три десятка питонов, пойманных в джунглях Малайзии и Таиланда. Питонам так тут понравилось, что они стали плодиться и размножаться, словно их предки испокон веку обитали в каменоломнях. Питоны довольно добродушны (их неплохо кормят) и позволяют посетителям осматривать себя. Только нельзя громко разговаривать, курить и — особенно — фотографировать. Французские питоны этого не любят.

БЕДНАЯ КОРОЛЕВА

Согласно опросу общественного мнения 79 процентов подданных Великобритании убеждены в том, что королева Елизавета II должна бы была платить налоги. Если учесть, что имущество Ее Величества оценивается в 30 миллиардов фунтов, налоги могут стать весьма обременительными.

У монархистов против этого есть убедительный аргумент.

— Вы что, — спрашивают они, подсчитав доходы, расходы и налоги, — хотите, чтобы наша королева стала такой же бедной, как какой-нибудь норвежский король?!

Выяснилось, что такого своей повелительнице не желает большинство подданных. Но тем не менее вряд ли королеве удастся избежать налога...

ЮБИЛЕЙ ВАННЫ,

Этого скромного, но необходимого в нашей жизни санитарно-технического устройства, тихо и незаметно прошел в прошлом году. Сто пятьдесят лет минуло с того дня, как житель города Цинциннати Адам Томсон приспособил деревянную купель из заброшенной перекви для помывки своей семьи и соединил трубой с канализацией. «Первованна» была изнутри обита цинком и весила тонну.

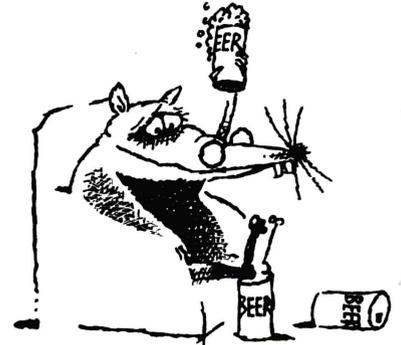

ПИВО ПРОДЛЕВАЕТ ЖИЗНЬ

...крысам. Это установил американский биолог Лесли Клевз. Крысы, пившие пиво, прожили почти в пять раз дольше, чем их сородичи, которых поили водой.

Пока ученый бьется над причинами этого явления, нам, не ученым-биологам, следует запомнить одно:

Прячьте пиво от крыс! Крысы-долгожители нам ни к чему.

МАШИНКА ДЛЯ НЕГРАМОТНЫХ

Если вы врожденнонеграмотный — а таких людей очень много, особенно среди пишущей братии, — никакой учебник вам не поможет. Поможет пишущая машинка (электронная), придуманная в США. В нее встроено орфографическое словари на 80 тысяч слов. Машинка автоматически сверяет его с текстом. Более того, она проверяет сокращения, знает 300 технических терминов, может редактировать. Да к тому же по приказу владельца заменяет слова синонимами.

Если бы Шекспир дожил до наших дней! Уж раз он гусиным пером ухитрился создать бессмертные произведения, представляете себе, что бы он написал на такой машинке!..

ТАИНА «ПР.»

Шерстяные изделия при стирке садятся. Вещь эта неприятная, особенно если учесть их пену. Австралийские ученые нашли против этого средство. Овцу, оказывается, надо посадить на диету: немножко молибдена, сульфаты и пр. Пишем «пр.», так как не знаем, что же именно: рецепт смеси содержится в строгой тайне.

Но шерстяная одежда после этого не садится.

Подготовил Л. МИНЦ
Рисунки В. ЧИЖИНОВА

«ОТКЛИКНИСЬ»

Приглашаю к переписке всех интересующихся ФЛАГАМИ И ГЕРБАМИ СТРАН МИРА, их историей, политикой и административно-территориальным делением.

618014, г. Пермь, Большесавино, а/я 10.

Ревнивцев Михаил Борисович.

Откликнитесь те, кто коллекционирует ЖУРНАЛ: «ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ», 1925 — 1931, «Вокруг света» за 1927 — 1941 годы.

440600, г. Пенза, ул. Плеханова, д. 45, кв. 48.

Кудряшов Леонид Федорович.

Всех, кого волнует ТАЙНА «ЗОЛОТА НАПОЛЕОНА», приглашаем поделиться своими предположениями о его местонахождении или другой информацией, которая касается данной темы.

Летом 1992 года вновь была предпринята попытка отыскать следы сокровищ, вывезенных французскими войсками из Москвы в 1812 году. На этот раз экспедиция была организована независимой телекомпанией «CHANGE» (ТО ДиСа) совместно с одним из московских малых предприятий. Версия, на которой была построена программа поиска, проверялась с помощью современных научных методов, а также нетрадиционными способами. Достигнуты некоторые результаты. Летом 1993 года планируется проведение еще одной экспедиции и съемка фильма. Возможно, на этот раз удастся наконец разгадать одну из самых старых тайн и вернуть России хотя бы небольшую часть того, что принадлежит ей по праву.

Телефон для заинтересованных лиц и организаций: 237-64-14. Письма можно направлять по адресу журнала «Вокруг света».

«ВОЛЬНЫЙ ВЕТЕР»

— это единственная в СНГ специализированная газета для любителей активных путешествий (туристов, альпинистов) и авторской песни. Выходит она один раз в месяц тиражом 50 тысяч экземпляров и имеет такой же объем, как газета «Аргументы и факты».

На восьми страницах «ВВ» читатели найдут материалы о походах и экспедициях, рассказы о чрезвычайных происшествиях на маршрутах, сведения о деятельности различных союзов и объединений любителей странствий, информацию о новых документах и новостях в туризме и альпинизме, различные частные объявления (печатаются бесплатно). В каждом номере публикуются две-три песни с нотами и фотографией автора, реклама нового снаряжения и маршрутов, юмористические заметки, кроссворд и многое другое.

Желающие получить газету на дом в этом году должны перевести 3 руб. 50 коп. за каждый номер «ВВ» (или 5 руб. 50 коп. за 2 экземпляра одного номера) по адресу: 111020, Москва, а/я 30, С. Минделевичу. Телефон редакции 360-55-73.

ПОЧТОВЫЙ ДИЛИЖАНС

От имени воспитанников Дальнереченского детского дома имени Д.В. Леонова выражаем вам глубокую признательность за вашу заботу и внимание. В нашем детском доме большая светлая библиотека, в ней всегда много читателей. Ваши книги займут достойное место на книжных полках.

*г. Дальнереченск
Приморского края*

Я пишу вам, товарищи, хотя сейчас модно обращаться «господа», но это холодное обращение, я же хочу поблагодарить вас от всей души. День 3 июня принес мне приятный сюрприз — первую книгу вашей 12-томной библиотеки, которую я благодаря вашему милосердию буду получать бесплатно. В наше трудное время такой знак внимания стоит дорого, ему вообще нет цены. Значит, не все так плохо, если в людях сохранились доброта и участие.

*г. Албул,
с. Воробьевка
Липецкой обл.*

Не нахожу слов, чтобы выразить вам всем благодарность за ваше великодушное решение подписать меня, солдата-инвалида, на библиотеку «Вокруг света».

*В. КОЗАЧЕНКО,
Кыргызстан,
Аламединский р-н,
с. Воронцовка*

Получили 1-й том библиотеки «ВС» и с нетерпением будем ждать следующих книг.

Не сомневаемся, что книги этой серии будут одними из лучших в нашей небольшой библиотеке.

*Дивногорский дом
детства,
Красноярский край*

На сегодняшний день вышел уже 3-й том 12-томной библиотеки «Вокруг света», издание которой планируется завершить в первом полугодии 1993 года. К сожалению, редакция не имеет возможности самостоятельно реализовать весь тираж, но ради наших давних читателей, инвалидов, сирот мы взяли часть этих хлопот на себя.

В редакционной почте есть много писем, в которых нас благодарят за благотворительную подписку, но мы, в свою очередь, хотим разделить эту благодарность с теми, кто жертвовал «ВС» свои скромные сбережения. Именно эти деньги дали возможность осуществить акцию помощи тем, чьи доходы не позволяют приобрести наше издание. К сожалению, мы не можем удовлетворить все просьбы и заявки. Наши возможности, увы, весьма и весьма ограничены.

Робинзоны, о которых вы пишете в своем журнале, проходят испытания на необитаемом острове, а вот про тяжелых робинзонав мне слышать что-то не приходилось. Ведь есть у нас еще такие места, куда даже охотники-промысловики не захаживали — с непуганой дичью, зверьем, отличной рыбалкой, это не то, что проголодать две недели

на пустом, оцепанном туристами-дикарями острове. Предлагаю вам организовать испытания в экстремальных, почти робинзоновских условиях в тайге. Готов вызвать на поединок любого, кто пожелает. Срок минимум год.

*Н. Уколов,
Приморский край,
с. Струговка*

Уважаемый «Вокруг света». В нынешнее трудное время удорожания жизни и тощих кошельков, когда приходится быть «гурманом» при выборе прессы, из всех журналов я выбрал тебя.

«ВС» помогает мне мысленно пронестись вокруг света, узнать и поразиться всему многоцветию и многообразию мира, подобрать душой и составить планы будущих путешествий.

*В. Спиренко,
г. Новосибирск*

Предлагаю моему любимому журналу поправить свое финансовое положение за счет подписки на один-единственный номер, установив на него цену от 40 до 70 рублей. В этом издании собрать наиболее интересные вещи из «редакторской копилки».

*А. Приходько,
г. Юрга
Кемеровской обл.*

Предложение читателя показалось нам интересным, но для того, чтобы этот «суперномер» увидел свет, хотелось бы узнать ваши пожелания к его содержанию. Самые оригинальные и интересные предложения получают приз редакции.

Рисунки В. СЕМЕНОВА

Анри ШАРЬЕР

ПАПИЙОН

Роман

Тетрадь шестая ОСТРОВА СПАСЕНИЯ

ПРИБЫТИЕ НА ОСТРОВА

На следующий же день нас должны были отправить морем на острова Спасения. На одном из них, Сен-Жозефе, мне предстояло отбыть два года в камере-одиночке. заключенные называли эту тюрьму людоедской. Я надеялся доказать, что название это ошибочно.

Я слышал, что бежали с островов крайне редко, побег можно было пересчитать по пальцам. И все же бежали. И я тоже убегу, это уж точно. Через два года сбегу с этих островов. Я твердил это Клозио, который сидел рядом со мной.

— Да, трудно тебя укротить, Папийон, старый ты мой дружище! Хотел бы я и сам так верить, что однажды обрету свободу. Смотри, ведь у тебя за год — побег за побегом. И ты ни разу не сдался. Я даже удивляюсь, как это ты здесь не пытался.

— Здесь был возможен только один путь — устроить бунт. А для этого надо объединить всех этих, таких разных людей, а времени на это у меня не было.

— Но ведь на островах будут точно такие же люди!

— Да, но я убегу оттуда без чьей-либо помощи. Один. Ну в крайнем случае с напарником. Ты чего улыбаешься, Клозио?

— Улыбаюсь тому, что ты никак не сдаешься.

Наутро мы отплыли на острова. На борту посудины водомещением четыреста тонн под названием «Танон», курсировавшей между Кайенной, островами и Сен-Лораном.

Продолжение. См. «ВС» № 7 — 9/92.

Мы были скованы по двое и в наручниках. Две группы по восемь человек, каждая охраняемая четверью охранниками, расположились на носу, еще десять заключенных — на корме, с шестью охранниками и двумя начальниками этапа. Даже сидя на палубе этой посудины, было ясно, что она настолько стара, что развалится и пойдет на дно при первом же намеке на шторм.

Чтобы хоть как-то развлечься, я начал комментировать состояние «Танона».

— Эта посудина того и гляди на куски распадется! Да на ней просто опасно плыть! — Наступило общее молчание, и охранники, и заключенные навестили уши. — Мало того, мы закованы в цепи, и если что стряется... Если б не цепи, у нас был бы шанс. Да и охрана тоже — в этой форме, тяжелых ботинках и с ружьями... Тоже почти нет шансов.

— В случае кораблекрушения ружье можно и выкинуть, — вставил один охранник.

Видя, что они клонули на эту удочку, я продолжил:

— Ну а где спасательные лодки? Лично я вижу только одну, да и то маленькую, человек на восемь. Как раз для капитана и команды, а все остальные, выходит, тью-тью?..

Один из начальников конвоя посмотрел на меня и спросил:

— Это ты тот самый Папийон, которого привезли из Колумбии?

— Да.

— Неудивительно, что так далеко забрался. Похоже, в морском деле разбираешься.

— Еще бы! — хвастливо воскликнул я, но в этот момент на палубе появился капитан. Небольшого роста, толстенький, угольно-черный негр с удивительно юным лицом. И спросил, где тут те самые ребята, что доплыли до Колумбии на бревне.

— Вот этот, вон тот и тот еще, — показал начальник конвоя.

— А капитан кто? — осведомился капитан.
— Я, месье.
— Что ж, поздравляю вас, коллега. Сразу видно, вы человек незаурядный.— Он сунул руку в карман.— Вот, возьмите табак и папиросную бумагу. Курите и желайте мне удачи.
— Спасибо, капитан. Я тоже поздравляю вас. Плавать на такой посудине не шутка. Тем более, мне сказали, вы продельваете этот путь дважды в неделю.

Он так и покатился со смеху.
— О, вы правы! — воскликнул он.— Эту калошу давно следовало отправить на слом. Но компания все надеется, что она того и гляди потонет сама и тогда они получат страховку.

К десяти утра волнение на море не усилилось, но ветер был неблагоприятным. Мы плыли на северо-восток, то есть против волн и против бриза, поэтому качало больше обычного. Многих охранников и заключенных тошнило. К счастью, скованного со мной напарника не укачало — нет ничего хуже, когда рядом с тобой кто-то блюет. Это был типичный парижанин — лихой парень и проныра. В Гвиану попал в 1927 году и был сравнительно молод — лет тридцати восьми.

— Меня прозвали Тити Белот. Надо признаться, я замечательно играю в белот. Во всяком случае, на жизнь на островах хватает. Белот всю ночь напролет по два франка за очко. При удачном раскладе можно заработать до четырехсот франков.

— Ты что, хочешь сказать, что на островах водятся деньги?

— А как же, Папийон! Остров набит патронами, а патроны — наличными! Некоторые привозят с собой, другие добывают через охранников за пятьдесят процентов. А ты, похоже, совсем еще зеленый, приятель. Будто в первый раз слышишь о таких вещах.

— Я и правда ничего не знаю об островах. Кроме того, что с них трудно бежать.

— Бежать! — воскликнул Тити.— Об этом даже и думать нечего! Я семь лет торчу здесь, и за все это время было только два побега. А результат? Три трупа и двоих вернули обратно. Вот чем это кончается, браток. Никому еще не удавалось.

— А зачем тебя возили на материк?
— На рентген. Узнать, есть язва или нет.
— А почему ты не попробовал бежать из больницы?
— Верно, не пробовал. После того, что вы там натворили, Папийон, и думать об этом нечего. К тому же меня засунули в ту самую палату, откуда вы хилили. Так что можешь предположить, какая там была охрана. Даже к окну было не подойти, чтоб глотнуть свежего воздуха. Сразу же отгоняли...

Морское путешествие подходило к концу. Вот они, острова! Они образовывали как бы треугольник с островами Руаяль и Сен-Жозеф в основании и островом Дьявола у вершины. Солнце стояло уже довольно низко и освещало их с той необыкновенной отчетливостью и блеском, как бывает только в тропиках, так что видны все подробности. Руаяль представлял собой плоскую возвышенность с примерно двухсотметровым холмом в центре. Вершина его тоже была плоской. Остров напоминал мексиканскую шляпу с частично оторванной тульей на поверхности моря. И повсюду высокие кокосовые пальмы. Особую привлекательность придавали острову маленькие домики с красными крышами — путешественник, не знающий, что там находится, обязательно возмечтал бы провести на этом райском берегу всю оставшуюся жизнь. На плато стоял маяк.

Когда мы подошли совсем близко, я различил пять длинных строений. Тити объяснил, что первые два — бараки, где размещалось до четырехсот заключенных в каждом. Затем шел дисциплинарный блок с карцерами, окруженный белой стеной. Четвертое здание — больница, в пятом располагалась охрана.

Остров Сен-Жозеф, отделенный нешироким проливом, находился чуть поодаль. Меньше палм, меньше домов, а в самом центре — некое громоздкое сооружение, отчетливо видное издалека. И тут я сообразил, что это такое. Тюрьма одиночного заключения. Тити Белот подтвердил мою догадку. Он указал также бараки, где жили обычные заключенные, они располагались чуть ниже, поближе к морю.

Видны были сторожевые вышки. Ну а все остальные строения представляли собой точно такие же хорошенькие домики с белыми стенами и красными крышами.

Так как посудина наша подходила к Руаялю с юга, остров Дьявола мы не видели. Чуть раньше я лишь мельком заметил его. Похоже, это была огромная, сплошь заросшая пальмами скала с несколькими желтыми домиками у самого моря. Позже выяснилось, что в этих домах жили политические.

Три гудка сирены — и «Танон» бросил якорь в четверти мили от пристани, длинного сооружения из скрепленных цементом круглых камней, поднимавшегося над уровнем моря метров на десять. Чуть подальше, параллельно пристани, тянулась цепочка белых зданий. Я прочитал названия вывесок: «Пункт охраны», «Пароходное управление», «Пекарня», «Портовое управление».

С пристани на нашу посудину глядели заключенные. На них не было обычных полосатых костюмов, все в брюках и белых куртках. Тити объяснил, что на островах люди с деньгами устраивались вполне прилично и даже могли шить у портных на заказ, причем материалом служила мешковина, с которой предварительно выводились буквы.

К «Танону» подошла лодка. Один охранник у румпеля, два с ружьями по бокам, а позади на корме — шестеро заключенных. Обнаженные до пояса, в белых брюках, они стоя гребли огромными веслами. За их спинами — нечто вроде спасательной шлюпки. Доплыли они невероятно быстро. Пришвартовались. Сперва к ним спустился начальник конвоя. С ног у нас сняли цепи, но наручники оставили. И мы попарно начали спускаться в лодку. Добравшись до пристани, выстроились в ряд перед «Портовым управлением» и стали ждать. На набережной появился Шапар, которого я знал еще по Парижу, он попался на каких-то биржевых махинациях. Не обращая ни малейшего внимания на охрану, он закричал:

— Не дрейфь, Папийон! Можешь рассчитывать на друзей! В одиночке у тебя будет все! Сколько тебе закатали?
— Два года.

— Прекрасно. Тем скорее выйдешь. А потом придешь к нам и увидишь, что жизнь здесь не так уж плоха!

— Спасибо, Шапар. Как Дега?
— Работает здесь бухгалтером. Странно, что он не пришел. Расстроится, что не повиделся.

А потом появился Гальгани. Охранник пытался остановить его, но он протолкался к нам, крича:

— Должен же я обнять своего брата или нет? Какого черта... — И, обнимая меня, шепнул: — Можешь на меня пологиться.

— А ты что здесь делаешь? — спросил я.

— Почтальон. Письмами занимаюсь.

— Ну и как? В порядке?

— Живу спокойно.

С нас сняли наручники. Тити Белота и еще нескольких человек, которых я не знал, отвели в сторону. Охранник skoмандовал: «В лагерь!», и они вышли на дорогу, идущую в гору.

Тут появился комендант островов в сопровождении шести охранников. Началась переключка. Все оказались на месте. Эскорт удалился.

— Где бухгалтер? — спросил комендант.

— Идет, господин начальник!

И тут я увидел Дега в хорошем белом костюме, застегнутом на все пуговицы. Рядом с ним шагал охранник. У каждого под мышкой — книга регистрации. Они начали выкликать нас по одному и объявлять номер.

Когда очередь дошла до меня, мы с Дега обнялись. Подошел комендант.

— Это и есть Папийон?

— Да, господин комендант,— ответил Дега.

— Смотрите, берегите себя в одиночке. Два года пролетят незаметно.

ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лодка ждала. Из девятнадцати человек, приговоренных к одиночному заключению, десять должны были отправиться тотчас же. Выкликнули и мое имя, но Дега спокойно сказал:

— Нет. Этот человек поедет с последней партией.

Наконец прозвучала команда:

— Папийон, в лодку!

— Ну пока! Прощайте все! Даст Бог, увидимся! И спасибо за все!

И я шагнул в лодку. Двадцать минут спустя мы пристали к берегам Сен-Жозефа. Я мгновенно отметил, что на шесть заключенных-гребцов и десять приговоренных к одиночке приходилось всего трое вооруженных охранников. На берегу нас ждал почти официальный прием. Два коменданта — один, ведающий системой одиночек на острове, и второй — комендант самой тюрьмы. В сопровождении охранников мы двинулись к тюрьме. На воротах надпись: «Дисциплинарная тюрьма одиночного заключения». Я тут же оценил всю внушительность и мрачность этого заведения. За железными воротами и четырьмя высокими стенами открылось небольшое здание с вывеской «Административный блок» и три других, поменьше, помеченные буквами А, В и С. Сперва нас ввели в блок. Большая холодная комната. Заключенных выстроили в два ряда, и к нам обратился комендант тюрьмы:

— Заключенные, как вы знаете, это учреждение создано для наказания тех, кто уже был осужден на тот или иной срок. Администрация не ставит себе целью исправление или переделку таких, как вы. Мы понимаем — это бесполезно. Но мы приложим все усилия, чтобы привести вас в чувство. Здесь одно-единственное правило, если угодно, закон: держать рот на замке. Абсолютное молчание и тишина. Перестукиваться не советуем — того, кого поймают за этим занятием, ждет суровое наказание. Объявлять себя больным, кроме крайне тяжелых случаев, тоже не советуем. Если установят, что вы симулянт, тоже накажут. Вот и все, что я хотел сказать. Ах да, вот еще что: курение категорически запрещено. Охрана справа! Обysкать их самым тщательным образом! И развести по камерам! Шарьер, Клозио и Матуретт должны быть в разных блоках. Прошу проследить за этим, месье Сантори!

Десять минут спустя я был заперт в камере № 234 блока «А». Клозио попал в «В», а Матуретт — в «С». Попрошались мы молча, одними только взглядами. Когда я переступил порог камеры, стало ясно — придется беспрекословно подчиниться всем тем бесчеловечным правилам, о которых толковал комендант.

Никогда не предполагал, что подобное возможно во Франции, которая считается матерью свободы и равноправия для всего мира. Ну пусть даже не во Франции, а во Французской Гвиане, пусть даже на таком крошечном, с носовой платок, затерянном в океане островке, но ведь он все равно часть Франции. Вообразите себе сто пятьдесят вытянутых в ряд клеток, причем в каждой — нет даже намека на нормальный вход и выход — всего лишь маленькая железная дверь с небольшим отверстием-кормушкой. На каждой двери надпись: «Открывать без разрешения администрации воспрещается». Слева топчан для спанья с приподнятым изголовьем. Топчан на день подвешивается к стене. Одно одеяло. В дальнем углу — цементный блок вместо стула, метла, армейская миска, деревянная ложка, прикопанный к стене цепью железный бачок — его надлежало выдвигать в коридор, где он опорожнялся, а затем снова вдвигать в камеру. Сам потолок состоял из толстенных — с рельс — металлических прутьев, уложенных крест-накрест так, что ни одно живое существо не могло проскользнуть между ними. И только гораздо выше — настоящая крыша. На решетке же между клетками находилась дорожка для часовых шириной примерно в метр, с железными перилами. По ней непрерывно вышагивали двое часовых, в середине встречались, разворачивались и шли обратно. Чудовищно!.. К тому же не было слышно ни малейшего звука — и заключенные, и охранники обуты в мягкие тапочки.

Один, два, три, четыре, пять, поворот!.. Один, два, три, четыре, пять, поворот! Только что над моей головой прошагал охранник. Я его не слышал, просто увидел. Щелк! Включился свет, но лампа висела очень высоко — где-то под самой крышей. Это осветили дорожку для часовых, но камеры все равно остались погружены в полумрак. Я продолжал рассказывать взад-вперед по своей клетке.

Свисток. Я услышал чей-то громкий голос:

— Новички, это сигнал, что вы можете опустить койку и лечь, если желаете!

Желаете? Как вам это нравится? И я продолжал рассказывать по клетке, спать еще не хотелось. Один, два, три, четыре, пять... Я уже выработал этот маятниковый ритм и ходил, ходил. Голова опущена, руки за спиной, шаги абсолютно равной длины — взад-вперед, как маятник, словно во сне.

Да, Папи, эта тюрьма-людоед не шутка, совсем не шутка... А эта тень часового вверху, на стене. Всякий раз, подняв голову, ты чувствуешь себя только что пойманным зверем, которого разглядывает охотник. Ужасное ощущение! Прошли долгие месяцы, пока мне удалось кое-как привыкнуть к этому.

Год — это триста шестьдесят пять дней, два года — семьсот тридцать. Итак, уважаемый господин Папийон, вам предстоит убить в этой клетке семьсот тридцать дней... Или семнадцать тысяч пятьсот двадцать часов — в клетке с гладкими стенами, предназначенной для диких зверей. А сколько же будет минут?.. Нет, лучше не надо, часы — это еще куда ни шло, но минуты — нет... Не станем мелочиться. Или преувеличивать.

Позади, у меня за спиной, что-то шлепнулось на пол. Что такое? Может, мой сосед как-то изловчился перебраться что-то через прутья в потолок? В полумраке я различал на полу нечто тонкое и длинное. Не различал, скорее чувствовал. И уже собрался поднять, как вдруг это нечто зашевелилось и начало перемещаться к стенке. Добравшись до нее, стало карабкаться вверх, но сорвалось и упало. Я наступил на загадочный предмет ногой и раздавил. Мягкое, скользкое... Что же все-таки это такое? Опустившись на колени, я всмотрелся и наконец понял — огромный сороконожка, в два пальца толщиной и добрых двадцать сантиметров в длину. Меня прямо затоснило от омерзения. Я не мог заставить себя поднять эту тварь и бросить в мусорный бак. И просто затолкал ногой под кровать. Утром при свете разглядел. Впоследствии у меня было достаточно времени, чтобы налюбоваться на сороконожек: они частенько падали на крышу с верхней крыши и ползали по обнаженному телу, а я старался лежать буквально не дыша, иначе эти твари могли причинить жуткую боль, в чем мне пришлось убедиться на собственном опыте. Укус вызывал лихорадку на добрых полдня, а место укуса жгло и чесалось невыносимо еще дней шесть.

С другой стороны, какое-никакое развлечение, помогает отвлекаться от мрачных мыслей. Иногда, когда очередная сороконожка падала в камеру, я долго мучил ее и гонял взад-вперед метлой, а иногда даже играл, позволяя ей спрячься, а потом принимаясь за поиски.

Один, два, три, четыре, пять... Мертвая, могильная тишина. Неужели здесь даже никто не храпит? Не кашляет? Какой тут может быть кашель, если стоит удушьящая жара. И это ночью, а что же будет днем?

Я бродил так уже довольно долго. В темноте послышался отдаленный рокот голосов. Смена караула. Первый часовой был высоким тощим парнем. Следующий оказался его противоположностью — маленький, толстый. И так громко шаркал шлепанцами, этажа на два слышно, не меньше. Да, этот не молчун. Я продолжал ходить. Уже, наверное, поздно. Интересно, сколько же прошло времени? Завтра придумаю, чем можно его отмерять. Кормушка в двери открывается четырежды в день — уже по этому можно приблизительно определить, который час. А ночью... Ночью просто надо знать время смены караула и сколько он стоит на посту.

Свет выключился, и я увидел, что в камере чуть посветлело, утро начало разгонять сумерки. Свисток. Я слышал стук привешиваемых к стенам топчанов, даже различил металлические лязганы — это мой сосед справа прикреплял свою койку к вмонтированному в стену железному кольцу. Потом он закашлялся, и я услышал плеск воды. Интересно, как же они тут умываются?..

— Господин надзиратель, а как здесь умываются?

— Осужденный, на первый раз я прощаю вас только потому, что вы новичок и не знаете. Вас предупреждали, что разговаривать с дежурным охранником запрещено, за это полагается суровое наказание. Чтобы умыться, вы должны стать над ведром и лить воду из кувшина, придерживая его

одной рукой, второй можете умыться. Вы что, не разворачивали своего одеяла?

— Нет.

— Там внутри должно быть полотенце.

Можете вообразить себе такое? Оказывается, здесь нельзя разговаривать даже с дежурным надзирателем. Но почему, по какой причине? А если вы заболели? Что, если вы умираете? От сердечного приступа, аппендицита, астмы? Выходит, тут нельзя даже позвать на помощь? Это же полный финиш! Нет, не так. Это вполне естественно. Естественно, что человек, дошедший до точки, когда нервы на пределе, начинает орать и скандалить. Хотя бы просто для того, чтобы услышать голоса, поговорить хоть с кем-то, пусть даже услышать в ответ: «Сдохни, но только заткнись!»

Шелк, шелк, шелк... Это открываются кормушки. Я подошел к своей и рискнул высунуться — сначала немного, потом полностью высунул голову в коридор и осмотрелся — направо, налево. И сразу же увидел: воспользовавшись моментом, другие тоже высовывали головы. Человек справа глянул на меня абсолютно без всякого выражения. Наверное, от ананизма оступел, не иначе. Круглое, бледное, в потехах грязь лицо, лицо идиота. Заключенный слева торопливо спросил:

— Сколько?

— Два года.

— У меня четыре. Один отсидел. Как тебя зовут?

— Папийон.

— А я — Жорж. Жорж из Оверни. А ты откуда?

— Из Парижа. А ты...

Я не успел задать вопрос. Кофе с куском хлеба уже получили за две камеры от нас. Сосед втянул голову в свою клетку, я сделал то же самое. Взял кружку с кофе, затем кусок хлеба. С последним немного замешкался, дверца опустилась, и хлеб упал на пол. Меньше чем через четверть часа снова установилась абсолютная тишина.

В полдень — новое оживление. Принесли суп с кусочком вареного мяса. Вечером — чечевица. В течение двух лет это меню не менялось. Разве что на ужин некоторое разнообразие — иногда чечевица, иногда красная фасоль, дробленые бобы или отварной рис. А утром и днем — одно и то же.

И раз в две недели ты просовывал голову в окошко и парикмахер из заключенных подстригал тебе бороду маленькими ножницами.

Вот уже три дня как я здесь. Одна мысль не выходила у меня из головы: друзья с острова Руаяль обещали прислать мне еды и сигарет, но я до сих пор ничего не получал и, честно говоря, не слишком хорошо понимал, как они собираются совершить это чудо. Так что удивляться было нечему. К тому же курить здесь опасно — запрещено под страхом сурового наказания. Еда гораздо важнее, ведь здешний суп — просто плоская горячая воды, в которой плавают два три листика зелени и крошечный кусочек мяса.

Мели коридор. Казалось, что швабра или метла как-то слишком долго шаркает у моей стены. Вот, опять скребется. Я присмотрелся и заметил внизу, под дверью, уголок белой бумажки. И тут же сообразил, что мне пытаются передать записку, но протолкнуть ее в камеру не удастся. Вот он и топчется у двери. Я втащил бумажку, развернул. Написано было светящимися чернилами. Подождав, пока пройдет часовой, быстро пробежал ее глазами: «Папи, с завтрашнего дня будешь получать в миске пять сигарет и кокосовый орех. Жуй кокос хорошенько, это тебе полезно, особенно здесь. Разжеванную мякоть можно глотать. Кури утром, когда опорожняешь бачки. Но никогда после кофе! Лучше сразу после обеда и потом вечером, после ужина. Здесь кусок карандашного стержня. Если чего понадобится, черкни на клочке бумажки. Когда услышишь, что подметальщик метет под дверь, тихонько поскреби в нее пальцами. Если ответит, сунь бумажку под дверь. Без ответа не суй ни в коем случае. Сверни бумажку в комочек и вложи в ухо, чтобы не вынимать патрон, а стержень держи где-нибудь у стены. Выше нос! С любовью, Игнасио, Луи».

Итак, я получил послание от Гальгани и Дега. На душе потеплело: какое все-таки счастье иметь таких верных друзей! И я принял шагать по камере, но уже более веселой и

живой походкой. Вера в то, что я рано или поздно выйду из этой могилы живым и на своих ногах, укрепилась. Один, два, три, четыре, пять, поворот...

Вчера случилась очень странная вещь. Не знаю, правильно ли я поступил. Часовой наверху вдруг наклонился над рельсами и заглянул ко мне в камеру. Затем прикурив сигарету, несколько раз затянулся и бросил ее в мою клетку. И тут же отошел. Я подождал, пока он снова окажется надо мной, и демонстративно раздавил сигарету подошвой. Он лишь слегка приостановился, увидев, что я сделал, и тут же двинулся дальше. А может, он меня пожалел? Может, он стыдился своей службы? Или это была ловушка? Не знаю, но этот случай совершенно выбил меня из колеи. Когда человеку скверно, он становится сверхмнительным. Ладно... Если у этого парня действительно были добрые намерения, то будем надеяться, я не слишком оскорбил его этим жестом.

Вот уже два месяца как я здесь. Это единственная в своем роде тюрьма, где абсолютно нечему учиться. Ни с какого боку никуда не подъедешь. Правда, я научился все-таки одной очень важной вещи — целиком и полностью отключаться, переноситься мысленно на любые расстояния, даже к звездам, или без всякого усилия возвращаться в прошлое и блуждать в нем, пребывая в разных стадиях и ипостасях жизни — ребенком, взрослым мужчиной, беглецом, строителем каких-то фантастических замков в Испании и так далее. Но сперва надо было как следует устать. Я бродил часами, не присаживаясь и не останавливаясь ни на секунду и размышляя о самых обычных предметах. Затем, порядком утомившись, ложился на топчан, подставлял под голову часть одеяла и прикрыв лицо другой. Затхлый воздух камеры медленно просачивался сквозь ткань, в горле першило, голову охватывал легкий жар. И вот от духоты и отсутствия кислорода я в какой-то момент отключался. О, какие невероятные, неопишуемые путешествия совершал в это время мой дух, какие видения посещали меня, какие ощущения я испытывал! Ночи любви, куда более острые и реальные по полноте чувств, нежели в жизни. Да... И еще свободное перемещение в пространстве и времени позволило мне встретиться и посидеть с мамой, которая умерла семнадцать лет назад. Я играл складками ее платья, а она гладила мои длинные кудрявые волосы: «Рири, дорогой, старайся быть хорошим, очень хорошим и не огорчать мамочку, чтобы она любила тебя еще больше...»

Я был не прав, подсчитывая время, которое предстоит здесь провести. Ведь я оценивал его в часах. Ошибка. Были моменты, которые измерялись какими-то минутами или даже секундами, но имели огромное значение. Так, например, опораживание бачка происходило где-то через полчаса после раздачи кофе и хлеба. Именно тогда ко мне возвращался котелок, я находил в нем кокос, пять сигарет, а иногда — записку. В эти моменты я считал каждую минуту, даже секунду. Не всегда, но очень часто...

Медленно, Господи, как медленно шли эти часы, недели и месяцы. Вот уже почти год как я здесь. Ровно одиннадцать месяцев и двадцать дней я не перемолвился ни с кем ни единым словом, если не считать редких и торопливых утренних вылазок, да и то это было скорее какое-то торопливое невнятное бормотание, нежели разговор. Правда, один раз мне все же удалось поговорить по-настоящему громко. Я простудился и довольно сильно кашлял. И решил, что это достаточно уважительная причина, чтобы обратиться к врачу.

Врач явился. К моему великому изумлению, открылась лишь кормушка. В отверстие появилась голова.

— Что с вами? На что жалуетесь? Легкие? Повернитесь спиной! Покашляйте!

Боже милостивый! Что это, шутка? Увы, нет... Всего лишь суровая и горькая правда. Ко мне действительно пришел врач, осмотрел меня через кормушку и через кормушку же прослушал. Совершив все эти манипуляции, он сказал: — Протяните сюда руку!

Я уже готов был повиноваться чисто автоматически, но тут меня остановило чувство самоуважения, и я сказал этому странному врачу:

— Спасибо, доктор, не стоит беспокоиться. Не стоит,

право.— По крайней мере у меня хватило ума и гордости познать, что я не принимаю его услуги всерьез.

На что он, однако, вполне невозмутимо ответил:

— Что ж, как хотите,— и ушел как раз в тот момент, когда я был готов взорваться от возмущения.

Один, два, три, четыре, пять, поворот... Один, два, три, четыре, пять, поворот. В тот день я шагал с особой злой целеустремленностью, пока не заныли ноги.

Один, два, три, четыре, пять... И прошлое помогало утихомирить гнев и ненависть. Еще десять дней — и ровно половина срока одиночного заключения прошла. Да, это событие стоит отметить, тем более если не считать простуды, здоровье у меня отменное. Я не сошел и не собираюсь сойти с ума. Уверен, что выйду отсюда в конце следующего года живым и в здравом уме.

Меня разбудили приглушенные голоса. Кто-то сказал:

— Да он уже совершенно очоленел, месье Дюран. Как это вы раньше не заметили?

— Не знаю. Он повесился в углу, вот я и прошел над ним много раз, не заметив.

— Ладно, это неважно. Но признайтесь, все же несколько странно, что вы его не заметили...

Я догадался: мой сосед слева покончил жизнь самоубийством! Тело унесли. Двери захлопнулись. Правила соблюдались неукоснительно: дверь можно открывать только в присутствии администрации, в данном случае — начальника тюрьмы. Я узнал его по голосу.

Это был пятый, покончивший с собой за десять недель.

Настала юбилейная дата. В миске я обнаружил банку гущенного молока. Должно быть, друзья мои просто рехнулись! Ведь она стояла здесь целое состояние. К тому же риск...

На следующий день начался новый этап отсчета. Еще триста шестьдесят пять дней, и я выхожу. Все шло как обычно, своим ходом, час за часом, день за днем, неделя за неделей. Но на девятом месяце случилось несчастье. Утром, когда опустошали бачки, моего посылного застигли на месте преступления с поличным — то есть с кокосовым орехом и пятью сигаретами, которые он, положив в миску, уже передавал мне.

Это оказалось столь серьезным происшествием, что на несколько минут правило молчания было забыто. Отчетливо были слышны удары — это избивали несчастного. Затем захлебывающийся, отчаянный крик, крик человека, получившего смертельную рану. Моя кормушка отворилась, и в нее всунулась разъяренная физиономия надзирателя:

— Ничего, ты у меня допрыгаешься!

— А я плевал, жирная сволочь! — крикнул я в ответ.

Случилось это в семь утра. Только в одиннадцать за мной явилась целая процессия, возглавляемая начальником тюрьмы. Они открыли дверь, не отворявшую ни разу за двадцать месяцев. Я забился в дальний угол клетки, вцепившись в миску и пригрозившись сражаться до последнего. Однако ничего подобного не произошло.

— Заключенный, выходите!

— Если я выйду и меня станут бить, не думайте, я буду обороняться! И вообще выходить не собираюсь! Попрошайте взять меня, убью первого, кто только тронет!

— Вас не будут бить, Шарьер.

— Кто это гарантирует?

— Я. Начальник тюрьмы.

— И вам можно верить?

— Не грубите, ни к чему хорошему это не приведет. Даю слово — бить вас не будут. Выходите.

— Ладно.— Я переступил порог и пошел по коридору, сопровождаемый начальником и шестью охранниками. Мы пересекли двор и вошли в небольшое административное здание. На полу лежал человек весь в крови и стонал. Часы на стене показывали одиннадцать. «Они мучили этого беднягу целых четыре часа!» — подумал я.

Начальник сел за стол, рядом разместился комендант.

— Шарьер, как долго вы получали еду и сигареты?

— А разве он вам не сказал?

— Я спрашиваю вас.

— А у меня амнезия. Ничего не помню, даже что вчера было.

— Вы что, издеваетесь?

— Нет. Странно, что в моем деле это не указано. Как-то раз треснули по башке, и с тех пор с памятью плохо.

— Запросите Руаяль, нет ли этого у них в деле,— распорядился начальник. Один из надзирателей начал тут же звонить, а он продолжал: — Но что вас зовут Шарьер, вы помните?

— О да, конечно! — и механическим голосом затараторил: — Меня зовут Шарьер. Год рождения 1906-й. Место рождения Ардеш. Приговорен к пожизненному заключению в Париже.

Его глаза округлились как блюдца.

— Сегодня утром вы хлеб и кофе получали?

— Да.

— А что было вечером на ужин, какие овощи?

— Не знаю.

— Выходит, если верить вашим словам, вы действительно ничего не помните?

— Ничегошеньки! Вот лица помню, да... Вроде бы вы меня сюда принимали. А вот когда? Не скажу.

— Значит, вы не знаете, сколько вам здесь еще сидеть?

— Ну, пока не сдохну, наверное.

— Да нет, я не про пожизненное. Сколько сидеть здесь, в одиночке?

— А разве мне дали одиночное? За что?!

— Хватит! Всеу есть предел, в конце концов! Не смейте выводить меня из терпения! Вы что, не помните, что вам дали два года за побег?

И тут я добил его окончательно.

— Чтоб я бежал! Да вы что, начальник?! Я человек ответственный, привик отвечать за свои поступки. Идемте со мной в камеру и вместе посмотрим, бежал я оттуда или нет.

В этот момент помощник сказал:

— Руаяль на проводе, месье.

Он взял трубку.

— Ничего? Странно... Он утверждает, что у него амнезия... Кто ударил?... По голове... Так, понимаю. Он валиет дурака. Выясним... Извините за беспокойство. Проверим. Всего доброго!.. Ну-с, Чарли Чаплин, давайте-ка посмотрим вашу голову... Да, длинный шрам... Как же это вы помните, что потеряли память с того момента, как вас ударили по голове? А? Отвечайте и быстро!

— Не знаю, этого я не могу объяснить. Просто помню, что ударили, что имя мое Шарьер и еще несколько вещей. И когда вы спросили, как долго я получал еду и курево, то я не знаю, в первый ли это раз случилось или в тысячный. Не знаю, не помню, и все тут. Ясно вам?

— Мне все ясно. Вы слишком долго переждали, теперь придется попоститься. Без ужина, до конца срока!

Итак, я лишился кокосов и сигарет. И был отрезан теперь от товарищей. Меня действительно прекратили кормить по вечерам. И я начал голодать. К тому же из головы не выходил этот бедолага, которого они так зверски избили. Оставалось лишь надеяться, что дальнейшее его наказание не было столь суровым.

Один, два, три, четыре, пять, поворот... Один, два, три, четыре, пять, поворот... Да, на такой диете долго не продержаться. Но раз так мало еды, надо, пожалуй, сменить и режим. Лежать подольше, чтоб не тратить сил. Чем меньше двигаешься, тем меньше калорий сжигаешь. Ведь еще оставалось продержаться целых четыре месяца или сто двадцать дней.

Вот уже десять дней как я на новом режиме. Голод донимал постоянно, круглосуточно. К тому же я испытывал сильную слабость. Ужасно не хватало кокосов, сигарет, конечно же, тоже. Я рано ложился в постель и старался как можно быстрее отключиться. Вчера был в Париже, пил шампанское с друзьями, танцевал под аккордеон на улице. Картины этой нереальной жизни все чаще вводили меня из камеры, так что теперь я, можно сказать, проводил гораздо больше часов на свободе, чем в этой страшной одиночке.

Я сильно исхудал и только теперь понял, каким существенным подспорьем были кокосовые орехи, которые я получал целых двадцать месяцев,— они позволяли сохранить силы и здоровье.

Сегодня утром дошел до точки. Выпил кофе и позволил себе съесть половину дневной порции хлеба, чего прежде не делал. Обычно я делил хлеб на четыре более или менее

равных куса и съедал утром в шесть, затем в полдень, снова в шесть, ну и еще крошку уже ночью. «Ты что это делаешь, парень, а? — спросил я себя сердито. — Конец уже виден, а ты собираешься рассыпаться на куски? — Я голоден и у меня не осталось сил. — Глупости говоришь! Как это при такой еде могут остаться силы? Да, ты слаб, спору нет, но не болен, и это главное! Это значит, что ты победишь. Если хоть чуточку повезет и ты будешь вести себя правильно, то оставишь эту тюрьму-людоедку с носом!»

Оставалось всего двадцать дней. Я ослабел уже всерьез. И еще заметил, что мой кусочек хлеба становится изо дня в день все меньше. Кто мог пасть так низко, чтобы выбирать специально для меня кусок поменьше? А суп в течение нескольких дней представлял собой просто горячую воду с кусочком даже не мяса, но почти голый кости или огрызок кожицы. Я был так слаб, что впадал в забытие и отправлялся в свои «путешествия» уже без всяких усилий. Глубокая усталость и депрессия, навалившиеся на меня, внушали тревогу.

У двери послышалось царапанье. Я извлек из-под нее записку от Дега и Гальгана. «Черкни хоть строчку. Страшно беспокоимся о твоём здоровье. Осталось всего девятнадцать дней. Держись, не падай духом. Луи, Игнасио».

Там же лежала полоска чистой бумаги и кусочек грифеля. Я написал: «Держусь, но очень слаб. Спасибо. Папи». И когда за дверью снова заскребла швабра, сунул под нее записку. Ни сигарет, ни кокосов. Но это послание значило для меня невероятно много. Оно служило свидетельством крепкой верной дружбы и вселяло бодрость духа. Мои друзья правы — осталось всего девятнадцать дней. Я подошел к финишу этого изнурительного соревнования со смертью и безумием. Я не умер, не заболел. Я не имею права заболеть. Надо двигаться как можно меньше, чтобы не трагично калорий. Одна прогулка утром, одна днем — по часу. Это единственный способ продержаться. Всю ночь, двенадцать часов подряд, я лежал, а днем сидел на своей скамеечке не шевелясь, лишь время от времени вставая и делая несколько наклонов и махов руками, затем снова садился. Оставалось всего десять дней.

Десять дней — это двести сорок часов, которые надо продержаться. Они прошли легче, чем предыдущие — то ли экономия движений приносила свои плоды, то ли записка от друзей вселила новые силы. Да, срок одиночки подходил к концу, и теперь я был уверен, что сохранил все необходимое для нового решающего побега — здоровье, бодрость духа и энергию.

Настала последняя ночь. Семнадцать тысяч пятьсот восемьдесят часов прошло с тех пор, когда за мной затворилась дверь камеры № 234. С тех пор она открывалась только дважды. Я заснул спокойно с одной-единственной мыслью — завтра она откроется и случится что-то очень хорошее. Завтра я увижу солнце, вдохну свежий морской воздух. Завтра я буду свободен. Я рассмеялся. Свободен? Что это ты городишь, Папийон? Завтра продолжится отсчет срока каторжных работ. Пожизненного срока. Разве это можно назвать свободой? Я знаю, я это знаю, и все равно — никакого сравнения с той жизнью, которую я влачил здесь. Интересно, как там Клозио и Матуретт?..

В шесть принесли кофе и хлеб. Меня так и подмывало воскликнуть: «Зачем это? Вы ошиблись! Ведь сегодня я выхожу». Но тут я быстро вспомнил, что «потерял память». Молчи, не то начальник прознает и засадит в карцер еще дней на тридцать.

Восемь утра. Я съел весь хлеб. Потом в лагере чего-нибудь раздобуду. Дверь открылась. Появился комендант и с ним два охранника.

— Шарьер, ваш срок окончен. Сегодня 26 июля 1936 года. Следуйте за нами.

Я вышел. Во дворе меня совершенно ослепило солнце. И вдруг навалилась страшная слабость. Ноги стали ватными, а перед глазами затанцевали черные мухи. А перед тем-то всего метров пятьдесят, правда, тридцать из них — по солнцепеку.

У административного блока я увидел Клозио и Матуретта. Матуретт — кожа да кости, впалые щеки, провалившиеся глаза. Клозио лежал на носилках. Лицо было серым, казалось, от него исходит запах смерти. «Братцы, да вы сов-

сем плохи! — подумал я. — Неужели и я выгляжу так же?» Но вслух сказал:

— Ну как, все о'кей, ребята?

Они не ответили. Я повторил:

— Вы как, о'кей?

— Да, — тихо сказал Матуретт.

Мне захотелось крикнуть им: все, заключение окончено, мы снова можем говорить! Подошел и поцеловал Клозио в щеку. Он взглянул на меня странно блестящими глазами и улыбнулся.

— Прощай, Папийон...

— Нет! Не смей так говорить!

— Со мной все кончено...

Он умер несколько дней спустя в больнице, на острове Руаяль. Ему было тридцать два, и он был осужден на двадцать лет за кражу велосипеда, которой не совершал.

Подошел комендант.

— Пусть войдут. Матуретт и Клозио, вы вели себя хорошо. Поэтому я записываю вам в дело: «Поведение хорошее». Что же касается вас, Шарьер, то вы и здесь умудрились совершить серьезное преступление. И заслужили «плохое поведение».

— Извините, комендант, но никакого преступления я не совершал.

— Вы что, не помните, как брали сигареты и орехи?

— Нет. Честное слово, не помню.

— Ладно, хватит! На чем вы продержались последние четыре месяца?

— Вы что имеете в виду? Еду? Что я ел? Да все одно и то же, с того дня, как пришел.

— Нет, это невозможно! Что вы ели вчера вечером?

— Как всегда. Чего давали. Не помню. Может, фасоль или вареный рис. Может, какие другие овощи.

— Выходит, вы ужинали?

— А то нет! Неужели, думаете, выплескивал еду из миски?

— Да, это бесполезно... Я сдаюсь. Хорошо. Я не стану писать «плохое поведение». Напишем: «Поведение хорошее». Теперь вы довольны?

— А разве это не правда? Я ничего плохого не делал.

И с этими словами мы покинули его кабинет.

ЖИЗНЬ НА ОСТРОВЕ РУАЯЛЬ

Во дворе нас в ту же секунду окружили заключенные, всячески выражая свое расположение и сочувствие. Нас одарили сигаретами и табаком, угощали горячим кофе и самым лучшим шоколадом. Санитар сделал Клозио укол камфоры и еще дал адреналин для сердца. Какой-то жутко тощий негр сказал:

— Санитар, отдайте ему мои витаминные таблетки, они ему больше нужны.

Нас хорошо накормили и напоили. Вскоре предстояла отправка на остров Руаяль. Клозио не открывал глаз, за исключением тех моментов, когда подходил я и клал ему руку на лоб. Тогда он приподнимал веки, взгляд был затуманенный, и тихо говорил:

— Дружище Папи... Мы с тобой настоящие друзья, верно?

— Мы больше, чем друзья. Мы братья, — отвечал я.

В сопровождении всего одного охранника мы спустились к берегу — носилки с Клозио посередине, мы с Матуреттом по бокам. У ворот лагеря все заключенные желали нам удачи. Придурок Пьеро повесил мне на спину рюкзак — он был полон табака, сигарет, шоколада и банок со сгущенкой. Матуретт тоже получил рюкзак, только неизвестно от кого.

Одним из гребцов оказался Шата. Весла врезались в воду, и мы поплыли. Продолжая грести, Шата спросил:

— Ну как, все нормально, Папи? Получал орехи?

— Да. Только последние четыре месяца не было.

— Знаю. Это случайность. Но парень держался хорошо. И хоть знал только меня, не раскололся.

— А что с ним было дальше?

— Умер.

— Быть не может! Отчего?

— Санитар говорил, его так били, что разорвалась почка.

Наконец мы у причала. Полуденное солнце жгло и слепило меня. Охранник приказал принести носилки. Двое дюжих парней-заключенных в белом подхватили Клозио, словно он весил не больше пушинки, и понесли. Мы с Матуреттом следовали за ним.

Каменистая дорога метра четыре шириной, крутой подъем. Наконец мы добрались до плато, где в тени квадратного белого здания нас уже поджидало самое высокое начальство острова в лице майора Барро по прозвищу Тоший. Не вставая и без всяких церемоний он спросил:

— Видать, одиночка это еще не так страшно? Кто это там, на носилках?

— Клозио.

— В больницу его. И их тоже. Когда выйдут, дадите мне знать. Хочу потолковать перед тем, как их отправят в лагерь.

Жизнь заключенных на островах Спасения была совсем особая, ведь большую часть обитателей составляли настоящие преступники, весьма опасные, причем по разным причинам. Начнем с того, что питались они здесь прекрасно, поскольку буквально все было предметом торга — напитки, сигареты, шоколад, мясо, сахар, рыба, свежие овощи, кокосовые орехи, крабы и так далее. Поэтому здоровье у всех было отменным, чему способствовал и на редкость благоприятный климат. Особенно опасны были приговоренные к пожизненному заключению. У них уже не оставалось надежды когда-либо выбраться отсюда. И заключенные, и охрана активно и круглосуточно занимались куплей-продажей. Жены охранников выбирали парней помоложе и поспасливей для работ по дому и часто превращали в своих любовников. Их называли «домашними» мальчиками. Одни работали садовниками, другие — поварами. Этот разряд служил как бы связующим звеном между лагерем и охраной. К мальчикам относились снисходительно — ведь без их участия торговля была бы невозможна, но с другой стороны, слегка презирали. Ни один настоящий преступник не мог позволить себе пасть так низко, чтоб делать какую-то там домашнюю работу. Зато они с готовностью становились мусорщиками, подметальщиками, санитарями, тюремными садовниками, мясниками, пекарями, лодочниками, почтальонами. Главари же никогда не утруждали себя тяжелой работой под палящими лучами солнца и при просмотре охраны — будь то строительство дорог или лестниц или посадка пальмовых плантаций, где рабочий день длился с семи утра до полудня, а затем — с двух до шести. Здесь был своеобразный мир со своими правилами и законами, где все про всех знали, где обсуждался каждый поступок и жест.

В воскресенье ко мне в больницу пожаловали в гости Дега и Гальгани. Мы ели рыбу с толченым чесноком, рыбный суп, картофель, сыр, кофе, пили белое вино. Все — Шата, Гальгани, Дега, Матуретт, Гранде и я — собрались в комнате Шата. Я в мельчайших подробностях рассказал им о побеге. Дега сказал, что в побегах больше не участвует. Он ожидал из Франции помилования — сокращения срока на пять лет. Что касается Гальгани, то его делом занялся какой-то корсиканский сенатор.

Я спросил, откуда здесь, по их мнению, лучше всего бежать. Раздался всеобщий вопль. Дега, оказывается, даже ни разу не помыслил о побеге, то же заявил и Гальгани. Шата считал, что сад — самое удобное место для изготовления плота. Гранде сообщил, что работает в лагере кузнецом и что здесь есть мастерская, где можно подобрать все необходимое и где работают люди самых разных профессий — маляры, плотники, кузнецы, каменщики, — всего около ста двадцати человек, занятых на строительстве тюремных зданий и сооружений. Дега тут же пообещал подобрать мне там работу, любую, какую захочу. Гранде предложил разделить с ним место банкюмета за игорным столом, утверждая, что я смогу жить вполне безбедно на то, что перепадает за игру, конечно, если я буду ему подыгрывать, не прикасаясь к содержимому своего патрона. Позднее выяснилось, что занятие это действительно доходное, но чрезвычайно опасное.

Воскресенье пролетело незаметно.

— Уже пять, — сказал Дега, на руке которого красовались дорогие часы. — Пора обратно в лагерь.

На прощанье он подарил мне пятьсот франков на игру в покер, а Гранде отдал свой нож, совершенно великолепный, изготовленный в мастерской им самим. Грозное оружие.

— Не расставайся с ним ни днем, ни ночью.

— А как же обыски?

— Этим здесь в основном занимаются арабы. И если человек в списке особо опасных, оружия никогда не находят.

— До встречи в лагере! — сказал Дега.

Все трое суток, что мы находились в больнице, я каждую ночь проводил рядом с Клозио. Внезапно ему стало хуже, и его перевели в двухместную камеру-палату, где лежал еще один, какой-то очень больной человек. Шата бесконечно накачивал Клозио морфием.

Клозио умер сегодня утром. Придя в сознание накануне вечером, он попросил Шата не колоть его больше.

— Хочу умереть в трезвом уме и твердой памяти. И чтоб рядом с кроватью сидели мои друзья, — сказал он.

Клозио, наш друг, умер у нас на руках. Я закрыл ему глаза. Матуретт был убит горем. Клозио умер! Друг, с которым мы бежали. Его, завернутого в мешковину, бросят теперь акулам.

Я услышал эти слова «бросят акулам», и кровь застыла в жилах. На островах не копали могил для умерших заключенных. В шесть вечера на закате солнца труп вывозили в море и бросали в кишашую акулами воду, где-то между островами Сен-Жозеф и Руаяль.

Смерть друга сделала мое пребывание в больнице невыносимым. Я сообщил Дега, что собираюсь выйти дня через два. Он ответил запиской: «Попроси Шата, чтобы он добился для тебя двухнедельного отпуска в лагере. За это время я смогу подобрать тебе работу». Матуретт собирался побить в больнице еще немного. Шата обещал устроить его помощником санитаря.

Выйдя из больницы, я предстал перед майором Барро по прозвищу Тоший.

— Папийон, — сказал он, — хотел повидать тебя перед отправкой в лагерь. Там у тебя есть один очень ценный друг, наш главный бухгалтер Луи Дега. Он твердит, что ты не заслуживаешь тех отрицательных отзывов, что пришли из Франции, и, поскольку считаешь себя невинно осужденным, то, естественно, должен пребывать в состоянии постоянного протеста. Должен сказать, я не разделяю эту точку зрения. Не желаешь ли ты заключить со мной одно соглашение?

— Почему бы и нет? Впрочем, все зависит от сути соглашения.

— Нет сомнения, ты человек, который сделает все возможное, чтобы сбежать с островов. Ты можешь даже преуспеть в своей попытке. Что касается меня, то мне осталось всего пять месяцев службы. А ты знаешь, чем оборачивается побег для коменданта? Вычитают зарплату сразу за год, отпуск сокращают на три месяца и дают его не раньше, чем через полгода. А если расследование покажет, что это произошло по недосмотру коменданта, то можно и нашивку потерять. Видишь, как все серьезно?.. Поэтому прошу: дай мне слово не бежать с островов до конца моей службы, потерпи пять месяцев.

— Начальник, даю слово чести! Я не уйду отсюда раньше, чем через полгода.

— И пяти месяцев не пройдет.

— Ладно. Можете спросить Дега, он подтвердит, что я умею держать слово.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Но взамен я хочу попросить вас кой о чем.

— О чем?

— На эти пять месяцев я хотел бы получить работу, которая потом могла бы мне пригодиться. И еще — возможность перебраться на другой остров.

— Хорошо, договорились. Но это должно оставаться строго между нами.

— Конечно, начальник.

И вот с целым багажом из пары совершенно новых белых брюк, трех курток и соломенной шляпы я отправился в центральный лагерь в сопровождении охранника. Огромные деревянные ворота высотой метра четыре были нарас-

пашку. У входа две комнаты для охранников, в каждой — по четверо дежурных. Никаких ружей, у всех только револьверы. Еще я увидел пять или шесть арабов.

Не успел я появиться у входа, как все они высыпали на улицу. Главный из них, корсиканец, сказал:

— Ну вот вам и новичок. Сразу видно, стрелянный воробей.

Арабы уже приготовились было обыскать меня, но он остановил их.

— Нечего шарить по чужим сумкам и заставлять человека показывать все свое барахло! Входи, Папийон. Тут тебя ждет уже целая куча приятелей, уверен. Я — Соффрани. Желаю удачи на островах. Добро пожаловать!

— Спасибо, начальник.

Я вошел в просторный двор с тремя большими зданиями. В сопровождении охранника подошел к одному из них с табличкой на двери «Особая категория». Охранник крикнул:

— Староста!

Появился пожилой заключенный.

— Здесь новичок! — Охранник развернулся и ушел.

Я вошел в огромную прямоугольную комнату, где размещалось сто двадцать человек. По обеим сторонам прохода тянулись металлические перегородки с одной лишь дверью из сварного железа. Они запирались только на ночь. Между стеной и перегородкой подвешены куски грубого полотна, которые здесь назывались гамаками, — в них спали. Кстати, очень удобная и гигиеничная штука, эти гамаки. У изголовья каждого — две полочки, куда можно сложить вещи: одна для одежды, другая для еды, посуды и прочего. Между перегородками тянулася «аллея» — проход метра три шириной. Здесь жили гурби, или маленькими группами. В некоторых насчитывалось всего двое, в других — до десяти человек.

Не успел я войти, как меня со всех сторон окружили заключенные.

— Папи, давай сюда! Нет, к нам!

Гранде взял мою сумку и сказал:

— Он будет жить с нами. — Я последовал за ним. Гамак для меня уже натянули. — Лови, браток! Вот тебе подушка, легкая, мягкая, чистое перо! — крикнул Гранде.

Я увидел массу знакомых лиц: корсиканцев и марсельцев, нескольких типов, которых знал еще по Парижу, встречался в Санте, Консьержери или в конвое. И спросил:

— Как это вы не работаете в это время дня?

Все дружно расхохотались.

— Слушай, золотыми бы буквами выбить эти слова! В нашем блоке пашут от силы по часу в день, да и то не все! А потом кучкуемся тут!

Да, прием был самый сердечный, оставалось надеяться, что и дальше все пойдет так же.

В этот момент случилась весьма необычная для меня вещь. Вошел какой-то тип, тоже в белом, он нес поднос, покрытый безукоризненно чистой салфеткой, и выкрикивал:

— Бифштексы, бифштексы! Кто желает бифштексы?

Он приблизился к нашему углу, приподнял салфетку, и я увидел изумительные куски мяса, уложенные ровными рядами. Не хуже, чем в Париже в мясной лавке. Очевидно, Гранде был постоянным покупателем, поскольку тот не спросил его, хочет ли он бифштексов, а спросил сколько.

— Пять!

— Крестец или лопатку?

— Вырезку. Сколько с меня? Запиши в счет, тут у нас добавился еще один человек.

Продавец вынул блокнот и начал делать какие-то подсчеты. Затем сказал:

— Итого, сто тридцать пять франков.

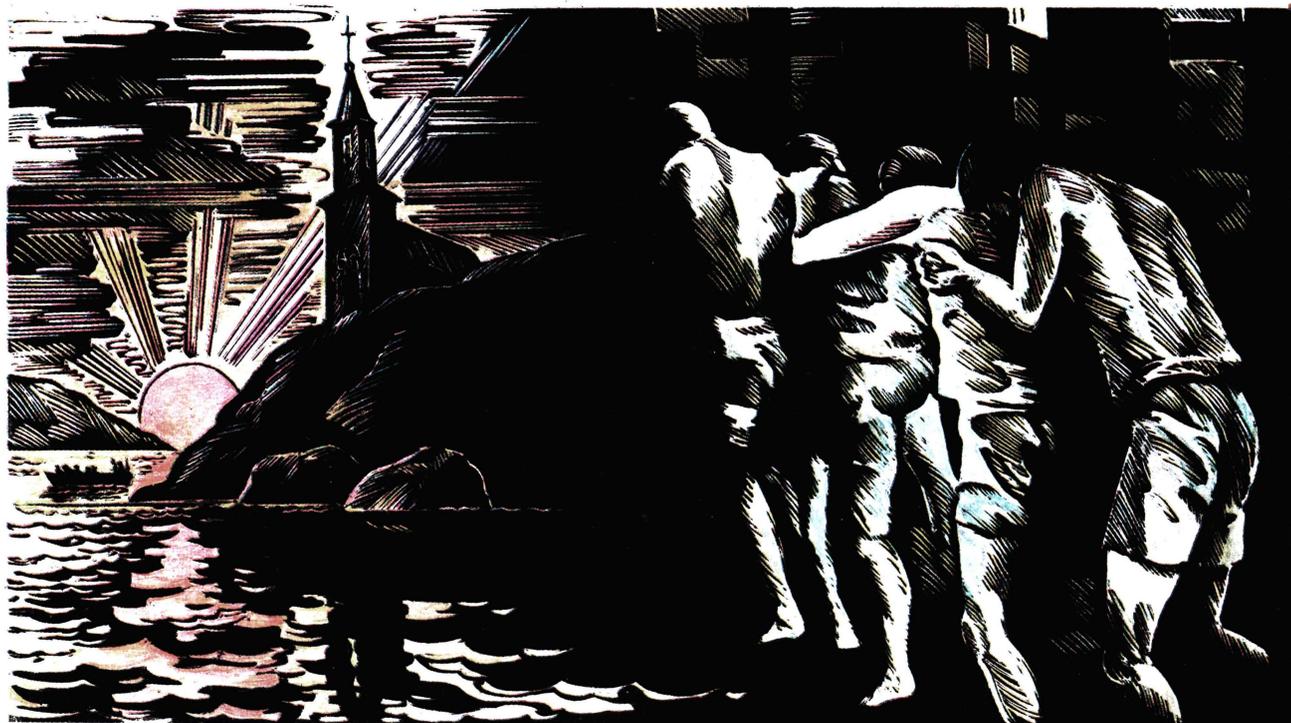
— Ладно. Возьми и начинай счет по новой.

Когда он ушел, Гранде заметил:

— Тут сдохнешь как собака без наличника. Но есть и преимущество — торгуют буквально всем.

Действительно, здесь все торговали всем. Лагерный повар продавал мясо, предназначенное для заключенных. Часть мяса прямо с кухни шла охранникам, а большую раскупали за свои деньги заключенные. Ну и конечно же, повар делился с кухонным надзирателем. И первыми его клиентами были ребята из блока «А» — особая категория, то есть из нашего блока.

Пекарь торговал выпечкой и тонкими длинными батонами, которые полагались здесь только охране, мясник продавал мясо, санитар — лекарства и наркотики, чиновник, от которого зависело распределение работ, — самые лакомые и доходные места или освобождения от работы, садовник — свежие овощи и фрукты, лаборант из больницы — результаты анализов и даже заходил столь далеко, что продавал медицинские заключения, плода симулянтов — прокаженных, дизентерийных и так далее. Были здесь и мелкие воришки, специализирующиеся на кражах со дворов и домов охранников. Они тащили все подряд — яйца, цыплят, мыло. «Домашние» мальчики торговали женщинами,

на которых работали, и по просьбе приносили в лагерь масло, сгущенку, порошковое молоко, банки сардин, сыр и, конечно же, вино и более крепкие напитки. Были тут и такие, кому разрешалось ходить на рыбалку, и они, естественно, торговали своим уло. ом.

Но лучшим и выгоднейшим, хотя и небезопасным занятием считалась здесь карточная игра. Особенно доходно было содержать игорный стол. Согласно правилам за ним никогда не должно быть больше трех-четырех человек на каждый блок из ста двадцати заключенных. Человек, который хотел вести стол, появлялся обычно ночью, когда игра была уже в разгаре, и заявлял:

— Я хочу место банкомата.

— Нет! — отвечали ему.

— Все говорят «нет»?

— Все!

— Тогда (он называл кого-то из присутствующих) я занимаю твое место!

Человек, которого он назвал, вставал, выходил на середину комнаты, и они дрались на ножах. Победитель становился хозяином стола и пяти процентов от любого выигрыша.

Здесь была масса умельцев, производящих разные занятные вещицы — ими тоже, конечно, торговали. Так, из панциря черепахи делали браслеты, серьги, ожерелья, портсигары, расчески и ручки для щеток. Однажды я даже видел целую шкатулочку из панциря белой черепахи — настоящее произведение искусства. Другие занимались резьбой по скорлупе кокосовых орехов, коровьему рогу, делали змеек из дерева твердой породы. Самые мастеровитые работали с бронзой. И конечно же, тут была целая армия художников.

Иногда они объединяли свои усилия. Так, например, рыбак ловил акулу. Особым образом обрабатывал ее челюсти, оставляя их широко разверстыми, полировал и начищал каждый зуб. Затем какой-нибудь мастер изготавливал небольшую якорь из дерева. Якорь вставлялся в акульную пасть. Потом художник рисовал на нем картину. Чаще всего это был вид островов Спасения с морем. Наиболее популярный сюжет — очертания Руаяля и Сен-Жозефа на дальнем плане, над горизонтом заходит солнце, лучи освещают поверхность синего моря, а на море — лодка. В ней шестеро обнаженных по пояс заключенных стоят, подняв весла в воздух, на корме трое охранников с ружьями. А двое спускают в море запеленутого в мешковину покойника, из воды уже высунули свои разверстые пасти акулы и ждут труп. Внизу в правом углу надпись: «Похороны на Руаяле», и дата.

Все эти изделия широко сбывались охранникам и их семьям.

Этот непрекращающийся круглосуточный бизнес свидетельствовал, что на острова шел большой приток денег, и это не противоречило интересам администрации и охранников. Ведь люди, поглощенные разного рода комбинациями, куда легче управляемы и легче приспособляются к новому образу жизни.

Гомосексуализм здесь был признан почти официально. Все, начиная от коменданта, знали, что такой-то или такой-то является «женой» такого-то. И если его ссылали на другой остров, то вскоре за ним следовала и его «подружка». Конечно, если их сразу не посылали вместе.

На сотню заключенных едва приходилось трое, решившихся бежать отсюда, даже среди приговоренных к пожизненному заключению. Но для побега надо прежде всего всеми силами и средствами стремиться попасть на материк — в Сен-Лоран, Кору или Кайенну. Впрочем, ссылали туда людей с ограниченным сроком, с пожизненным же могли попасть на материк лишь в том случае, если совершали убийство. Тогда их отправляли на суд в Сен-Лоран. Однако для этого надо было сознаться в содеянном, а это риск, грозящий пятью годами одиночки.

Можно было добиться перевода по состоянию здоровья. Если обнаруживали туберкулез, то отправляли в специальный «Новый лагерь» за восемьдесят километров от Сен-Лорана.

Проказа тоже срабатывала. И конечно же, дизентерия. Получить нужную справку было несложно. Но и тут существовал огромный риск — почти два года жить в специзоля-

торе бок о бок с настоящими больными, страдающими от избранного вами заболевания. Легче всего было подцепить дизентерию.

Каждый день я узнавал о жизни на островах что-то новое. Обитатели нашего барака представляли собой удивительное смешение характеров и типов. Удивительное во всех отношениях — и в плане их прошлого, и в плане того, как они вели себя здесь. Я все еще не работал — ждал места ассенизатора, которое позволило бы свободно перемещаться по острову, не проработав и часа. К тому же тогда я мог бы ловить рыбу.

Утром на переключке перед отправкой на плантации кокосовых орехов выкликнули имя Жана Каstellи. Он шагнул из рядов и сказал:

— Это как понять? Выходит, меня посылают на работу? Меня?

— Да, тебя, — подтвердил охранник-надсмотрщик. — На, держи лопату!

Каstellи метнул в его сторону ледяной взгляд.

— Послушай, парень, оставь ее себе. Надо родиться в какой-нибудь гнилой дыре, чтобы уметь обращаться с этой штукой. Быть из провинции, как ты. Я же — корсиканец из Марселя. На Корсике настоящие мужчины никогда к ней не прикасаются. А в Марселе даже не знают о ее существовании! Так что забери свою лопату и оставь меня в покое.

Молодой охранник, как позднее выяснилось, еще плохо знакомый со здешними нравами, пригрозил Каstellи лопатой. И тут же все сто двадцать человек в один голос взревели:

— Только тронь его, ублюдок, и ты мертв!

— Расходишь! — заорал Гранде, и, не обращая внимания на охранников, толпа повалила в барак.

Блок «В» отправился на работу в полном составе. Блок «С» тоже. С десяток охранников вернулись и заперли решетчатую дверь. Такое случалось редко. Через час к нашему бараку их набежало человек сорок. Все с автоматами. Помощник коменданта, главный надзиратель, начальник охраны — все были здесь, за исключением самого коменданта, до начала инцидента отбывшего инспектировать остров Дьявола. Помощник коменданта сказал:

— Дачелли! Выкликайте поименно, по одному!

— Гранде!

— Здесь!

— Выходи!

Он вышел и оказался в окружении охранников. Дачелли командовал:

— На работу!

— Не могу.

— Отказываешься?!

— Нет, не отказываюсь. Болен.

— С каких это пор? Тебя нет в списке больных.

— А утром я не был болен. Сейчас заболел.

Первые шестьдесят человек, вызванные таким образом, заявили точь-в-точь то же самое. Только один открыто отказался подчиниться. Наверняка он сделал это, чтобы его отправили в Сен-Лоран и отдали под суд. И когда его спросили: «Отказываешься?», он ответил:

— Да, отказываюсь! Трижды отказываюсь!

— Трижды? Почему?

— Да потому, что меня от вас тошнит. Категорически отказываюсь работать на таких ублюдков, как вы!

Обстановка накалилась до предела. Охранники, в особенности помоложе, никак не могли смириться с тем, что заключенные так их унижают. Они ждали лишь угрожающего жеста или движения со стороны заключенных, который позволил бы им применить оружие.

— Всем вызванным раздеться! И марш в барак, быстро!

Одежду начали снимать, время от времени слышался ляг упавшего на камни ножа. В этот момент появился врач.

— Смирно! Вот и врач! Доктор, будьте любезны осмотреть этих людей! Если они окажутся здоровы, немедленно в карцер! Все остальные — в барак!

— Это что же, все шестьдесят человек сказались больными?

— Да, доктор, за исключением вот этого, он просто отказывается работать.

— Так. Кто первый? — спросил врач. — Гранде, что с вами?

— Отравление, доктор. Охранниками. Все мы приговорены к длительным срокам, некоторые пожизненно. Надежды уйти с островов никакой. И вынести это можно только в том случае, если будет какое-то понимание и уважение к нашим законам. Но сегодня утром один охранник зашел слишком далеко — он пытался на глазах у всех ударить ручкой лопаты нашего товарища, которого все здесь уважают. Причем не в целях самообороны, наш человек никому не угрожал. Он просто сказал, что не хочет иметь дела с лопатой. Вот источник нашей эпидемии, доктор, а там решайте сами.

Склонив голову, врач с минуту думал, а затем сказал:

— Санитар, запишите следующее: «По случаю массового пищевого отравления медицинский работник такой-то должен предпринять все необходимые меры для лечения заключенных, которые внесли себя в список больных. Каждому по двадцать граммов сульфата натрия. Что же касается заключенного такого-то, то его следует поместить в больницу на обследование и выяснить, был ли он в здравом уме, когда отказался работать».

Он повернулся и ушел.

— Все в барак! — заорал помощник коменданта. — Собирать барахло. И ножички, пожалуйста, не забудьте!

Весь день мы просидели в бараке. Никого не выпускали, даже человека, чьей обязанностью было ходить за хлебом. Около полудня санитар в сопровождении двоих заключенных внес вместо супа деревянную лохань с сульфатом натрия. Но только трое из наших успели отведать слабительного. Четвертый забился в притворном припадке эпилепсии и опрокинул лохань, а заодно и ведро, а все ложки раскидал по сторонам. На том инцидент был исчерпан, разве что староста после долго мыл и убирал в бараке.

Сегодня весь день проговорил с Жаном Кастелли по прозвищу Старина. Он был профессиональным взломщиком, человеком необычайной силы воли и высокого интеллекта. Он ненавидел насилие. У него было много разных странностей, например, он мылся только самым простым мылом. Стоило ему унюхать, что я мылся «Палмоливом», как он морщил нос и восклицал:

— Господи, ну и воняет! Как от педрилы! Намылся шлюхиным мылом!

Было ему пятьдесят два, но несмотря на это, энергия так и била из него ключом.

— Папийон! Ты мне прямо как сын. Жизнь здесь тебя не интересует. Ты хорошо ешь, потому что хочешь сохранить форму. Но ты никогда не сможешь осесть здесь, на островах. Я поздравляю тебя. Тут едва наберется полдюжины ребят, что придерживаются того же образа мыслей. Особенно в плане побега. Здесь немало людей, готовых заплатить целое состояние, чтобы попасть на материк, откуда бежать легче, но в побег с островов никто не верит.

Старина Кастелли посоветовал мне учить английский и при любой возможности говорить с испанцами по-испански. Он одолжил мне учебник испанского в двадцать четыре урока и франко-английский словарь. Он очень дружил с марсельцем по имени Гарде, большим спецом по побегам. Сам марселец бежал уже два раза — первый раз с португальской каторги, второй — с материка. У него были свои идеи относительно побега с островов, у Кастелли — свои. Тулузец Гравон имел свое мнение. И все они не совпадали. Поэтому я решил мыслить и действовать самостоятельно, ни с кем больше не советуясь.

Вчера вечером мне представилась возможность дать понять в бараке, что почем и кто я такой. Некий громила из Нима по прозвищу Баран пытался спровоцировать на драку на ножах одного паренька из Тулузы по прозвищу Сардинка. Баран, голый по поясу, перегородил проход и, играя ножом, сказал:

— Или гонишь мне двадцать пять франков за каждую игру, или играть не будешь!

— Да здесь сроду никто никому ничего не платил за игру в покер! — воскликнул Сардинка. — Чего прицепился? Чего тебе не пойти туда, где играют марсельцы?

— А это не твоего ума дело! Или платишь, или не играешь! А не то давай драться!

— Нет, драться я не буду.

— Тогда, значит, сваливаешь?

— Да. Не хочу получить перо в брюхо от Гориллы, кото-

рая даже ни разу не попробовала бежать! Я лично собираюсь бежать и не хочу убивать или быть убитым!

Все напряглись: что будет дальше?

— Этот малыш — наверняка хороший парень, — шепнул мне Гранде. — Жаль, что мы ничем не можем ему помочь. Я раскрыл нож и сунул его под бедро. Сидел я в гамаке у Гранде.

— Эй ты, вошь! Так будешь платить или нет? — И Баран шагнул к Сардинке.

И тут я крикнул:

— А ну, заткни свою вонючую пасть, Баран! И оставь парня в покое!

— Ты что, взбесился, Папийон? — прошептал Гранде.

Сидя все так же неподвижно с припрятанным под ногой ножом и держа руку на рукоятке, я сказал:

— Нет, не взбесился. Вот что я хочу сказать, при всех, прежде чем начну с тобой драться, Баран. Если ты, конечно, не раздумашь после того, что услышишь. За все время, что я сижу в этом бараке, где нас больше сотни, и все ребята будь здоров, мне стыдно и больно видеть, что одна-единственная стоящая чего-нибудь вещь здесь презирается. Лично я считаю, что, если человек бежал или доказал, что может бежать и готов рискнуть жизнью ради свободы, он заслуживает уважения всех и каждого, невзирая на все остальные качества. Может, кто не согласен? — Молчание. — Да, здесь свои законы, но нет самого главного: каждый должен не только уважать беглеца, но всячески помогать и поддерживать. Не обязательно должен бежать каждый. Но если у вас не хватает духу рискнуть и попробовать начать жизнь сначала, то по крайней мере отдавайте должное тем, кто на это решается. И если кто забудет этот простой мужской закон, то он свое получит, обещаю. Ну а теперь, Баран, если не раздумал, я к твоим услугам! — И одним прыжком я оказался на середине комнаты с ножом в руке. Баран швырнул свой нож на пол и сказал:

— Ты прав, Папийон. Поэтому на ножах я драться с тобой не буду. Давай на кулаках, чтоб не думали, что я трусливая вошь!

Я передал нож Гранде. И мы сцепились, как две дикие кошки. Продолжалось все это минут двадцать. В конце концов после ловкого удара головой я вышел победителем. И мы отправились вместе в сортир смывать кровь с физиономий.

— Ты прав! — сказал Баран. — Все мы стали тупым и послушным стадом на этих островах. Я торчу здесь вот уже пятнадцать лет, но так и не собрал несчастные тысячу франков, чтобы перебраться на материк. Позор!

Я вернулся к своим, и тут же на меня набросились Гранде и Гальгани.

— Рехнулся ты, что ли! Так всех оскорблять! Просто чудо, что никто не выпрыгнул в проход с ножом и не прикончил тебя.

— Нет, ребята! Ничего удивительного. В уголовном мире принято: если человек не прав, он открыто признается в этом.

— Что ж, может, и так, — сказал Гальгани. — Однако не стоит шутить с огнем.

Прошлой ночью убили итальянца по имени Карлино. Он жил с «женой» — молоденьким мальчиком. Оба работали садовниками. Должно быть, он знал, что его жизнь в опасности, потому что ночью, когда он спал, его сторожил мальчик, и наоборот. А под гамак они накидали пустых жестянок, чтоб слышать, если кто попробует подобраться. И все равно его убили. И именно снизу, через гамак. Вслед за его пронзительным воплем раздался грохот жестянок, на которые наткнулся убийца.

Гранде в это время сидел за игрой с марсельцами. Их там собралось человек тридцать. Я стоял рядом. Крик и грохот банок остановили игру. Все вскочили. Приятель Карлино ничего не видел, а сам Карлино уже не дышал. Староста спросил, стоит ли вызывать начальство. Нет, успеет завтра утром, на переключке. Раз человек умер, ему уже ничем не поможешь.

— Никто ничего не слышал! — сказал Гранде. — В том числе и ты, малыш, — обратился он к приятелю Карлино. — Скажешь, что проснулся утром, а он уже мертвый.

И игра возобновилась.

Я с нетерпением ждал, что же произойдет, когда надзиратели обнаружат убийство. В полшестого первый гонг. В шесть — второй и кофе. В половине седьмого после третьего гонга все выходили на переключку.

Однако на этот раз установленный порядок был нарушен. После второго гонга староста обратился к охраннику, сопровождавшему разносчика кофе:

— Начальник, тут человека убили!

— Кого?

— Карлино.

— Хорошо.

Десять минут спустя явилось шестеро охранников.

— Где труп?

— Там.

Они увидели нож, воткнувший в спину Карлино через полотно гамака. И вытащили его.

— Носилки и забрать его!

Двое унесли труп. Взошло солнце. Третий гонг. Держа окровавленный нож двумя пальцами, надзиратель отдал команду:

— Все во двор, на переключку! В том числе и больные!

Все вышли. Комендант и начальник охраны всегда присутствовали на утренней переключке. Когда дошли до Карлино, староста ответил:

— Умер сегодня ночью, забрали в морг.

— Хорошо, — сказал охранник, ведущий переключку.

Выяснилось, что все остальные на месте, и начальник лагеря, подняв нож, спросил:

— Кто-нибудь узнает этот нож? — Нет ответа. — Кто-нибудь видел убийцу? — Мертвая тишина. — Значит, как всегда, никто ничего не знает?.. Шагом марш мимо меня, руки вытянуть вперед! А потом все по своим рабочим местам! Вот так, господин комендант, никогда нельзя выяснить, кто виноват.

— Расследование закончено! — резюмировал комендант. — Заберите нож и прикрепите к нему бирку с надписью: «Им убит Карлино».

И все. Для здешнего начальства жизнь заключенного значила не больше, чем жизнь бродячей собаки.

С понедельника я начал работать ассенизатором. В половине пятого вышел из барака и еще с одним человеком начал опорожнять параша блока «А» — нашего блока. Их надо было свозить к морю и выливать. Но возница, если ему заплатить, соглашался ждать на плато в том месте, где к морю вел узкий зацементированный желоб. Тогда быстро, минут за двадцать, мы выливали все содержимое бочек в него, а потом — тонны три морской воды, которая все смывала. Морскую воду заранее привозил в огромной бочке один очень славный негр с Мартиники, которому мы платили по двадцать франков в день.

Итак, я ассенизатор. Каждый день, закончив работу, я хорошо мылся, переодевался в шорты и отправлялся на рыбалку. От меня требовалось только одно — быть в лагере в полдень. Через Шата удалось раздобыть удочки и крючки. И когда я шел по дороге, неся на проволоке целую связку прекрасной крупной суданки, меня часто окликали с порога жены охранников:

— Эй, Папийон! Продай пару килограммов суданки!

Уловы были большие, но я отдавал всю рыбу ребятам в лагере. Или менял на тонкие длинные батоны, овощи или фрукты. Как-то я шел к лагерю с доброй дюжиной крупных крабов и несколькими килограммами суданки, и меня окликнула какая-то толстая женщина:

— Смотрю, у тебя хороший улов, Папийон! А море такое неспокойное, никто ничего не ловит. Уже недели две рыбы не ела. Жаль, что ты не продаешь никому. Жены охранников жалуются.

— Это верно, мадам. Но для вас я могу сделать исключение.

— Это почему?

— Вы несколько полноваты, рыба вам полезна.

— О да! Врач рекомендовал мне есть только овощи и отварную рыбу. Но где ее взять?

— Здесь, мадам. Вот, возьмите крабов и суданки. — И я отдал ей килограмма два рыбы.

С того дня всякий раз, когда улов бывал приличный, я отдавал ей часть рыбы. Она прекрасно знала, что на островах все продается и покупается, но никогда ничем меня не благодарила, кроме «спасибо», и была, конечно, права, потому что понимала — я оскорбюсь, если она предложит мне деньги. Зато она часто приглашала меня в дом, где сама наливала стаканчик ананасового ликера или белого вина. А если ей присылали с Корсики кенкину, она всегда угощала меня. Мадам ни разу не задала мне ни единого вопроса о прошлом. Именно от нее узнал я происхождение названия островов. Когда однажды в Кайенне разразилась эпидемия желтой лихорадки, монахи и монахини одного монастыря нашли здесь убежище и все до единого спаслись. С тех пор они и стали зваться островами Спасения.

Под предлогом рыбалки я мог ходить всюду где заблагорассудится. За три месяца, что я работал ассенизатором, мне удалось изучить остров вдоль и поперек. А под предлогом обмена рыбы на овощи и фрукты я заглядывал и в сады. Садовником в одном из них, что возле кладбища для охранников, был Матье Карбоньери из моего «гурби». Он работал совершенно один, и я подумал: вот удобное место, где можно изготовить и спрятать плот, ведь уже через два месяца комендант уезжает, и руки у меня будут развязаны.

Все складывалось довольно удачно. Официально я числился ассенизатором, но на деле почти всю работу выполнял за меня негр с Мартиники. Ему, конечно, платили за хлопоты. Я подружился с двумя свояками, приговоренными к пожизненному, Нариком и Кенье по прозвищу Тачечники. Говорили, что они убили и зацементировали в бетонную плиту сборщика налогов. Нашлись и свидетели, которые видели, как они катили эту плиту в тачке и по всем предположениям столкнули ее затем в Марну или Сену. Следствие установило, что сборщик налогов заходил к ним в дом, и с тех пор его больше никто не видел. Свояки все отрицали напрочь и, даже сидя на каторге, продолжали твердить, что невиновны. И хотя тела полиция так и не нашла, она обнаружила голову, завернутую в платок. А дома у Тачечников нашлись платки, которые согласно заключению экспертизы точь-в-точь соответствовали по строению и составу нити тому, в который была завернута голова. Однако адвокаты и сами подсудимые доказали, что тысячи и тысячи метров такой же ткани производится на фабрике для подобных платков. У всех такие платки. В конце концов родственники приговорили к пожизненному заключению, а жена одного из них и сестра другого получили по двадцать лет каторги.

Я сблизился с ними. Они работали строителями и могли свободно входить и выходить из лагеря. Возможно, понекому им удастся раздобыть все необходимое для постройки плота. Надо лишь их уговорить.

Вчера встретил врача. Я тащил рыбинку килограммов на двадцать под названием мера — настоящий деликатес. Нам оказалось по дороге. На полпути мы присели отдохнуть на низкую изгородь. Он сказал, что умеет готовить великолепный суп из головы этой рыбы. И я отдал ему голову и вдобавок — большой кусок мяса. Он удивился и после паузы сказал:

— Не держи на меня зла, Папийон.

— Что вы, доктор, напротив. Я так признателен вам за то, что вы сделали для моего друга Клозио.

Мы поболтали еще немного, а потом он спросил:

— Ты действительно хочешь бежать, Папийон? Я же знаю, ты человек неординарный и совсем не похож на остальных заключенных.

— Верно, доктор. Тюрьма не для меня. Я здесь только временный жилец.

Он собрался было рассмеяться, но я его остановил:

— Вы не верите, что человек может начать новую жизнь?

— Ну почему же нет, конечно, верю!

— Как вам кажется, могу ли я жить в обществе, быть уважаемым его членом и не представлять для него опасности?

— Искренне верю в это.

— Тогда почему бы вам не помочь мне осуществить эту мечту?

— Каким образом?

— Отправьте меня на материк как больного туберкулезом.

И тут он подтвердил мои худшие опасения.

— Это невозможно. И потом, не советую. Это просто опасно. По болезни могут отправить лишь после того, как человек провел год в специзоляторе для больных той же болезнью.

— Почему?

— В этом довольно стыдно признаваться, но мне кажется, здесь расчет на то, что симулянт знает, что может заразиться, находясь рядом с настоящими больными, на деле так и происходит. Нет, я ничем не могу тебе помочь.

С тех пор мы с врачом подружились и дружили вплоть до того момента, когда он чуть не убил моего друга Карбоньери. Матье Карбоньери тем временем поступил по моему совету помощником повара на кухню одного из лагерных начальников. И все для того, чтобы узнать: есть ли шанс украсть там три бочки из-под вина, масла или уксуса, которые могли бы пригодиться для строительства плота. Но осуществить это было довольно сложно — в течение одной ночи мы должны были украсть эти бочки, тихо и незаметно доставить их к морю, а там связать проводом. Единственный шанс появлялся в штормовую погоду с дождем и ветром. Но в шторм трудно спустить плот на воду.

Итак, Карбоньери работает на кухне. Шеф-повар дал ему трех кроликов, которых следовало приготовить к воскресному обеду. К счастью, Карбоньери успел освежать их прежде, чем отправить одного своему брату и двух нам. Затем он убил трех жирных котов и приготовил роскошное жаркое. Но к несчастью для Карбоньери, на обед был приглашен врач, который, отведав «кроликов», заметил:

— Месье Филидори, поздравляю вас, у вас прекрасный повар. Эти кошки просто восхитительны!

— Вы что, шутите, доктор? Это блюдо из замечательных упитанных кроликов.

— Нет, — сказал доктор с упрямством мула. — Это кошка. Вот, видите ребрышки? Они плоские. А у кроликов округлые. Это кошка, вне всякого сомнения кошка!

— Господи, мой Боже! — воскликнул корсиканец. — Так у меня в желудке кот?! — И он бросился на кухню и сунул револьвер к носу Матье:

— Может, ты тоже бонапартист, как и я, но это не помещает мне прихлопнуть тебя за то, что ты заставил меня съесть кота!

Карбоньери никак не мог смекнуть, откуда он знает, и сказал:

— Если уж вам так хочется называть тех зверюшек, которых вы мне дали, кошками, — это ваши проблемы, а не мои.

— Я дал тебе кроликов!

— Ну их я и сготовил! Вон там головы и шкурки!

Корсиканец увидел кроличьи головы и шкурки и окончательно запутался.

— Получается, этот врач сам не знает, что болтает.

— А, так это врач сказал! — воскликнул Карбоньери, еле переведя дух. — Так это же он над вами издевается! Вы ему скажите, что так шутить нехорошо.

Совершенно счастливый Филидори отправился в столовую и заявил врачу:

— Болтаете Бог знает что, доктор! Это вино вам в голову ударило. Круглые там ребрышки или плоские, я все равно знаю, что это кролики! Там их шкурки и головы.

Матье тогда едва уцелел. И несколько дней спустя решил оставить столь опасную должность.

Время решительных действий приближалось. Барро должен уехать через несколько дней. Вчера я ходил повидаться с его женой-толстушкой, которая, кстати, сильно похудела, сидя на диете из рыбы и овощей. Эта добрая женщина пригласила меня в дом и дала бутылку кенкини. Они готовились к отъезду. Вся комната была забита полуупакованными ящиками и сундуками.

— Папийон, — сказала мадам Барро, — я не знаю, чем отблагодарить тебя за твою доброту. Ведь когда улов у тебя был небогатым, ты отдавал мне всю рыбу. И теперь благодаря тебе я чувствую себя куда лучше, похудела на четырнадцать килограммов. Чем тебя отблагодарить?

— Мне очень нужен хороший компас, мадам. Маленький, но точный. Это сложно?

— Не так уж и сложно, Папийон, но для этого нужно время. А у нас всего три недели осталось.

За неделю до отъезда эта великодушная женщина, не сумев достать компас на острове, специально отправилась в Кайенну. И через четыре дня вернулась с великолепным противоманитным компасом.

Тетрадь седьмая

ОСТРОВА СПАСЕНИЯ

ПЛОТ В МОГИЛЕ

К концу пятого месяца я знал на острове каждый угол и закоулок. Наилучшим местом для постройки плота был, по моему мнению, сад возле кладбища, где когда-то работал мой друг Карбоньери. Я попросил его снова занять эту должность и постараться обходиться без чьей-либо помощи. Он согласился и благодаря Дега получил это место.

Однажды утром, проходя мимо дома нового коменданта с прекрасным уловом, я услышал, как заключенный из «домашних» мальчиков говорит какой-то молодой женщине:

— Мадам, вот тот человек, который носил рыбу мадам Барро.

Хорошенькая темноволосая и загорелая женщина много восточного типа воскликнула:

— Так это Папийон? — и обратилась ко мне: — Как-то мадам Барро угостила меня изумительным блюдом из крабов вашего улова. Зайдите! Надеюсь, не откажетесь от стаканчика вина и козьего сыра, который мне только что прислали из Франции?

— Нет, благодарю, мадам.

— Но почему нет? Вы же заходили к мадам Барро, почему бы и ко мне не зайти?

— Я заходил с разрешения ее мужа.

— Послушайте, Папийон, мой муж командует в лагере, а командир в доме — я. Заходите, не стесняйтесь!

Я почувствовал, что эта хорошенькая волевая женщина может быть или очень полезной, или крайне опасной для меня, и зашел.

В столовой она угостила меня ветчиной и сыром, а потом без всяких церемоний присела напротив и налила мне вина, а затем кофе с отличным ямайским ромом.

— Папийон, — сказала она, — несмотря на всю предостереженную суету, мадам Барро сумела рассказать мне о вас. Я знаю, она была единственной на острове женщиной, которая получала от вас рыбу. Надеюсь, и мне вы не откажете?

— Я давал ей рыбу, потому что она болела. А вы, насколько можно судить по вашему виду, вполне здоровы.

— Я никогда не вру, Папийон. Да, я действительно здорова, но я родилась у моря и обожаю рыбу. Я из Орана. Меня смущает только то, что вы не берете за рыбу денег. Это ставит в неловкое положение.

Короче, она уговорила меня, и я согласился поставлять ей рыбу. Отдал ей килограмма три суданки, шесть лангустов и только закурил, как в комнату вошел комендант. Увидев меня, он сказал:

— Жюльетта, я же предупреждал: за исключением помощника по дому ни один заключенный не должен переступать нашего порога!

Я вскопчил, но она сказала:

— Это заключенный, о котором говорила мадам Барро. Кроме него, никто заходить не будет. Мы договорились, что он станет приносить мне рыбу.

— Хорошо, — сказал комендант. — Ваше имя?

Я уже было снова привстал, но Жюльетта, положив мне руку на плечо, заставила сесть.

— Это мой дом, — сказала она, — и комендант здесь не комендант. Он просто мой муж — господин Пруйе.

— Благодарю, мадам. Мое имя Папийон.

— А-а, так я о вас слышал! И о вашем побеге из больницы в Сен-Лоране, и о прочих подвигах тоже. Кстати, один из охранников, которого вы тогда оглушили, мой племянник.

Жюльетта весело расхохоталась.

— А, так это вы вырубали беднягу Гастона? Впрочем, это не повлияет на наши отношения.

— Скажите, — обратился ко мне комендант, — а вы давно

рыбачите? И какая у вас работа, что вы можете себе это позволить?

— Я ассенизатор. Заканчиваю работу в шесть утра и тут же беру удочку.

— А потом сидите с ней целый день,— добавила Жюльетта.

— Нет, к полудню я должен быть в лагере. С трех до шести снова можно выходить. Неудобно, конечно. Из-за всех этих приливов и отливов я выпускаю самое лучшее время для рыбалки.

— Выпиши ему специальный пропуск, дорогой! — обратилась Жюльетта к мужу.— С шести утра до шести вечера. И пусть себе ловит когда ему хочется.

— Хорошо,— ответил комендант.

Случайно я познакомился с одним человеком из Валанса. Он был почти мой земляк. Сидел за убийство лесника. Отчаянный игрок по натуре, вечно в долгах. Днем он трудился как проклятый над разными поделками из дерева, а за ночь спускал за игорным столом все заработанное. Он часто работал просто за долги, и этим бессовестно пользовались кредиторы. Иногда шкатулку из красного дерева стоимостью в триста франков он отдавал за сто пятьдесят — двести. Я решил прощупать его.

Как-то в умывалке я сказал ему:

— Надо бы вечером поговорить. Буду ждать в сортире. Дам знать, когда.

И вот ночью мы оказались одни и могли спокойно говорить. Я сказал:

— А ты знаешь, что мы из одних краев, Бурсе?

— Нет. Как это?

— Ведь ты из Валанса?

— Да.

— Ну вот. А я из Ардеша. Так что мы земляки.

— Ну и что с того?

— А вот что. Видеть не могу, как тебя обдирают твои кредиторы. Прямо как липку. Лучше уж приноси мне свои вещи и получишь полную стоимость, вот и все.

— Спасибо,— сказал Бурсе.

И я начал помогать ему. Он совершенно запутался в долгах. Все бы ничего, но однажды он задолжал Вичиоли, корсиканскому бандиту и доброму моему приятелю. Об этом поведал мне сам Бурсе и добавил, что Вичиоли угрожает ему, требуя немедленно отдать долг — семьсот франков. Маленький письменный стол, который он для него мастерилил, был почти готов. Но он не знал, когда сможет закончить работу, потому что делал ее тайно. В лагере запрещалось изготавливать мебель — на островах не хватало дерева. Я обещал помочь чем могу и договорился разыграть с Вичиоли маленький спектакль.

Вичиоли должен был сделать вид, что давит на Бурсе со страшной силой и угрожает самым серьезным образом. В критический момент появляюсь я и спасаю ситуацию. Именно это и произошло. Теперь Бурсе был, что называется, у меня в кармане и доверял мне слепо. И я решил рискнуть.

Однажды вечером я сказал ему:

— Дам две тысячи, если изготовишь мне одну вещь. Плот на двоих из двух секций, которые можно собрать.

— Знаешь, Папийон, ни для кого бы не стал, но для тебя готов рискнуть даже двумя годами одиночки, если застукают. Тут только одна загвоздка. Со двора мастерских нельзя выносить ни единого кусочка дерева.

— Есть люди, которые это устроят.

— Кто?

— Тачечники. Нарик и Кенья. Как лучше это организовать?

— Ну сначала надо сделать чертеж, потом подбирать куски дерева, по одному, чтобы все в точности можно было подогнать. Трудно найти плавучее дерево, на этих островах все деревяшки, как нахло, тяжелые, тут же тонут.

— Бежишь со мной?

— Нет.

— Почему нет?

— Боюсь акул и утонуть тоже.

— Тогда обещаешь помогать мне до конца?

— Клянусь жизнью детей. Только много времени все это займет.

— Знаешь, чтобы тебя обезопасить, я придумал одну штуку. Чертеж плота я скопирую в своей тетрадке. А внизу напишу: «Бурсе, если не хочешь, чтоб тебя убили, делай плот, как тут нарисовано». Плот по частям будешь приносить в условленное место. Так что, если тебя застукают, схлопочешь максимум полгода, не больше.

Итак, с этим тоже все было в порядке. Оставалось лишь переговорить с Матье Карбоньери, он был именно тот человек, с которым я хотел бежать. Матье с радостью согласился.

— Матье, я нашел человека, который сделает плот. Нашел и того, кто будет выносить готовые секции со двора. Теперь дело за тобой — ты должен найти место в саду, где можно его спрятать.

— Нет, в огороде опасно. По ночам в него часто лазят охранники воровать овощи. Лучше я подберу местечко у кладбищенской ограды. Выну там большой камень, подкопаю немного, и получится вроде небольшой пещерки. А придет срок — стоит только отвалить камень, и прятать там все, что хочешь.

— Так что, все эти секции доставлять тебе прямо в сад?

— Нет, слишком рискованно. Что скажут Тачечники, если их застукают в саду? Нет, лучше скажи им, пусть прятать каждый кусок в разных местах, недалеко от сада.

— Ладно.

Все вроде бы складывалось благополучно. Оставалось лишь решить проблему с кокосовыми орехами. Я должен был раздобыть их в количестве, достаточном для того, чтобы забить ими все внутреннее пространство между досками, чтобы они поддерживали плот на плаву. Причем сделать это надо было, не привлекая ничего внимания.

Прошло чуть больше месяца, как я начал готовиться к побегу. Были готовы уже семь секций плота, причем две из них довольно большие. Теперь предстояло ознакомиться с местом, где Матье собирался устроить тайник. Но пещера оказалась мне слишком маленькой, чтобы там можно было запрятать все. Впрочем, на данный момент достаточно.

Подготовка к побегу словно возродила меня к жизни. Я окреп морально и физически, хорошо и много ел, чему в небольшой степени способствовала и рыбная ловля. Кроме того, каждое утро я посвящал два часа специальным упражнениям на скалах, уделяя особое внимание ногам — руки и так окрепли благодаря рыбалке. Для ног я придумал особое упражнение. Заходил в море и стоял там, а волны разбивались о мои бедра. Чтобы устоять на месте, приходилось сильно напрягать мышцы — результат превосходил все ожидания.

Тайник был почти полон. Оставалось получить лишь две секции, самые длинные: одну двухметровую, другую — около полутора метров. Они бы в тайник не влезли.

На кладбище я заметил свежую могилу. Там неделю назад похоронили жену одного из охранников. Холмик венчала жалкая кучка полусохших цветов. Кладбищенским сторожем служил бывший заключенный по прозвищу Папа — престарелый и полуслепой. Целый день напролет он просиживал в тени кокосовой пальмы в дальнем конце кладбища, откуда никак не мог видеть эту могилу и что происходит вокруг нее. И я решил использовать это укромное место для сборки плота и наполнения его кокосовыми орехами. Их вмещалось штук тридцать — тридцать пять, гораздо меньше, чем я рассчитывал. К тому времени я накопил их по разным местам около пятидесяти. Только во дворе у Жюльетты хранилось штук двадцать. «Домашний» мальчик полагал, что из них собираются гнать масло.

Услышав, что муж умершей женщины уехал на материк, я решил вытащить из могилы часть земли — до крышки гроба.

Матье сторожил, сидя на изгороди. На голове у него красовался белый платок, завязанный узелками по углам. Рядом лежал еще один, тоже завязанный узелками, только красный. Когда опасности не предвиделось, Матье оставался в белом платке, но стоило кому-то появиться, он должен был тут же сорвать его и натянуть красный.

Это многотрудное предприятие заняло у меня весь день и ночь. Яму следовало увеличить до ширины плота — метр девяносто плюс небольшой зазор. Время тянулось бесконечно, и красный платок появлялся несколько раз. Наконец к утру все было готово. Яму накрыли пальмовыми листьями, получился довольно надежный настил. Сверху в целях маскировки накалили земли.

Из тайника мы вытащили все части плота, заранее пронумерованные и собранные. Теперь они покоились на крышке гроба почтенной матроны, скрытые листьями и землей. В тайнике возле изгороди мы спрятали три мешка от муки, двухметровую веревку для паруса, бутылку со спичками и дюжину банок сгущенки — вот и все наши припасы.

Настал сезон дождей. Ливни шли практически каждый день. Это было как нельзя на руку: я часто посещал тайник и почти закончил сборку плота. Оставалось закрепить лишь две боковых доски в раме. Кокосы я постепенно подтаскивал все ближе и ближе к саду. Теперь они хранились под навесом старого стойла для быков, откуда их можно было забрать в любой момент и без всякого риска. Мои друзья не задавали лишних вопросов. Лишь время от времени интересовались:

- Ну как, все нормально?
- Да, прекрасно.
- Что-то дело затянулось...
- Иначе нельзя, рискованно! — Вот и все.

Когда я в очередной раз выносил со двора Жюльетты орехи, она заметила меня и страшно напугала.

— Эй, Папийон, а я-то думала, ты собираешься гнать масло... Почему не здесь, во дворе? Я дам тебе нож открывать орехи и большую сковородку.

— Да ладно, в лагере собираю...

— Странно, ведь там неудобно. — И после некоторой паузы она добавила: — А знаешь, я ни на грош не верю, что ты собираешься делать масло. — Я похолодел. — Ну, во-первых, зачем оно тебе, если я и так даю тебе масло, оливковое? Нет, эти орехи предназначены для чего-то другого, ведь так? Сознайся!

По спине у меня побежали струйки пота. Каждую секунду я ожидал услышать слово «побег». С замиранием сердца я пробормotal:

— Мадам, это тайна. Вы так любопытны и обязательно хотите знать, но это испортит сюрприз. Единственное, что я могу сказать, — я специально отбирал самые большие орехи, из которых можно сделать для вас одну очень славу вещь. Честное слово!

Она, видимо, поверила.

— Ах, Папийон, мне, право, неудобно. К тому же я категорически запрещаю тебе трогать подарки! Я, конечно, очень тронута и благодарна, но прошу — не делай этого!

— Ладно, там видно будет... — Боже, какое облегчение! И я неожиданно даже для себя вдруг попросил у нее стаканчик анисовой, чего прежде никогда не делал. К счастью, она не заметила, как я распахивался. Бог миловал.

Дождь шел каждый день. Как правило — днем и ночью. Я опасался, что вода смоеет земляное покрытие и обнажится настил из пальмовых листьев. Матье каждый день накидывал на него свежую землю. Должно быть, там, внизу, все промокло. С помощью Матье я сдвинул настил — вода уже почти дошла до крышки гроба. Критическое положение. Невдалеке находилась маленькая часовня над склепом двоих давно умерших детей. Как-то раз мы сдвинули каменную плиту, загораживающую вход. Я вошел внутрь и начал продельвать в цементе отверстие на том уровне, где находилась могила с плотом. Пробив его, я едва успел вытащить свой инструмент, как в часовню хлынула вода. Это была вода, скопившаяся в могиле. С помощью этой операции нам удалось осушить тайник примерно наполовину. В тот вечер Карбоньери сказал:

- Ну и тяготины с этим побегом!
- Ладно, еще чуть-чуть и все, Матье!
- Чуть-чуть... Будем надеяться. И так все время на иглоках.

Наутро я отправился в гавань. Накануне пришлось попро-

сить Шата купить два килограмма рыбы, пообещав, что я приду и заберу ее. Проходя мимо сада Карбоньери, я заметил там три белых шлема. Что делают охранники в саду? Что они ищут?.. Странно... Никогда прежде не видел здесь охранников. Я затаился и выжидал более часа. Наконец решил пойти и посмотреть, в чем дело. И совершенно открыто, ни от кого не прячась, зашагал по дорожке, ведущей в сад. Охранники наблюдали за моим приближением. Когда до них оставалось метров двадцать, я вдруг увидел, что Матье натягивает на голову белый платок. Я с облегчением вздохнул и взял себя в руки.

— Доброе утро, господа охранники! Доброе утро, Матье! Вот, пришел за папайей, которую ты мне обещал.

— Прости, Папийон, но какая-то сволочь сперла ее сегодня рано утром, пока я ходил за подпорками для фасоли. Но не расстраивайся, дня через четыре-пять еще созреют. Уже начали желтеть. Кстати, господа, вам для ваших жен не нужны помидоры, салат, редиска?

— Ты здорово ухаживаешь за своим садом и огородом, Карбоньери, поздравляю! — сказал один из охранников. Они набрали помидоров, салата и редиски и удалились довольные. Я нарочно ушел незадолго до них с двумя пучками салата и как бы невзначай прошел мимо могилы. Дождь смыл землю, и уже метров за десять был виден настил из пальмовых листьев. Да, если уж они и этого не заметили, то Бог действительно крайне милостив к нам.

Каждую ночь дул сильный ветер, яростно завывая над долиной. Он часто приносил с собой дождь. Будем надеяться, ненастье продлится. Идеальная погода для побега, но не для могилы, где хранится плот.

Наконец благополучно была доставлена последняя планка, ее следовало прикрепить к плоту, что я и сделал.

Бурсе обрадовался, узнав, что все сошло благополучно. Я спросил его:

— А ты что, сомневался или подозревал кого? Может, кому-то проболтался?

— Упаси Бог, абсолютно никому!

— Но я же вижу — ты на взводе и дергаешься. Говори!

— Знаешь, тут на меня так подозрительно пялился один парень, Бебер Селье. Кажется, он заметил, как Нарик вытягивал эту планку из-под стола, а потом сунул ее в бочку с известью и укатил со двора. Он следил за Нариком до самых ворот. А братья собирались белить стену одного барака. Вот потому и дергаюсь.

Я обратился к Гранде:

— Слушай, этот Бебер Селье из нашего блока... Тебе не кажется, что он стукач?

— Он бывший вояка, прошел штрафной батальон. Помогал по всем военным тюрьмам от Алжира до Марокко. Драчлив, любит баловаться с ножом, неравнодушен к мальчишкам, к тому же заядлый картежник. Одним словом, ничего хорошего о нем сказать не могу. Крайне опасен. Тюрьма — его жизнь. И если ты его в чем-то заподозрил — сам делай первый шаг. Прикончи его сегодня же ночью, чтоб не успел заложить.

— Однако все это еще не доказывает, что он стукач.

— Верно, — сказал Гальгани. — Но, с другой стороны, нет доказательств, что он порядочный человек. Ты ведь знаешь, заключенные этого типа терпеть не могут побегов. Побег нарушают их покой, хорошо налаженную жизнь. Просто так они никогда никого не выдадут, но что касается побега... Как знать.

Я посоветовался с Матье Карбоньери. Он тоже считал, что надо убить Бебера сегодня же ночью, и даже вызвался сделать это. А я, дурак, остановил его. Мне была ненавистна сама идея убийства просто по подозрению. Что, если Бурсе просто показалось? У страха глаза велики. Я спросил Нарика:

— Слушай, дорогуша, а ты случайно ничего не заметил? Насчет Бебера Селье?

— Нет, ничего. Я нес бочку на плече, чтоб охранники у ворот не могли заглянуть в нее. Как мы с братом договорились, я стоял у ворот, не опуская бочку на землю, и ждал его, а охранник, видя, что я не спешу, даже не потрудился заглянуть в бочку. Но после брат говорил, что вроде бы этот Бебер Селье глаз с него не спускал.

— Ну и что ты об этом думаешь?

— Думаю, что мой брат просто распахнулся, потому что эта штука была очень большая, с первого взгляда ясно, что предназначена для плота. Вот он и перетрусил, а может, ему показалось.

— Я тоже так думаю. Ладно, оставим это. Что касается последней секции, то, прежде чем вытащить ее, хорошенько посмотрите, не отирается ли где-нибудь поблизости Бебер Селье.

Всю ночь напролет я играл в карты. Выиграл семь тысяч, и чем больше рисковал, тем больше выигрывал. В пятницу, сославшись на усталость, я встал из-за стола. Дождь прекратился, но, поскольку было еще темно, я отправился напрямик на кладбище. Лопаты я не нашел и накидал земли на могилу просто ногами. В семь, когда я направлялся на рыбалку, солнце сияло уже вовсю. Я двинулся к южному мысу, откуда собирался спустить плот на воду. Волнение было довольно сильное, и я понял, что спустить плот и отойти от берега так, чтобы тебя при этом не подхватила волна и не разбила о камни, будет непросто. Я принялся за ужение и вскоре наловил довольно много суданки.

На обратном пути заглянул к Жюльетте и отдал ей половину улова. Она сказала:

— Папийон, мне приснился очень скверный сон. Ты весь в крови и скован цепями. Смотри, не натвори глупостей. Если с тобой что случится, я буду страшно страдать. Этот сон так огорчил меня, что я взяла бинокль и пыталась рассмотреть, где ты там удишь. Но не увидела. Где ты наловил этой рыбы?

— На другой стороне острова. Отсюда не видно.

— Значит, ты ходишь удить так далеко, что тебя даже в бинокль не видно? А что, если тебя смочет волной? Тогда даже помощи ждать неоткуда. Акулы сожрут.

— Да ладно, мадам, не стоит преувеличивать.

— Я нисколько не преувеличиваю. И запрещаю тебе удить на том дальнем конце острова. А если не послушаешься, то у тебя отберут пропуск...

В лагере Бурсе пожаловался мне, что у него все время ощущение, что за ним кто-то следит. Нарик и Кенье твердили, что ничего подозрительного не замечают. Бурсе все еще возился с последней деталью. Если бы не необходимость делать пазы с точностью до миллиметра, мы с Матье давно бы уж собрали все у него в саду. Нарик и Кенье приволили в порядок часовню, чтобы там можно было сложить материалы, хранившиеся пока во дворе.

Поторапливаемый нами Бурсе почти закончил работу, но упомянул, что, когда он однажды отошел от верстака, а потом вернулся, у него возникло ощущение, что кто-то сдвигал деталь с места, а потом положил обратно. Оставалось высверлить одно крайнее отверстие. Мы посоветовали ему положить на доску волосок, чтобы потом посмотреть, трогал ее кто или нет. Он сделал отверстие и ровно в шесть вышел из мастерской последний, предварительно убедившись, что там никого не осталось, кроме охраны. Деталь была на месте, волосок не тронут.

В полдень я был в лагере. Люди начали возвращаться с работы. Нарик и Кенье пришли, а Бурсе все не было. Ко мне подошел какой-то немец и сунул в руку записку, тщательно заклеенную по уголкам. Было видно, что ее не вскрывали. Я прочитал: «Волоска нет, так что ее трогали. Попросил охранника разрешить мне остаться в мастерской на обед, чтобы закончить маленький судучок из красного дерева. Потом заберу деталь и суну ее в инструменты Нарика, предупреди ребят. Ровно в три они должны вынести ее со двора. Может, тогда успеем опередить эту сволочь, которая за нами шпионит».

Пришло срочное придумывать, как выкрутиться. Было решено, что Нарик и Кенье пойдут после обеда в мастерскую в первых рядах. Перед тем как колонна рабочих войдет на территорию, двое ребят должны разыграть драку у ворот. Мы обратились с этой просьбой к землякам Карбоньеры — двум корсиканцам с Монмартра, Массани и Сантини. Они не стали задавать лишних вопросов. Нарик и Кенье, воспользовавшись свалкой, должны были быстро вынести инструменты, делая вид, что очень спешат с работой и драка их не интересуется. Это был наш последний шанс.

Если все обойдется, затихну на месяц-другой, потому что наверняка теперь один человек, если не больше, знает, что в лагере строится плот. И обязательно будут искать его хозяина и, конечно, тайник.

В половине третьего люди стали собираться на работу. Колонна вышла из лагеря. Бебер Селье находился где-то в середине, Нарик и Кенье в первом ряду, Массани и Сантини — примерно в двенадцатом. Вроде бы все нормально. Я был уверен, что Нарик успеет забрать свое барахло вместе с деталью до того, как большая часть колонны войдет на территорию мастерских. Бебер к тому времени будет почти у ворот. И когда корсиканцы затеют драку и начнут вопить, наверняка обернется посмотреть, в чем там дело.

Четыре часа. Все сошло как нельзя лучше. Деталь лежала в куче строительного материала в церкви. Дальше ее пронести не удалось.

Я пошел повидать Жюльетту. Дома ее не оказалось. На обратном пути прошел мимо административного здания. Возле него в тени стояли Массани и Сантини и ждали, когда их отведут в карцер. Я прошел рядом и спросил:

— На сколько?

— Восемь дней, — ответил Сантини.

— Какой позор! — заметил стоявший рядом охранник. — Два человека из одной страны и передрались, как дикие собаки!

Я пришел в лагерь. В шесть появился Бурсе, радостный и возбужденный, и сказал:

— Знаешь, такое ощущение, словно у меня рак был, а потом пришел врач и сказал, что все в порядке.

Карбоньеры и другие ребята радовались и поздравляли меня с тем, как я организовал все это дело. Итак, все прекрасно. Я лег спать и пролежал в гамаке всю ночь, хотя вечером приходили ребята и приглашали на игру. Я отказался, сославшись на головную боль. В действительности я просто валился с ног от усталости. Но настроение было отличное. Еще одно маленькое усилие — и победа! Самое сложное позади.

Вчера я общался с Кастелли и рассказал ему, как обстоят дела. Он порадовался за меня и заметил:

— Луна сейчас в первой четверти.

— Знаю, и ночью она нам не помешает. В десять начинается отлив, так что самый удобный момент для спуска на воду — два часа ночи.

Карбоньеры и я решили поторопить события. Наутро к плоту мы должны прикрепить последнюю деталь, и в ту же ночь — побег.

Утром я отправился из сада на кладбище с лопатой, и пока скидывал землю с пальмового настила, Матье отвалил камень и принес мне последнюю деталь. Мы вместе подняли пальмовые листья и отложили их в сторону. Плот был целехонек. Мы немного выдвинули его из ямы, чтобы закрепить последнюю деталь. Планку прибавляли камнем. И только закончили и собирались задвинуть плот обратно, как я с ужасом увидел, что на нас смотрит охранник с ружьем.

— Не двигаться, или стреляю!

Мы уронили плот и подняли руки. Я узнал охранника. Это был старший надзиратель из мастерских.

— Советую не сопротивляться! Вас застукали на месте преступления. Сдавайтесь, тогда по крайней мере шкура будет целая! Хотя так и подмывает влить вам хороший заряд свинца. А теперь — марш вперед! Руки вверх и не опускать!

Проходя мимо кладбищенских ворот, мы увидели надзирателя-араба.

— Спасибо, Мохаммед, что помог, — сказал ему наш охранник. — Зайдешь завтра утром, получишь обещанное.

— Спасибо, — ответил араб. — Ясное дело, зайду. Но как вы считаете, начальник, Бебер Селье тоже должен мне заплатить?

— Это уж ты сам с ним разбирайся, — ответил охранник.

— Выходит, это Бебер Селье заложил нас, шеф? — спросил я.

— Я этого не говорил.

— Неважно, кто говорил. Важно, кто продал.

Все еще держа нас под прицелом, охранник скомандовал:

— Мохаммед! Обysкать их!
Араб вынул у меня из-за пояса нож. Отобрал нож и у Матье.

— А ты, смотри, шустрый парень, Мохаммед,— заметил я.— Как это тебе удалось нас выследить?

— Каждый день лазил на кокосовую пальму и видел, где вы прятали плот.

— И кто ж подвинул тебя на это дело?

— Сначала Бебер Селье, потом господин охранник Бруйе.

— Слишком много болтаешь,— заметил надзиратель.— Пошли! Можете немного опустить руки и живо вперед!

Те четыреста метров, что отделяли нас от административного здания, показались мне самой длинной дорогой в жизни. Я был совершенно убит случившимся. Попасться, как пара полных идиотов, после всех хлопот и усилий! Господи, ты слишком жесток ко мне!

Наше появление у комендатуры произвело настоящую сенсацию. По дороге к нам присоединялись все новые и новые охранники с ружьями, и образовалась целая процессия.

Забегавший вперед араб успел доложить обо всем коменданту, и тот встречал нас на пороге вместе с Дега и пятью надзирателями.

— Что произошло, господин Бруйе? — спросил он.

— Произошло то, что я поймал этих двоих с поличным. Они строили плот. Для рыбной ловли, полагаю.

— Ну, что ты на это скажешь, Папийон?

— Ничего. Говорить буду на следствии.

— В карцер их!

Меня заперли в карцере, забитые окна которого выходили во двор точно напротив комендатуры. Тьма там царила крошечная, но было слышно, как переговариваются люди во дворе.

В три нас вывели и надели наручники.

В большой комнате собрался суд: комендант, его заместитель, главный надзиратель и Дега с карандашом наготове сидели в один ряд за небольшим столом.

— Шарьер и Карбоньери, прошу выслушать доклад господина Бруйе, касающийся вас: «Я, Бруйе Огюст, старший надзиратель мастерских на острове Спасения, обвиняю двух заключенных, Шарьера и Карбоньери, в краже государственного имущества. Обвиняю также их сообщника Бурсе в пособничестве, то же самое касается Нарика и Кенье. Заявляю далее, что я застиг Шарьера и Карбоньери в момент совершения акта вандализма — вскрытия могилы мадам Прива, которую они использовали для хранения плота».

— Что вы можете сказать по этому поводу? — спросил комендант.

— Во-первых, Карбоньери здесь ни при чем. Плот готовился для одного человека, для меня. Я силой вынудил его помочь мне снять настил с могилы, одному мне было не справиться. Поэтому Карбоньери не виноват ни в хищении государственного имущества, ни в пособничестве побегу. Тем более что побег не состоялся. Бурсе же попал в сложное положение, поскольку я угрожал ему смертью в случае, если он откажется мне помогать. Что же касается Нарика и Кенье, то я их вообще едва знаю. Они здесь ни при чем.

— Но это расходится с показаниями моего информатора,— сказал надзиратель.

— Этот ваш информатор, Бебер Селье, наверняка кому-то мстил, поэтому впутал невинных людей. Разве можно верить показаниям доносчика?

— Короче,— перебил меня комендант,— вы обвиняетесь в хищении государственного имущества, надругательстве над могилой и попытке к бегству. Будьте любезны подписать этот документ!

— Я ничего не подпишу, пока в него не внесут мои показания о Карбоньери, Бурсе и Нарике с Кенье,— ответил я.

— Согласен. Подготовьте документ!

Я подписал. Не могу передать, что творилось со мной в это время. В карцере в какой-то момент мне даже показалось, что я схожу с ума. Я почти не ел и не двигался, лишь курил одну сигарету за другой. К счастью, ими бесперебойно снабжал меня Дега. Лишь по утрам я выходил на часовую прогулку по двору возле карцера.

Однажды утром ко мне подошел комендант. Странная вещь — ведь если бы побег удался, он пострадал бы больше

остальных. Но злобы ко мне в нем было куда меньше, чем у других.

Улыбаясь, он сказал, что его жена считает вполне естественным стремление человека к свободе, мало того, свидетельством, что этот человек не деморализован окончательно. Затем он очень ловко и хитро пытался расколоть меня насчет Карбоньери, но мне показалось, я сумел убедить его в обратном, объясняя, что Карбоньери просто не мог отказать мне в помощи, когда я вытаскивал плот.

Бурсе предъявил следствию план и записку с угрозой в его адрес. Что касается его, то тут комендант практически не сомневался, что именно так и обстояло дело. Я спросил, сколько мне светит за кражу госимущества. Он ответил:

— Не больше полутора лет.

Получил записку от Шата — санитаря. В ней говорилось, что Бебер Селье сидит в больнице в отдельной палате и ждет отправки на острова в связи с внезапно обнаруженным у него довольно редким и опасным заболеванием — абсцессом печени. Должно быть, ему удалось каким-то образом сговориться с комендантом и врачом, чтобы избежать мест.

В карцере меня не обыскивали. Воспользовавшись этим, я попросил прислать мне нож. Я также посоветовал Нарика и Кенье добиться у коменданта очной ставки между мной, начальником мастерских, Бебером Селье и Бурсе для выяснения всех обстоятельств дела и принятия окончательного решения.

На утренней прогулке Нарик сообщил мне:

— Комендант согласен. Очная ставка завтра в десять утра. Там будет и начальник охраны, специально структурированный.

Всю ночь я убеждал себя, что не имею права убивать Бебера Селье. Не получалось. Слишком уж будет несправедливо, что эту сволочь сошлют на материк, откуда он потом сможет преспокойно бежать. И это вместо расплаты за содеянное! Да, но за это тебя могут приговорить к смерти... Ну и плавать! Вот к какому выводу я пришел, потому что окончательно потерял надежду обрести свободу.

Единственный способ избежать смертного приговора — это заставить его выхватить нож первым. Для этого я должен ясно показать ему, что мой — наготове. Тогда он точно выхватит свой. Это можно сделать или до, или сразу же после очной ставки. Во время нее убивать нельзя, иначе охранники могут начать стрелять.

Всю ночь я боролся с собой... И в конце концов пришел к выводу, что, если он не выхватит нож первым, убивать я его не буду.

Я не спал всю ночь и выкурил целую пачку сигарет. Осталось только две, когда в шесть утра принесли кофе. Я был настолько взвинчен, что, хотя это строжайше запрещалось, попросил разносчика кофе, рядом с которым стоял охранник:

— Вы не разбудите мне несколько сигарет или табаку? С разрешения начальника, конечно. У меня все вышли, господин Антарталия.

— Ладно, дайте ему, если есть. Сам я не курю. Я действительно сочувствую вам, Папийон. Я корсиканец и уважаю тех мужчин, которые ведут себя как мужчины, а не как воющее дерьмо.

Без четверти десять я был уже во дворе, ожидая вызова в суд. Нарик, Кенье, Бурсе и Карбоньери тоже ждали. Из охраны на очной ставке должен был присутствовать тот самый Антарталия, который приходил утром. Он говорил с Карбоньери по-корсикански.

Распахнулись ворота, и во дворе появились араб, что лазил на дерево, еще один араб-охранник из мастерских и Бебер Селье. Увидев меня, последний приостановился, но сопроводивший его охранник сказал:

— Иди, но только держись от всех остальных в сторонке. Стань вон там, справа. А ты, Антарталия, проследи, чтобы между ними не было контактов.

Нас разделяло метра два. Антарталия заметил:

— Никаких разговоров между заключенными.

Карбоньери продолжал говорить по-корсикански со своим земляком, а тот не спускал с нас глаз. Внезапно охранник наклонился, чтобы завязать шнурок, и в это время я сделал знак Матье подойти поближе. Тот тут же смекнул в чем дело, покосился на Бебера и плюнул в его сторону.

Когда охранник выпрямился, Карбоньери продолжал говорить, словно ничего не произошло, и настолько отвлек его внимание, что я успел сделать шаг вперед и никто ничего не заметил. Рукоятка ножа уже лежала в ладони. Только Бебер Селье заметил это. И с невероятной быстротой — а нож у него оказался уже открытым в кармане брюк — ударил меня им в бицепс правой руки. Сам я левша, и тут же одним коротким движением вонзил нож ему в грудь по самую рукоятку. Звериный вой «а-а-а!», и он повалился на землю. Выхватив револьвер, Антарталия крикнул:

— Назад, парень! Лежачего не бьют! Иначе пристрелю тебя на месте, а мне этого не хочется.

Карбоньери подошел к Селье, пнул его ногой по голове и что-то сказал по-корсикански. Я понял: «Он мертв».

Охранник сказал:

— Дай-ка мне твой нож!

Я отдал ему нож. Он сунул револьвер в кобуру, подошел к обитой железом двери, постучал и сказал открывшему ее охраннику:

— Готовьте носилки забрать труп!

— А кто умер? — спросил охранник.

— Бебер Селье.

— О, а я думал, Папийон.

Нас снова отвели в карцер. Очная ставка откладывалась. В коридоре Карбоньери успел шепнуть мне:

— Бедняга Папийон! На этот раз ты влип и серьезно.

— Да, но я жив, а он сдох!

Охранник вернулся один, тихо открыл дверь и сказал мне:

— Стучи и кричи, что ранен. Он ударил первым, я видел! — и так же тихо притворил за собой дверь.

Все же эти охранники-корсиканцы потрясающие существа — или отпетые мерзавцы, или действительно прекрасные люди, среднего не бывает. Я застучал кулаками в дверь и завопил:

— Я ранен! Хочу в больницу, на перевязку!

Охранник вернулся с главным надзирателем лагеря.

— Что с тобой? Чего орешь?

— Я ранен, начальник!

— А-а... так ты ранен... А мне показалось, он тебя не задел.

— Да вы что! Правая рука насквозь пробита!

— Отворяй! — скомандовал надзиратель.

Дверь отворилась, я вышел. На руке зияла глубокая рана.

— Наручники на него и в больницу! Там глаз не спускать и не оставлять ни под каким предлогом. Только перевязать и сразу обратно!

Мы вышли. Во дворе собралась уже целая толпа охранников во главе с комендантом. Надзиратель из мастерских крикнул:

— Убийца!

Не успел я раскрыть рта, как комендант ответил:

— Помолчите, Бруйе. Селье напал первым.

— Что-то не верится, — проворчал Бруйе.

— Я сам видел, я свидетель, — встал Антарталия. — И помните, господин Бруйе, корсиканцы никогда не лгут.

В больнице Шата тут же послал за доктором. Меня зашили без всякого наркоза. Я ни разу не застонал. Закончив свою работу, врач заметил:

— Я не дал вам обезболивающего просто потому, что у меня все вышло. — И после паузы добавил: — Зря вы это заехали.

— Но он все равно бы умер, раньше или позже. Абсцесс печени — не шутка!

Врач так и остался стоять с раскрытым ртом.

Расследование возобновилось. Бурсе вышел из игры, поскольку было установлено, что ему угрожали. Я изо всех сил поддерживал эту версию. Нарика и Кенье тоже оставили в покое — за отсутствием улик. Так что ответственности подлежали я и Карбоньери. Обвинение в хищении с него сняли, оставив только сообщничество в подготовке побега. За это полагалось максимум полгода. Со мной же все обстояло куда серьезнее. Несмотря на свидетельские показания в мою пользу, следователь никак не хотел признать, что я действовал в целях самообороны. Дега видел дело и сказал, что, несмотря на все старания следователя, меня вряд ли

приговорят к смертной казни, так как я все же был ранен. Оправданию мешали лишь показания двух арабов, утверждавших, что я ударил ножом первым.

Наконец расследование было закончено. Я ждал отправки в Сен-Лоран, чтобы предстать перед трибуналом. Целыми днями я ничего не делал, только курил. Да еще немного гулял по утрам. И ни разу ни комендант, ни охранники не выказали по отношению ко мне ни малейшей враждебности. Они охотно болтали со мной и снабжали куревом.

Был четверг, отправляли меня в пятницу. В десять утра, когда я, как обычно, вышел на прогулку, за мной пришел комендант.

— Идем со мной, Папийон.

Я отправился за ним без всякого сопровождения. Мы направлялись к его дому. По дороге он сказал:

— Моя жена захотела с тобой попрошаться. Не хочется огорчать ее зрелищем вооруженного охранника рядом. Обещаешь вести себя пристойно?

— Конечно, господин комендант.

Мы дошли до дома.

— Жюльетта, я исполнил свое обещание и привел твоего протеже. К двенадцати он должен быть на месте. Так что у вас есть целый час для разговоров, — и с этими словами он повернулся и вышел.

Жюльетта подошла ко мне и положила руки на плечи. Ее черные глаза были затуманены слезами.

— Ты сошел с ума, мой друг Папийон! Если б ты раньше сказал мне, что хочешь бежать, я смогла бы тебе помочь. Я просила мужа помочь тебе сейчас, но он говорит, что теперь, к сожалению, это от него уже не зависит. А выглядишь ты куда лучше, чем я ожидала... И вот еще что: я хочу заплатить тебе за рыбу, которой ты так исправно снабжал меня все эти месяцы. Вот, тут тысяча франков, больше у меня, к сожалению, нет.

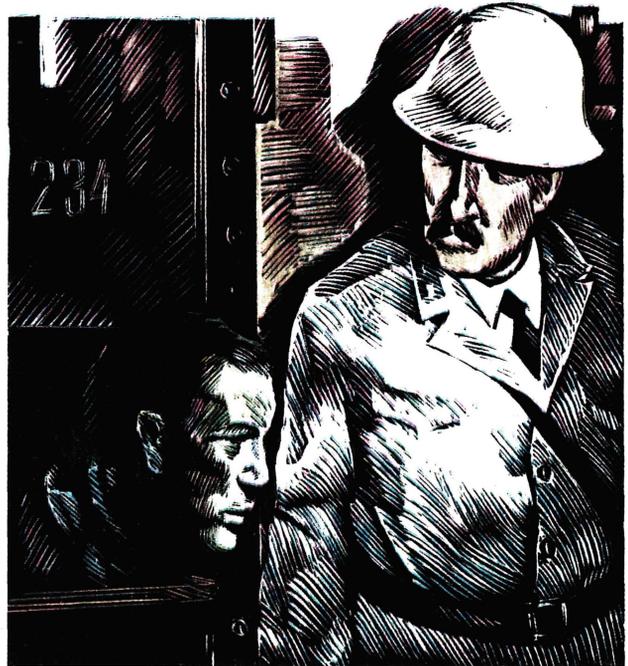
— Послушайте, мадам, мне не нужны деньги! Поймите, я просто не могу их взять! Это испортит наши дружеские отношения. — И я отетранил две банкноты по пятьсот франков. — Не ставьте меня в неловкое положение, пожалуйста...

— Как хотите, — сказала она. — Тогда, может, выпьете рюмочку? — И в течение часа эта добрая и очаровательная женщина беседовала со мной. Она была уверена, что меня оправдают и что я получу полтора — максимум два года.

На прощанье она взяла меня за руки и крепко их сжала.

— Прощай и удачи тебе! — И громко разрыдалась.

Комендант сам отвел меня в карцер. По пути я сказал ему:

— Господин комендант, ваша жена — самая благородная женщина на свете!

— Я знаю это, Папийон. И она не приспособлена к жизни здесь. Но что я могу поделать... Ладно, еще четыре года, и я увольняюсь.

— Господин комендант, я хочу воспользоваться возможностью поговорить с вами наедине. Поблагодарить за доброе обращение, за заботу, которую вы постоянно ко мне проявляете, несмотря на все неприятности, которые я на вас навлек.

— Да, ты, конечно, мог бы подложить мне свинью. Но все равно, я вот что тебе скажу: наверное, ты все-таки правильно сделал, что пытался. — И, дойдя до ворот, добавил: — Прощай, Папийон, да поможет тебе Бог!

— Прощайте, господин комендант.

Да, я действительно нуждался в божьей помощи, поскольку суд, перед которым я предстал, был безжалостен. Три года за хищение, надругательство над могилой и попытку к побегу, в довершение — пять лет за убийство Селье. Итого восемь лет одиночки. Если б я не был ранен, меня наверняка приговорили бы к смертной казни.

ВТОРОЙ СРОК ОДИНОЧКИ

Нас привезли в Сен-Лоран. Суд состоялся в четверг, а уже в пятницу утром нас отправили морем на острова.

На борту было шестнадцать заключенных, из них двенадцать, приговоренных к одиночке. Море бушевало, время от времени огромная волна захлестывала палубу. Отчаяние мое достигло той степени, что я в глубине души возжелал, чтобы эта старая посудина затонула во время путешествия. На протяжении всего пути я ни разу ни с кем не заговорил, а просто сидел на палубе, и в лицо мне хлестал мокрый ветер. Я даже не пытался от него укрыться и ничуть не расстроился, когда с головы сдуло шляпу — вряд ли мне на протяжении восьми лет в одиночке понадобится шляпа. Но когда в очередной раз пришла мысль, что было бы хорошо, если б корабль затонул, я сказал себе: «Акулы уже жоржали Бебера Селье, а ты пока еще жив. Но тебе уже тридцать и предстоит просидеть восемь лет в этом гробу. Можно ли продержаться восемь лет в стенах этой тюрьмы-людоеда?»

Опыт подсказывал, что это невозможно. Четыре-пять лет — абсолютный предел. Если бы не убийство Селье, мне дали бы три, а то и всего два года. Не стоило все-таки убивать эту крысу. Нет, сейчас не надо думать об этом, не стоит... Надо думать, как выжить — выжить, чтобы попытаться бежать снова. Жить, жить, жить — вот отныне мой девиз, моя религия.

Среди охранников на борту одного я знал еще по первой одиночке.

— Начальник! Можно вас кое о чем спросить?

Он подошел, удивленный.

— Что?

— Вы знали хоть одного, кому удалось продержаться в одиночке восемь лет?

Поразмыслив с минуту, он ответил:

— Нет. Но я знал довольно много людей, которые просидели по пять, а один — его я помню очень хорошо, — так он просидел аж целых шесть лет и вышел в полном уме и добром здравии.

— Спасибо вам.

— Не за что, — ответил охранник. — А тебе, как я слышал, вроде бы дали восемь?

— Да, шеф.

— Если не накажут, то, может, и продержишься. — И он отошел.

Да, ценное замечание. Выжить, пожалуй, можно только в том случае, если не накажут. Отсюда вывод — нельзя принимать ни орехов, ни сигарет, писать и получать записки.

В три часа мы достигли островов. Не успел я оказаться на берегу, как тут же заметил светло-желтое платье Жюльетты, она стояла рядом с мужем. Комендант быстро подошел ко мне и спросил:

— Сколько?

— Восемь лет.

Он вернулся к жене, и они о чем-то пошептались. Жюльетта присела на камень. По лицу было видно, как страшно опечалена эта чудесная женщина. Муж взял ее за

руку, она бросила в мою сторону последний, преисполненный печали взгляд, и они ушли, не обернувшись.

— Сколько, Папи? — спросил Дега.

— Восемь лет одиночки.

Он ничего не сказал и стоял, не поднимая на меня глаз. Подошел и Гальгани. И не успел заговорить, как я прошептал ему:

— Не надо ничего посылать. Писать тоже не надо. Имея такой срок, мне ни в коем случае нельзя рисковать.

— Понял.

Так же шепотом я быстро добавил:

— Попытайся договориться, чтобы утром и на ужин мне давали как можно больше еды. Если получится, тогда, может, еще даст Бог свидетель.

И я направился к первой же лодке, что должна была увезти нас на Сен-Жозеф. Все смотрели на меня, как смотрят на покойника, которого собираются опустить в могилу. Уже в лодке я повторил свою просьбу Шата.

— Что ж, попробуем. Крепись, Папийон! — и шепотом добавил: — А что с Матье Карбоньери?

— О, совсем забыл. Председательствующий отложил слушание его дела до получения новых материалов. Уж не знаю, к лучшему это или нет.

— Думаю, к лучшему.

Я оказался в первом ряду колонны, поднимавшейся в гору к тюрьме одиночного заключения. Я шел очень быстро, словно торопился как можно скорее попасть в эту клетку. Один охранник заметил:

— Куда так летишь, Папийон? Можно подумать, тебе прямо не терпится попасть в ту самую камеру, откуда ты недавно вышел.

Наконец мы добрались.

— Всем раздеться догола! Будет говорить комендант!

— Прискорбно видеть, что ты снова здесь, — заметил комендант и начал свою обычную вступительную речь. А потом снова обратился ко мне:

— Блок «А», камера 127. Самая лучшая, Папийон, потому что она против двери из коридора, там светлее и больше воздуха. Надеюсь, будешь вести себя прилично. Восемь лет большой срок... но как знать... Может, за примерное поведение тебе и скостят год-другой. Будем надеяться, так оно и случится, потому что ты парень храбрый, я таких уважаю.

Итак, камера 127. Она действительно находилась точно напротив больших зарешеченных дверей, открывающихся в коридор. И здесь действительно было светлее даже в шесть часов вечера. Вон и запаха гнили, которые преследовали меня в той, первой, камере, тоже не было. Я немного приободрился.

«Выходит, дружище Папийон, тебе предстоит глядеть на эти стены все последующие восемь лет. Нет смысла вести счет дням и месяцам. Отсчитывать можно и полугодовыми сроками. Шестнадцать раз по шесть месяцев — и ты свободен. И если уж тебе предстоит здесь умереть, хорошо, что ты умрешь при дневном свете. Это очень важно. Совсем невесело умирать в темноте. А если заболешь, врач сможет хотя бы разглядеть твое лицо. Так что не стоит корить себя за попытку к бегству и за то, что ты убил Селье. Представь, как бы ты мучился уже при одной мысли, что, пока ты гниешь здесь, он, возможно, уже бежал и на свободе. Так что время покажет. Может, выйдет амнистия или случится война, землетрясение, тайфун, наконец, который сметет с лица земли это здание. Почему бы и нет? Может, найдется честный и порядочный человек, который отправится во Францию и возбудит там общественное мнение против того факта, что в тюрьмах страны убивают людей без гильотины. Может, врач, которого вдруг затощит от всего этого, расскажет какому-нибудь журналисту или священнику о здешних порядках?.. Во всяком случае, акулы давно уже переварили Селье! А ты еще жив и, как мне кажется, должен выбраться из этой могилы живым и на ногах».

Один, два, три, четыре, пять, поворот... Один, два, три, четыре, пять, поворот... Я начал ходить по камере, приняв привычную позу и четко соразмеряя каждый шаг. Маятник работал безукоризненно. Я решил заниматься ходьбой два часа утром и два днем, по крайней мере первое время. А там посмотрим. Все зависит от рациона. Не стоит попусту тратить энергию и нервы.

Спать я лег очень поздно и проспал спокойно всю ночь.

Жить, жить, жить... Всякий раз, когда меня одолевало отчаяние, я твердил себе: «Там, где жизнь, там и надежда».

Прошла неделя. Со вчерашнего дня я заметил изменения в моем рационе. Прекрасный кусок вареного мяса на обед, а вечером полная до краев миска чечевичной похлебки, густой, почти без воды. И я твердил себе, как твердят ребенку: «В чечевице много железа, она очень полезная...» Если так пойдет и дальше, то в эти первые полгода, по крайней мере, можно позволить себе маршрутировать по десяти-двенадцать часов в день. А после, устав как следует, ложиться и уноситься к звездам. Нет, это не отключочка, я твердо стоял на земле. Я заполнял долгие ночные часы воспоминаниями о заключенных, с которыми познакомился на острове, — у каждого была своя история, свое прошлое и настоящее. Я вспоминал байки, которые они мне рассказывали. Одна все не давала мне покоя, и я покаялся, что, если выйду отсюда и попаду на острова, обязательно выясню, правда это или нет. Это история о колоколе.

Как я уже говорил, заключенных не хоронили, а бросали в море, в кипящий акулами пролив между Сен-Жозефом и Руаялем. Труп заворачивали в мешки от муки, к ногам привязывали камень. На носу лодки находился прямоугольный ящик. Доплыв до нужного места, шестеро гребцов — все заключенные — поднимали весла. Затем один из них наклонял ящик, другой отворял нечто вроде подъемной двери, и труп соскальзывал в воду. Без всякого сомнения, акулы тут же сжирали его. Ни один из покойников не успевал достигнуть дна, его разрывали на части почти на самой поверхности. Если верить свидетелям, зрелище это было действительно крайне омерзительным: целая стая акул набрасывалась на покойника, срывала с него саван, вернее, мешки от муки, и разрывала тело на огромные куски, тут же заглатывая их.

Все это было, конечно, ужасно, но в одну вещь я так и не мог до конца поверить: все без исключения твердили, что акул сзывал в то скорбное место звон церковного колокола. Иногда по вечерам с мыса на острове Руаяль не было видно ни одной акулы, но, когда начинал звонить колокол, бухта за считанные секунды наполнялась этими тварями. Акулы ждали мертвеца — иначе чем можно было объяснить их присутствие там в нужный момент? Будем надеяться, я не попаду акулам на обед в этом качестве; если они сожрут меня во время побега, это, конечно, скверно, зато есть утешение, что это произошло, когда я пытался обрести свободу. Только бы не умереть от какой-нибудь болезни в этой клетке...

Благодаря стараниям моих друзей недостатка в еде я не испытывал и чувствовал себя хорошо. Безостановочно бродил по камере с семи утра до шести вечера. И ужин — миска, полная чечевицы, других овощей или вареного риса — съедал с удовольствием. Хотьба тоже приносила пользу: усталость после нее была здоровой усталостью. Я даже научился отключаться, не переставая бродить по камере.

Прошло полгода. Я сдержал данное себе обещание отсчитывать срок шесть месяцами. И вот сегодня их осталось пятнадцать из шестнадцати. Прошла одна шестнадцатая часть моего срока.

Можно подвести кое-какие итоги. Никаких чрезвычайных событий в течение этого срока. Еда однообразна, но в достаточном количестве, так что здоровье не пострадает.

Вокруг случались самоубийства, заключенные ревели и бились в своих клетках, как дикие обезумевшие звери, но, слава Богу, их быстро утихомиривали. Страшно действует на нервы, когда целыми днями слышишь, как режут, стонут и рыдают люди. Я отрезал маленький кусочек мыла и заткнул им уши, чтобы не слышать этих ужасных воплей. Делать этого не следовало, так как от мыла началось раздражение. Впервые за все время пребывания в заключении я унизился до того, что обратился с просьбой к охраннику. Одним из разносчиков обеда оказался парень из Монтелимара, почти мой земляк. Я знал его по острову Руаяль. И попросил принести мне шарик из воска, чтобы отключиться от рева маньяков и безумных, когда они расходились особенно сильно. На следующий день он принес мне шарик ве-

личной с грецкий орех. Невероятное облегчение...

Я научился правильно обращаться с большими сороконожками. За полгода меня укусили только раз. Я научился терпеть и лежать совершенно неподвижно, если, проснувшись, обнаруживал, что одна из этих тварей ползает по моему обнаженному телу. Ко всему можно привыкнуть, дело только в самоконтроле, ведь щекотание всех этих многочисленных ножек и щупалец крайне неприятно, стоит отреагировать — и ты укушен. Так что лучше уж дожидаться, пока эта тварь сама не сползет, а потом отыскать и раздавить ее. На цементном сиденье я всегда оставлял двести крошки хлеба. Его запах привлекал сороконожек, и они направлялись к хлебу. Тут я их и приканчивал.

Одна мысль постоянно мучила и преследовала меня: почему я не убил Бебера Селье в тот же день, когда заподозрил его в грязной игре? Тут я вступал с собой в бесконечный спор: в каком случае ты имеешь право убить? Мой вывод: цель оправдывает средства. Целью моей являлся успешный побег. Мне посчастливилось закончить постройку плота и спрятать его в надежном месте. До побега оставались считанные дни. Когда я узнал о Селье, нам не хватало лишь одной детали для плота, которую мы протаскили затем в тайник почти чудом. Так что надо было прикончить его сразу же, не раздумывая. Но что, если бы я тогда ошибся? Что, если он только выглядел подозрительно? Тогда я пролил бы кровь невинного человека, а это ужасно!

Прошлой ночью «тюрьма-людоед» полностью оправдала свое название. Я догадался, что двое заключенных повесились, а один удушил себя, забив рот и ноздри обрывками ткани. Моя камера находилась рядом с местом, где происходила смена караула, и иногда до меня доносились обрывки разговоров. В то утро охранники говорили громче, чем обычно, и я понял, что произошло.

Прошло еще полгода. Подводя итоги, я нацарапал на кулке дерева цифру 14. У меня был запасен гвоздь, которым я пользовался раз в полгода. Итак, подводя итоги, следовало отметить, что с точки зрения здоровья и состояния духа у меня все обстояло отлично.

Благодаря умению отключаться я довольно редко испытывал приступы отчаяния и справлялся с ними довольно быстро. Я даже специально придумывал для этого воображаемое путешествие, которое помогало отогнать черные мысли. В эти моменты мне здорово помогала смерть Селье. Я твердил себе: «Я жив, жив, все еще жив... И должен продолжать жить, чтобы дожидаться перемен. А он пытался помешать мне бежать и теперь мертв, и никогда уже не будет свободен, а я буду, непременно буду! В любом случае, пусть мне даже исполнится тридцать восемь, когда я выйду отсюда, это ведь еще не старость. И следующий побег наверняка окажется удачным!»

Один, два, три, четыре, пять, поворот... Один, два, три, четыре, пять, поворот... Вот уже несколько дней, как я заметил, что ноги у меня опухают, а из десен сочится кровь. Надо ли заявлять, что я болен? Нажимаю на голень, я замечал, как после этого на ноге остается ямка. Это значит, что у меня нечто вроде водянки. Вот уже целую неделю, как я не могу ходить по десять-двенадцать часов. Даже две прогулки по три часа каждая страшно меня утомляли. А когда я чистил зубы, то уже не мог тереть их полотенцем, смазанным мылом. Они страшно болели и кровоточили. Вчера даже выпал один зуб — верхний резец.

Третий полугодовой срок закончился настоящим переворотом. Вчера нас всех заставили высунуть руки в коридор, и мимо прошелся врач, заглядывая каждому под верхнюю губу. И вот в тот день, когда исполнилось ровно восемнадцать месяцев с начала срока заключения, дверь в мою клетку отворилась и кто-то сказал:

— Выходи! Стать возле стены и ждать!

На выходе я оказался первым, следом за мной во двор вывели около семидесяти человек. Там мы развернулись, и теперь я стоял последним.

Девять утра. Молодой врач в рубашке хаки с коротко закатанными рукавами сидел прямо на улице за маленьким деревянным столиком. Рядом стояли два санитара из заключенных и один медбрат. Все были люди новые, и я никого не знал, врача тоже. Всю эту команду охраняли десять чело-

век с ружьями. Здесь же находились комендант и старший надзиратель.

— Всем раздеться! — прокричал санитар. — Одежду свернуть и под мышку! Первый! Имя?

— Такой-то...

— Открыть рот, ноги расставить. Так... три зуба удалить. Давать сперва настойку йода, затем сироп кохлеарии по ложке два раза в день перед едой.

Я был последним в очереди.

— Имя?

— Шарьер.

— Надо же, первый, у кого сохранилось хоть какое-то подобие фигуры. Вы здесь недавно?

— Сегодня ровно восемнадцать месяцев.

— Почему вы не похожи на остальных?

— Не знаю.

— Вот как? Ну тогда я вам сам скажу. Потому что наверняка питаетесь лучше или меньше занимаетесь онанизмом. Рот, ноги... Два лимона в день — один утром, другой вечером. Лимоны высасывать, затем втирать сок в десны. У вас цинга.

Они намазали мне десны йодом, затем обработали их голубым метиленом и дали лимон, после чего я отправился в свою клетку.

Что же такое произошло в этой тюрьме, что больных вдруг вывели во двор на солнце, где врач осмотрел их куда тщательнее, чем обычно? Да это настоящая революция! Ничего подобного прежде в одиночке не знали. Может, это произошло благодаря новому врачу, который отказался быть молчаливым пособником и подчиняться всем этим бесчеловечным правилам и законам? Кстати, этот врач, Жермен Жибер, ставший вскоре моим другом, погиб впоследствии в Индокитае.

Каждые десять дней медосмотр во дворе, на солнышке. Предписания те же: йод, сироп, два лимона. Состояние мое не улучшалось, но нельзя сказать, что и ухудшалось. Это начинало раздражать, так как я не мог ходить по камере больше шести часов в день, ноги так и оставались распухшими и почерневшими внизу.

Однажды, ожидая своей очереди во время медосмотра, я обратил внимание на высокое дерево с веретенообразной кроной, в тени которого стоял. Вроде похоже на лимонное, только лимонов что-то не видно... Я сорвал листок и пожевал, затем решительно сорвал целую ветку с листьями, сам не понимая, впрочем, зачем это делаю. И когда подошла моя очередь, я засунул себе эту ветку в задницу и сказал:

— Доктор, смотрите-ка, может, это от ваших лимонов у меня из зада вон что выросло! — И повернулся показать ему ветку с листьями.

Охранники так и покатались со смеху, но тут на них прикрикнул надзиратель. А потом повернулся ко мне и гаркнул:

— Папийон, вы будете наказаны за неуважение к врачу!

— Нет, — вмешался врач, — ни в коем случае! Наказывать его нельзя, так как жалобы от меня не поступило. Шарьер, вы что, пытаетесь этим сказать, что не желаете больше есть лимоны?

— Да, доктор. По горло сыт этими лимонами. А лучше мне не становится. Давайте мне лучше побольше сиропа.

— Его у меня не так много, приходится экономить для более серьезных случаев. Ладно, так и быть, добавим еще одну столовую ложку. Но лимоны тоже продолжайте.

— Доктор, я видел, как индейцы едят морские водоросли. Точно такие же встречаются на Руаяле. Здесь на Сен-Жозефе тоже должны быть.

— Что ж, ценная идея. Пойду на берег и наберу разных, на пробу. А что, эти индейцы ели их сырыми или как-то готовили?

— Сырыми.

— Прекрасно, спасибо. И прошу вас, комендант, проследите, пожалуйста, чтобы этого человека не наказывали.

— Хорошо, капитан.

Щелк, щелк, щелк. Щелканье отворяемых подряд задвижек дверей. Девять утра, четверг. Всем заключенным приказали стать на пороге камер.

— Заключенные! — раздался чей-то голос. — Губернатор с инспекцией!

Высокий и элегантный седовласый господин медленно шагал по коридору в сопровождении пяти офицеров в колониальной форме. Врачи, вне всякого сомнения. Я слышал, как они обмениваются какими-то малопонятными фразами. Они не успели дойти до меня, как вдруг один из заключенных едва не упал. Видимо, настолько обессилел, что не мог больше стоять. Его подхватили. Это был Гравиль, один из каннибалов. Офицер из свиты заметил:

— Но это же просто ходячий труп!

— Они все в весьма плачевном состоянии, — сказал губернатор.

Наконец процессия добралась до меня.

— Ваше имя? — спросил губернатор.

— Шарьер.

— Приговор?

— Восемь лет. Три за хищение государственного имущества и прочее плюс еще пять за убийство.

— Сколько отсидели?

— Полтора года.

— Как себя ведет?

— Хорошо, — ответил наш комендант.

— Здоровье?

— Сносное, — сказал врач.

— Жалобы есть?

— Есть. Эта система абсолютно негуманна и недостойна такой державы, как Франция.

— В каком смысле? Что вас не устраивает?

— Правило полного молчания, отсутствие физических упражнений и медицинского ухода, если не считать последних нескольких дней.

— Будете вести себя хорошо, и тогда, поскольку я пока губернатор, мне удастся добиться смягчения приговора.

— Благодарю вас.

С того дня нас стали выпускать во двор на час и даже разрешили купаться в некотором подобии бассейна, отгороженном в бухте от вторжения акул большими каменными плитами — все это по приказу губернатора и главного врача с Мартиники.

Каждый день в девять утра отряды заключенных по сто человек в каждом маршировали нагишом из тюрьмы к морю. Женщинам и детям охранников предписывалось в это время сидеть по домам.

Так продолжалось примерно с месяц. Лица людей заметно изменились. Этот час, проведенный на солнце, купанье в соленой воде и возможность перемолвиться словом преобразили узников одиночки — прежде совершенно больных людей духовно и физически.

Однажды, когда мы шли из тюрьмы к морю, раздался отчаянный женский крик, а затем два выстрела из револьвера. Идя в хвосте колонны, я отчетливо расслышал:

— На помощь! Моя дочка, моя малышка тонет!

Крик доносился с мола, цементного настила, выходящего далеко в море. К нему приставали лодки и катера. Еще крики: «Акулы!» — и снова выстрелы. Все остановилось и обернулись в ту сторону, откуда они раздавались, а я не раздумывая бросился в воду и поплыл совершенно голый к бухте. Доплыв до мола, я увидел на нем двух женщин, вопивших и мечущихся как безумные, трех охранников и нескольких арабов.

— Прыгайте за ней, ну же! — кричала женщина. — Она здесь, рядом! Я не умею плавать, иначе я бы сама... Эх вы, тусовки!

— Акулы! — закричал охранник и выстрелил снова.

В воде плавала маленькая девочка в сине-белом платице, течение медленно несло ее в сторону, как раз к тому месту, где находилось «кладбище» заключенных. Охранники не прекращали пальбу и наверняка ранили не одну акулу — вода возле ребенка так и бурлила и расходилась кругами.

— Прекратите стрельбу! — крикнул я и еще более отчаянно заработал руками. Течение помогало, плыл я очень быстро и приближался к малышке, не переставая сильно бить по воде ногами, чтобы отпугнуть акул. Девочка не тонula, видно, ее поддерживало на воде платье.

Я находился от нее всего метрах в тридцати-сорока, как вдруг со стороны Руаяля показалась лодка — видимо, люди

успели заметить, что произошло. Вот она поравнялась с ребенком. Девочку схватили за юбку, подняли, и вот она уже в безопасности. Они успели чуть раньше меня. Я рыдал от ярости, совершенно позабыв об акулах, когда меня, в свою очередь, тоже втащили в лодку. Я напрасно рисковал жизнью.

Так, по крайней мере, я тогда думал. Однако месяц спустя в качестве вознаграждения доктор Жермен Жибер добился моего освобождения из одиночки по состоянию здоровья.

Тетрадь восьмая

СНОВА НА ОСТРОВЕ РУАЯЛЬ

БУЙВОЛЫ

Итак, чудо возвратило меня на Руаяль уже в качестве обычного заключенного, отбывающего обычный срок. Я вернулся туда через девятнадцать месяцев.

Я снова был с друзьями. Дега занимал тот же пост, Гальгани по-прежнему служил почтальоном. Карбоньеры тоже были здесь, обвинение в соучастии в побеге удалось отвести. И еще меня встретили, конечно, Гранде, Бурсе, Шата и Тачечники — Нарик и Кенье. Служил на Руаяле помощником санитара и Матуретт, мой товарищ по первому побегу.

Надо сказать, что мое возвращение на Руаяль произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Было субботнее утро, когда я появился во дворе блока «А» для особо опасных. Почти все ребята были здесь и почти все без исключения бурно и радостно приветствовали меня.

— Ну, ребята, вы как, нормально?

— Да, Папи. И очень рады тебя видеть!

— Твое место по-прежнему за тобой,— сказал Гранде.— Никому не позволил занимать.

— Спасибо, всем спасибо. Что слышно нового?

— Одна приятная новость.

— Какая?

— Вчера ночью против барака для «паинек» нашли убитого араба, того самого, что донес на тебя. Ну, который лазил на пальму и шпионил. Должно быть, это устроил один из твоих приятелей. Не хотел, чтобы он тут мозолил тебе глаза. Ну и избавил от лишних хлопот.

— Хотел бы я все-таки знать, чья это работа. Чтобы поблагодарить.

— Может, потом он тебе и сам скажет. Во время переключки араба нашли с ножом, воткнутом в грудь по самую рукоятку. Никто, как водится, ничего не видел и не слышал.

— Что ж, оно и к лучшему. Как игра?

— Нормально. Место за столом тебе обеспечено.

— Прекрасно.

Итак, я снова начинал жить как человек, приговоренный к пожизненному заключению, вот только как и когда кончится вся эта затянущаяся история?..

— Комендант хочет вас видеть,— сообщил какой-то араб.

Я пошел с ним. В сторожевой будке у входа было несколько охранников, они приветствовали меня весьма радостно, почти по-приятельски. Я вошел. В комнате сидел комендант Пруйе.

— Ну как ты, Папийон, в порядке?

— Да, комендант.

— Очень рад, что тебя простили. Поздравляю также с храброй попыткой спасти дочурку моего коллеги.

— Спасибо.

— Хочу предложить тебе поработать возницей. Временно, конечно, пока не освободится место ассенизатора, чтобы ты смог снова рыбачить.

— Что ж, если это вас не скомпрометирует, прекрасно, я согласен.

— Это уж мое дело, скомпрометирует или нет. Я на три недели еду во Францию. Можешь приступить к работе хоть сейчас.

— Не знаю, как и благодарить вас, комендант.

— А я знаю. Продержаться хоть месяц, не пытаясь бежать,— и Пруйе рассмеялся.

Люди в нашем бараке были все те же и образ жизни прежний. Игроки — отдельный класс — не думали ни о чем, кроме своих карт. Мужчины, имеющие мальчиков-подружек, жили, ели и спали с ними. Тут образовались вполне стабильные пары, днем и ночью поглощенные своими мыслями и страстями, всеми перипетиями гомосексуальной любви. Сцены ревности, бурные проявления чувств, «муж» и «жена» постоянно в тайне шпионившие друг за другом, и неизбежная серия убийств в случае, если одному из партнеров надоедал другой и он уходил к новому любовнику.

Так, на прошлой неделе негр по имени Симплон убил парня по имени Сидеро, и все это — ради неотразимого Шарля Барра. Это уже третий человек, которого убил Симплон из-за Шарля. Я не успел пробыть в лагере и нескольких часов, как ко мне вдруг подошли двое.

— Скажи-ка, Папийон, этот Матуретт, он что, твоя дочка? Или нет?

— Чего это вы вдруг?

— Да так, чисто личный интерес.

— Тогда вот что я вам скажу, ребята. Матуретт бежал со мной за тысячу миль и вел себя как настоящий мужчина. Больше мне добавить нечего.

— Да нет, мы интересуемся: он твоя подружка или нет?

— Нет. По части секса я о нем ничего не знаю. А что касается дружбы, то я самого высокого мнения об этом парне, остальное меня не интересует. Разве что если какая сволочь попробует его обидеть.

— А что, если однажды он станет моей женой?

— Захочет — его дело. Я в это не вмешиваюсь. Но, если только узнаю, что ты ему угрожал, склоняя к сожительству, будешь иметь дело со мной.

Итак, жизнь на Руаяле шла своим чередом. Я начал работать возницей, и у меня появился буйвол по кличке Брутус. Он весил две тонны и был с точки зрения других буйволов закоренелым убийцей. Он уже успел расчитаться с двумя быками — своими соперниками.

— Даю ему последний шанс,— сказал Агостини, надзиратель скотного двора на острове.— Если он еще кого заперет, отправлю на бойню!

Первая наша встреча с Брутусом состоялась утром. Негр с Мартиники, ездивший с ним ранее, остался еще на неделю — научить меня новому делу. Я подружился с Брутусом тотчас же, пописав ему на нос: он обожал привкус соли. Затем я угостил его зелеными манго, сорванными в больничном саду. А когда впряг его в огромную, грубо сбитую телегу с бочкой для воды на три тысячи литров, все это очень напоминало колесницу фараона.

Отправились мы к берегу моря. Нам с Брутусом надлежало наполнить бочку водой и снова вернуться на плато, поднявшись по жутко крутому склону. Там я открывал затычку, и вода, хлещущая из бочки по желобам, смывала в море все накопившиеся за день нечистоты. Наш рабочий день начинался в шесть утра, а к девяти уже заканчивался.

Дня через четыре я уже вполне мог обходиться без маркиканца. Существовала лишь одна серьезная загвоздка: каждый день в пять утра мне приходилось плавать в грязном пруду, разыскивая Брутуса, который, ненавидя свою работу и стремясь от нее увильнуть, торчал по брюхо в воде и ни за что не желал вылезать. В ноздри — самое чувствительное у быка место — у Брутуса было вдето железное кольцо с полуметровой цепочкой, лишь потянув за нее, можно было заставить его выйти из воды. Но для этого надо сначала достать его. Часто, когда я почти достигал его, он нырял и всплывал где-то совсем в другом месте. Иногда на то, чтобы выгнать эту упрямую скотину из воды, кишащей разными тварями и заросшей водяными лилиями, у меня уходил целый час. Я весь так и дрожал от злости.

— Свинья поганая! Упрямая скотина! Вылезешь ты из воды или нет?

Впрочем, все эти угрозы и оскорбления не действовали на Брутуса. Единственным средством управления этим чудовищем оставалось кольцо с цепочкой. Впрочем, стоило извлечь его из воды, как мы тут же становились друзьями.

В Брутуса была влюблена одна очень славенькая молоденькая буйволица, она обожала ходить с нами на море и обратно. Я, в отличие от мартиниканца, не отгонял ее, напротив, позволял «целовать» Брутуса и повсюду следовать за нами. А когда они целовались, ни разу не побеспокоил «влюбленных», после чего Брутус, выражая мне свою благодарность, с непостижимой легкостью и быстротой катил по дороге тяжеленную телегу. Кстати, кличка этой буйволицы была Маргарита.

Вчера в шесть утра на переключке из-за этой Маргариты произошла пресмешная история. Дело в том, что возница-мартиниканец имел, по-видимому, привычку каждый день залезать на низенькую изгородь и трахать с этой высоты Маргариту. Однажды его застучал за этим занятием охранник, и парня упекли в карцер на тридцать суток, — ведь скотоложество признавалось преступлением. А вчера во время переключки в лагерь неожиданно ворвалась Маргарита. Пробежав мимо строя заключенных, она остановилась перед негром, затем повернулась и подставила ему свой зад. Все так и покатились со смеху, а лицо мартинканца посерело от стыда.

Я совершал три ездки к морю в день. Самым трудным делом было заполнение бочки водой, но с помощью еще двоих заключенных я справлялся с этим довольно успешно и уже к девяти мог отправляться на рыбалку.

На середине подъема от моря к плато находилась довольно ровная площадочка, где у меня был припасен большой камень. Брутус привык устраивать себе в этом месте передышку минут на пять, и я подкладывал камень под колесо телеги, чтобы она не тащила его вниз. Но однажды утром в этом месте вдруг появился еще один буйвол по кличке Дантон, такой же огромный, как и Брутус. Он выскочил из зарослей низеньких пальм с густой листвой, где прятался до того, и бросился прямо на Брутуса. Брутусу удалось увернуться от удара. Дантон попал по телеге. Один из рогов пробил бочку. Бык отчаянно дергался, пытаясь высвободить застрявший рог, а я в это время спешно распрягал Брутуса. Освободившись от сбруи, Брутус отбежал метров на тридцать, затем пригнул голову и бросился в атаку. Отчаяние или страх помогли Дантону — он рванулся со страшной силой и высвободил голову, а в бочке остался торчать обломок рога. Дантон успел увернуться от Брутуса, и тот с ураганной силой налетел на телегу и опрокинул ее.

Затем произошла самая странная вещь, которую я когда-либо видел в жизни. Дантон и Брутус соприкоснулись рогами и потерялись этим грозным оружием друг о друга нежно и приветливо, без всякой злобы. Было похоже, что они о чем-то переговариваются. Потом Маргарита начала медленно подниматься по склону, за ней последовали оба быка. Время от времени они останавливались и нежно терлись друг о друга рогами. В какой-то момент они слишком увлеклись и затянули эту процедуру, но тут Маргарита испустила дразнящий стон, и вся троица снова пустилась в сторону плато. Наконец процессия, замыкаемая мной, оказалась возле маяка на ровной прямоугольной площадке длиной около трехсот метров, на дальнем конце которой располагался лагерь, а справа и слева две больницы — одна для заключенных, другая для солдат.

Дантон и Брутус следовали за Маргаритой метрах в двадцати. Время от времени соблазнительница испускала долгое, томное, явно сексуальное мычание. Соперники снова соприкоснулись рогами, на этот раз, как мне показалось, они действительно о чем-то говорили — в их мычании отчетливо различались совсем особые, осмысленные звуки.

После беседы быки разошлись — один влево, другой вправо. Каждый остановился у самого края площадки. Итак, их разделяло метров триста. Маргарита выжидательно замерла посередине.

И тут я сообразил, что сейчас будет: настоящая классическая дуэль по обоюдному согласию. А буйволица — приз победителю. Она была совсем не против, наоборот, так и раздулась от гордости как павлин. Еще бы — два таких красавца собираются биться насмерть за право обладания ею.

Крик Маргариты, и они бросились друг на друга. Не могу передать, с какой невообразимой скоростью сближались эти две двухтонные туши. Они столкнулись лбами с такой

силой, что минут на пять застыли, оглушенные мощью удара. Брутус пришел в себя первым и галопом вернулся к исходной позиции.

Битва длилась часа два. Охранники уже хотели убить Брутуса, но я им не позволил; затем в один из моментов у Дантона сломался рог — тот самый, который он повредил о бочку. И он ударился в бегство, преследуемый Брутусом. Погоня, прерываемая короткими схватками, длилась до утра следующего дня. Быки разметали и сносили все, что попадалось на пути: сад, кладбище, прачечную. Лишь около семи утра Брутусу удалось припереть Дантона к стене скотобойни возле моря и глубоко вонзить рог в брюхо соперника. К тому же Брутус повернул его в теле соперника дважды — до самого желудка. И побежденный Дантон рухнул в лужу крови, смешанной с собственными кишками.

Битва гигантов настолько изнурила Брутуса, что мне пришлось самому выдергивать его рог из тела Дантона. Буйвол поплелся по тропинке вдоль моря, там к нему присоединилась Маргарита и затрусила бок о бок, подставляя ему под плечо свою безрогую голову.

Я не смог присутствовать на их брачной ночи, так как надзиратель, в чьем ведении находились буйволы, объявил, что увольняет меня за то, что я посмел распрячь Брутуса. Я пошел к коменданту.

— Что произошло, Папийон? Брутуса надо прирезать, он слишком опасен. Он уже успел уничтожить трех прекрасных животных.

— Потому я и пришел к вам. Просить, чтобы вы спасли Брутуса. Никто, кроме меня, не знает, как обстояло дело. Я должен заявить, что Брутус действовал исключительно в целях самообороны.

Комендант улыбнулся.

— Так... Что же дальше?

— Видите ли, комендант, противник напал на моего буйвола первым. — И я посвятил его во все детали. — Более того, если бы я не распряг Брутуса, Дантон наверняка убил бы его. Ведь он не мог защищаться, будучи прикованным к телеге.

— Это, конечно, верно, — заметил комендант.

В этот момент появился надзиратель скотного двора.

— Доброе утро, комендант! А я везде иду тебя, Папийон. Ты ушел утром из лагеря, будто на работу отправился, а ведь я тебя уволил! Быка в любом случае отправят на бойню в воскресенье утром — мяса с него на целый барак хватит!

— Вы не посмеете!

— А ты кто такой, чтобы мне приказывать?! Плевать я хотел!

— Есть комендант. И еще доктор — я попрошу его спасти Брутуса, и он скажет свое слово.

— Да тебе-то что за дело?

— Это мое дело. Я возничий, а Брутус — мой друг.

— Друг?! Буйвол? Ты что, смеешься?

— Господин Агостини, выслушайте меня хоть минуту!

— Пусть он выступит как адвокат Брутуса, — вмешался комендант.

— Ладно. Говори!

— Господин Агостини, как вы думаете, животные могут разговаривать друг с другом?

— Почему нет? Надо же и им как-то общаться.

— Ну хорошо. Так вот: Брутус и Дантон договорились, что будут драться на дуэли.

И я второй раз пересказал историю с самого начала.

— Бог ты мой! — воскликнул надзиратель. — Ну и странный ты все же тип, Папийон! Ладно, поступай со своим Брутусом как знаешь, но смотри: если он взбрыкнет еще хоть раз, никто его не спасет, даже сам комендант. Можешь возвращаться на работу.

Два дня спустя Брутус вновь вернулся к своим обязанностям по доставке воды. И по-прежнему за ним повсюду следовала его верная подруга Маргарита.

Перевели с французского
ЕЛАТИЙ, Н.РЕЙН

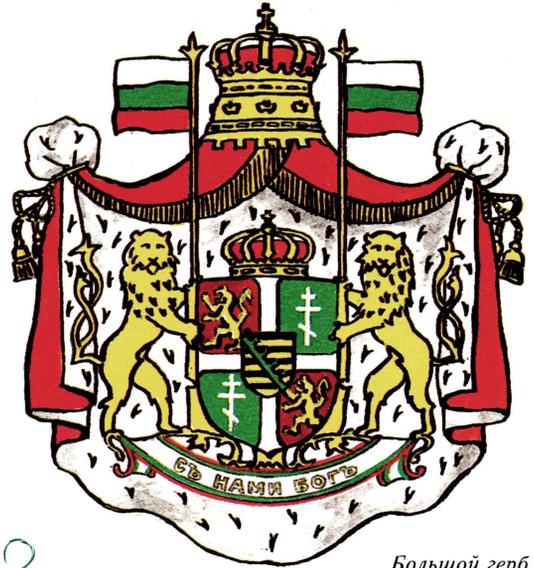
Продолжение следует

Этот кадр из журнала «Лайф» любим европейским туристом будет, несомненно, признан экзотическим, а для жителя тропического Таиланда, где и сделан снимок, — это обычная картина. Живя там, где соблазнительные плоды на верхушке кокосовой пальмы — такая же неотъемлемая деталь пейзажа, как безоблачное небо и яркое солнце, мальчишки вырастают невероятно гибкими и ловкими, осваивают традиционные и постоянно опробывают новые, своего собственного изобретения приемы передвижения по почти строго вертикальным стволам пальм. Вот так, втроем, двигаться, наверно, быстрее, удобнее, безопаснее, а может, просто... веселей.

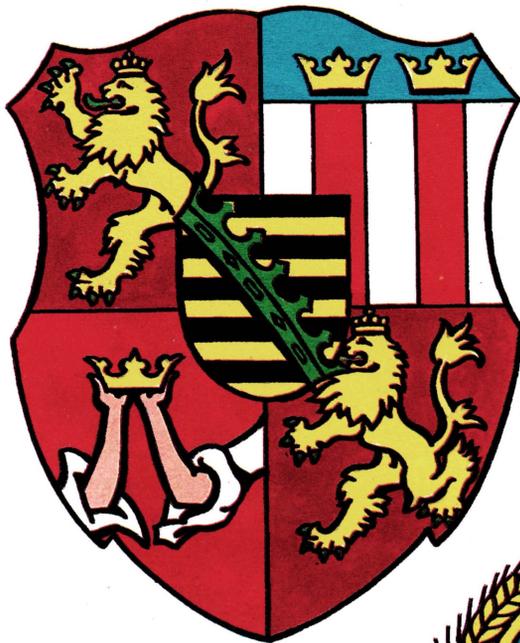

Щит болгарских воинов XII века (рисунок из арабской рукописи).

Большой герб Болгарского царства 1908-1918 гг.

17 78

Один из вариантов болгарского гербового щита конца XIX века (с гербами Фракии и Фессалии).

Средний герб Болгарского царства 1919-1944 гг.

Герб Народной Республики Болгарии 1971-1991 гг.